ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР.

ОТНЫНЕ НАСТУПАЕТ НОВАЯ ПОЛОСА В ИСТОРИИ РОССИИ, И ДАННАЯ ТРЕТЬЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА В СВОЁМ КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРИВЕСТИ К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА.

ЛЕНИН.

25 октября 1917 года.

1917—1922

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

М. ГОРЬКОГО

В. МОЛОТОВА

К. ВОРОШИЛОВА

С. КИРОВА

А. ЖДАНОВА

И. СТАЛИНА.

МОСКВА.

СЕКРЕТАРИАТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

1 9 4 3.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР.

2

ТОМ ВТОРОЙ.

ВЕЛИКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1917 ГОДА).

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА:

АЛЕКСАНДРОВ Г. Ф., МИНЦ И. И., ПОСПЕЛОВ П. Н., ЯРОСЛАВСКИЙ Ем., ГЕНКИНА Э. Б., ГОРОДЕЦКИЙ Е. Н., РАЗГОН И. М.

ТОВСТУХА И. П.

★

ОГИЗ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1943.

ВЕЛИКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. И. ЛЕНИН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРИЗИС НАЗРЕЛ.

1.

ПРИЗЫВ ЛЕНИНА К ВОССТАНИЮ.

Стояла поздняя осень 1917 года. В окопах — грязно и сыро. Миллионы солдат на фронте, проклиная Временное правительство, с тоской думали: неужели и четвёртую зиму придётся провести в окопах? В деревне по ночам небо озарялось огнём пожарищ. Тревожно гудел набат. Трудящиеся крестьяне, потеряв надежду получить землю из рук буржуазного Временного правительства, жгли дворянские имения, захватывали помещичьи земли, делили инвентарь. В городах рабочие забастовки следовали одна за другой, нарастая, как волны во время прибоя. Приближалась новая революция, которую предсказывал, ждал и готовил Ленин.

После расстрела июльской демонстрации 1917 года Ленин, преследуемый контрреволюцией по пятам, ушёл в подполье. Первые дни он скрывался в Петрограде у старого большевика С. Я. Аллилуева в скромной квартире по 10-й Рождественской улице в доме № 17а. Вождь партии большевиков занимал маленькую, в одно окно, комнату в пятом этаже. Временное правитель-

«Перед последним звонком Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона».

Рисунок И. М. Лебедева.

ство объявило награду за поимку Ленина. Шпионы следили за всеми видными работниками, державшими связь с Лениным, и легко могли напасть на след. 11 июля Владимир Ильич перебрался за город, в дачную местность близ Сестрорецка. Проводили его на вокзал в Петрограде товарищи Сталин и Аллилуев.

> «Перед последним звонком, — рассказывает товарищ Аллилуев, — Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона. Поезд тронулся. Мы с товарищем Сталиным стояли на платформе и следили глазами за дорогой фигурой» [1].

Поселился Ленин неподалеку от станции Разлив. Возле станции стоял маленький домик с сараем. Чердак сарая служил сеновалом, туда вела крутая лестница. На чердак втащили стол и стул. Здесь-то и поместился Ленин. Однако и за городом было небезопасно. Вокруг бродили дачники, чиновники и офицеры, злобно сплетничая о бегстве Ленина в Германию. Владимир Ильич решил укрыться в более надёжном месте — в лесу. За станцией, на берегу небольшого озера, находился луг. Место было пустынное, глухое. Дачники редко заглядывали туда. Жили поблизости одни лишь косари. Под видом такого косаря, с удостоверением на имя Константина Петровича Иванова, про-

брался сюда Ленин. На лесной поляне в стогу сена устроили подобие шалаша. Здесь поселили Ленина ближайшие его соратники. Сюда ему доставляли газеты и письма. За большим кустом у горящего костра, на котором грелся котелок с чаем, Ленин писал статьи, регулярно пересылаемые в Петроград. Иногда под вечер раздавался плеск вёсел. Пересекая озеро, пробирались к Ленину на лодке представители Центрального Комитета.

По поручению товарища Сталина однажды приехал к Ленину за директивами Серго Орджоникидзе. Он переправился через озеро и пошёл сквозь густой кустарник. Вышел на поляну. Из-за стога сена появился невысокий человек, поздоровался. Орджоникидзе собирался было пройти мимо, но незнакомец вдруг хлопнул его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаёте?

Без бороды и усов Ленин был неузнаваем [1].

В шалаше у Ленина Серго провёл несколько часов, подробно рассказав о работе Центрального Комитета.

Владимир Ильич через товарища Орджоникидзе переслал ряд указаний, как вести дальнейшую работу.

«— Что, товарищ Серго, не узнаёте?» (Приезд Серго Орджоникидзе к В. И. Ленину.)

Рисунок А. Н. Малиновского.

Серго Орджоникидзе.

Из своего убежища Ленин неустанно руководил работой VI съезда партии большевиков.

Но и тут, в лесу, Ильича не оставляли в покое. Агенты правительства рыскали по соседству в рабочем районе. Раз ночью Ленин проснулся от близкой перестрелки. По лесу гулко прокатывались выстрелы. «Выследили», решил Ленин и, покинув шалаш, спрятался в чаще. Но тревога была ложной. Оказалось, юнкера окружили Сестрорецкий завод, требуя у рабочих сдачи оружия.

В конце июля Центральный Комитет партии постановил перевезти Ленина в Финляндию. Организацию переезда возложили на товарища Орджоникидзе. Он привлёк к этому делу опытных конспираторов.

Стали разрабатывать план переезда. Из-за постоянной слежки перевезти Ленина было не легко. Сначала предполагали перейти пешком через границу. Отправились вдоль линии границы на разведку. Проверка паспортов на границе оказалась повсюду крайне строгой. Пришлось отказаться от первоначального плана. Решили тогда перебраться через границу на паровозе дачного поезда с помощью машиниста Финляндской железной дороги Хуго Ялава. Сообщили этот план Ленину. Владимир Ильич согласился.

Проект был такой: добраться до станции Разлив, оттуда поехать поездом до Удельной, близ Петрограда, а там посадить Ленина в качестве кочегара на паровоз и ехать по другой — Финляндской — дороге. Однако в самый последний момент, чтобы сократить путь, решили пешком пройти километров двенадцать до станции Левашово. Итти нужно было лесом. Двинулись гуськом по узкой, еле заметной тропинке.

Смеркалось. Наступала ночь. В темноте сбились с пути и попали в полосу лесного пожара. Удушливо запахло гарью. Горел торф. Долго блуждали, ежеминутно рискуя провалиться в горящий торф. Кое-как выбрались к речке. Разувшись, по колено в холодной воде перешли реку вброд. Но вот из темноты донёсся свисток паровоза. Станция. Было уже около часу ночи. На перроне уныло горел одинокий фонарь. Возле вокзала тол-

пились вооружённые гимназисты и юнкера. Ленин притаился в придорожной канаве. Сопровождавшие Владимира Ильича пошли на разведку. Одного задержали. Патруль потребовал документы и повёл задержанного в станционное помещение. За арестованным гурьбой повалили неопытные охранники. Перрон опустел. В это время подошёл поезд. Ленин быстро вскочил в последний вагон. Следом за ним прыгнул его спутник Эйно Рахья, финский большевик. После проверки документов юнкера отпустили задержанного.

Поздно ночью Ленин и его спутник добрались до станции Удельная. Совсем близко виднелось зарево огней ночного Петрограда. Переночевали у знакомого финна. На другой день, как было условлено, отправились на станцию. Подошёл идущий в Финляндию поезд. На паровозе — машинист Ялава. Он провёл состав далеко за станцию и остановил у железнодорожного переезда. Ленин взобрался на паровоз и, немедленно взявшись за лопату, принялся исполнять обязанности кочегара.

В Белоострове — пограничной станции — поезд встретили милиционеры Временного правительства. Стали обходить вагон за вагоном, тщательно проверяя паспорта и присматриваясь к пассажирам. Вот ищейки правительства уже подходят совсем

«В темноте сбились с пути и попали в полосу лесного пожара... Горел торф». (В. И. Ленин на пути к станции Левашово при переезде в Финляндию.)

Рисунок И. М. Лебедева.

Удостоверение на имя Константина Петровича Иванова, по которому жил В. И. Ленин после июльских дней 1917 года.

близко к паровозу. Ещё минута-другая и сыщики захватят Ленина, но машинист Ялава быстро нашёлся: он отцепил паровоз, заявив, что едет набирать воду. Проходит несколько томительных минут. Прозвучал уже второй звонок. Кондуктор бегает по перрону, суетится, свистит, а паровоза всё нет и нет. Только после третьего звонка Ялава примчал паровоз обратно, наскоро прицепил его и быстро повёл поезд через финляндскую границу. Так и не успели побывать на паровозе ищейки Керенского.

Некоторое время Ленин прожил в финляндской деревушке Ялкола, в двенадцати километрах от станции Териоки. В деревне Ленину трудно было поддерживать связь с партийными центрами. Надо было подыскать убежище в городе. В Гельсингфорсе нашли надёжную квартиру у начальника рабочей милиции, который по своей должности был утверждён старшим помощником полицеймейстера, а позже стал полицеймейстером города. Вряд ли кто мог заподозрить в таком крупном правительственном чиновнике укрывателя вождя большевиков.

Хозяин встретил приехавшего Ленина на улице. Вместе подошли к дому. Владимир Ильич предусмотрительно оглядел улицу. Только убедившись, что за ним никто не следит, он вошёл в подъезд. Прежде всего Ленин стал расспрашивать, как можно получать газеты. Он поручил доставать ежедневно все петроградские газеты и наладить регулярную посылку писем в Петроград. Ленин набросился на свежие газеты, быстро их прочитал и принялся писать. Усталый хозяин заснул, а в тишине комнаты ещё долго раздавался скрип пера и шелест газеты. Перед Лениным лежала тетрадь с заголовком «Государство и революция». Владимир Ильич писал книгу, которая стала одним из важнейших документов большевизма.

С большим трудом создали Ленину обстановку для работы. Установили надёжную почтовую связь с Центральным Комитетом и наладили регулярную доставку газет.

В тяжёлых условиях подполья, преследуемый шпионами, Ленин внимательно следил за ходом событий, за каждым шагом противника. Ленин сразу заметил поворот в тактике буржуазии. Контрреволюция потерпела поражение в августе 1917 года, но она не была разбита. Попытка генерала Корнилова восстановить монархию в стране провалилась, и сам Корнилов со своими

Чердак сарая, в котором нелегально жил и работал В. И. Ленин около станции Разлив.

сообщниками были арестованы, но они не расстались с мыслью вновь выступить против народа. Напротив, потерпев поражение, корниловцы спешили исправить свою ошибку: в августе против революционного Петрограда был брошен один конный корпус, а сейчас стали готовить несравненно больше сил. Этому не мешал даже «тюремный режим». «Тюрьмой» Корнилову служила женская гимназия в Быхове, а охрану мятежного генерала нёс тот же Текинский полк «Дикой дивизии», который в недавнем прошлом нёс охрану Корнилова в Ставке. При таком режиме и столь «бдительной» охране контрреволюционные генералы Корнилов, Лукомский, Марков, Деникин, Романовский и другие участники недавнего мятежа могли спокойно разрабатывать планы нового заговора. Из Быхова в Ставку — она находилась в Могилёве — непрерывно мчались курьеры, доставлявшие необходимые сведения. В Быхов к Корнилову приезжали представители буржуазии, банковских кругов, обещая финансовую помощь. Под видом подготовки к судебному процессу Корнилов имел возможность вызывать к себе любого командира из любой части фронта. Прибывших знакомили с планом подготовки заговора, давали поручения подобрать нужных людей. За короткий период Корнилов сумел подготовить в десять раз больше сил, чем в августе: почти четверть миллиона вооружённых людей можно было бросить в новый поход против народа. Среди них, как об этом уже писалось в I томе «Истории гражданской войны», было больше 40 специально созданных так называемых «ударных батальонов». В каждом из них по 1 100 хорошо вооружённых солдат, тщательно отобранных командирами. Эти батальоны располагались крайне удачно для контрреволюции: большая часть — на Северном и Западном фронтах. Они могли быстро выдвинуться вперёд и отрезать фронты от столиц, если бы там вспыхнуло большевистское восстание. Корнилов мог опереться на юнкерские школы и школы прапорщиков, в которых числилось около 50 тысяч вооружённых бойцов, преданных буржуазному Временному правительству. В соответствующих местах были подготовлены кавалерийские и казачьи дивизии — в Финляндии, Брянском районе, в Донбассе. Эти дивизии могли быстро притти на помощь Временному правительству.

В планах Корнилова серьёзное место отводилось корпусу чехословаков, стоявшему на Правобережной Украине. Под его прикрытием можно было вызвать войска с Юго-западного и Румынского фронтов, да и сам корпус хотели использовать против большевиков. В Белоруссии формировался польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, который мог отрезать Белоруссию от столиц.

Разумеется, Ленин не знал и не мог знать об этих подробностях заговора, — детали эти стали известны много лет спустя

после победы революции, — но в том и состоял гений Ленина, что он разгадал планы врагов: контрреволюция тайно и спешно создавала второй корниловский заговор. Буржуазия готовилась к гражданской войне против рабочих и крестьян.

Гражданская война — это *высшая* форма классовой борьбы, при которой все противоречия обостряются и переходят в вооружённую схватку. Гражданская война — *самая острая* форма классовой борьбы, когда всё общество раскалывается на два враждебных лагеря, силой оружия решающих вопрос о власти.

Маркс, изучая июньское восстание парижского пролетариата в 1848 году, дал такую характеристику гражданской войны:

> «Июньская революция впервые раскола всё общество на два враждебных лагеря — на восточный и западный Париж. Единения февральской революции не существует больше... Февральские бойцы сражаются теперь друг с другом, и — чего ещё никогда не бывало — не существует больше прежнего равнодушия, и каждый человек, способный носить оружие, сражается по эту или по ту сторону баррикады» [1].

Ленин, продолжая и развивая учение Маркса, писал о сущности гражданской войны:

> «...опыт... показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [2].

Именно к такому обострению подошла русская революция в сентябре — октябре 1917 года. Общество разделилось на два резко противоположных лагеря. В одном — буржуазия, помещики, кулацкие верхи деревни и казачества под руководством партии кадетов в союзе с эсеро-меньшевиками. Это — лагерь контрреволюции, спешно готовящий гражданскую войну против пролетариата. В другом — пролетариат и беднейшее крестьянство, руководимые партией большевиков. К ним всё явственнее склонялась и основная масса среднего крестьянства.

В народе произошли огромные сдвиги, свидетельствовавшие о приближении революции. Прежде всего коренным образом изменилась форма борьбы всех классов общества. Ленин неоднократно требовал *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. В различные моменты, в зависимости от различных условий — политических, национальных, бытовых и т. д. — различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы. После корниловского мятежа в рабочем движении появились новые элементы: рабочие не только бастовали, не только организовывали экономические и политические стачки, но и нередки были случаи, когда рабочие про-

гоняли предпринимателей с фабрик и заводов и брали в свои руки управление предприятиями. Это говорило о том, что рабочее движение упирается в проблему власти.

Коренным образом изменилось и крестьянское движение в стране. Корниловское движение показало широким крестьянским массам, что в «дворянские гнёзда» возвращаются помещики и вновь прибирают к рукам всю землю. После корниловского мятежа в деревне усилилось разгромное движение. Крестьяне жгли имения, выкуривали помещиков, разбирали инвентарь. Главной формой борьбы становилось разгромное движение. Борьба крестьян также упиралась в проблему власти. Крестьянское движение превращалось в крестьянское восстание.

Новая форма борьбы выдвинулась и в солдатских массах. Солдаты отказывались подчиняться распоряжениям своих командиров. Во многих полках солдаты прогоняли своих нелюбимых командиров и избирали на их место других, более близких по духу, а чаще — из среды самих солдат. В сентябре в Балтийском флоте моряки на некоторых кораблях выбросили за борт своих офицеров. Борьба солдат превращалась в восстание. И в армии движение вплотную подходило к вопросу о власти.

Наконец, заметный сдвиг произошёл и в среде трудящихся угнетённых наций. Через голову своих буржуазно-националистических организаций трудящиеся массы стали всё чаще связываться с большевистскими организациями. Трудящиеся угнетённых национальностей начали понимать, что свободу они могут получить не от своих буржуазных организаций, а из рук победившего народа.

Во всех слоях трудящегося населения изменилась форма борьбы. Всё движение подходило вплотную к вооружённому восстанию.

В лагере революции — подавляющий перевес сил. Но, как это не раз показывал опыт, буржуазия, располагая организованной военной силой, командным составом, сетью белогвардейских организаций, могла разгромить этот лагерь революции. Русская буржуазия вновь собирала для этого силы. Предупредить выступление контрреволюции можно было только вооружённым восстанием рабочих и солдат.

Между 12 и 14 сентября Ленин написал *два* директивных письма Центральному Комитету, Петербургскому и Московскому комитетам большевиков. Он отмечал, что

«получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки» [1].

Ленин с исключительной чёткостью объяснил, почему именно сейчас восстание стало в порядке дня.

«Восстание, — писал Владимир Ильич, — чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъём народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей* революции» [1].

Эти три условия были налицо.

Пролетариат полностью поддерживал партию большевиков. Это показал провал авантюры генерала Корнилова, когда на призыв большевиков поднялся весь рабочий класс. Это подтвердили Советы обеих столиц, приняв резолюции большевиков. Об этом говорили перевыборы Советов в промышленных центрах, где руководство переходило в руки пролетарской партии.

«За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы»[2], — писал Ленин.

Широкие слои крестьянства высвобождались из-под влияния помещиков и буржуазии. Политически это выразилось в развале партии эсеров. Усиливались «левые» эсеры. Меньшевики искали новую опору и цеплялись за земцев, кооператоров, представляющих кулацкие группы деревни. Солдаты изживали последние остатки доверия к соглашателям.

Это подтвердил рост влияния большевистской партии на армию. Исстрадавшийся и изголодавшийся народ понял, что мир, землю, хлеб он может получить только из рук пролетариата.

«...за нами *большинство* народа» [3], — писал Ленин.

В лагере ближайших союзников буржуазии — среди эсеров и меньшевиков — чувствовались неуверенность в своих силах, разброд, появились всякие «левые» течения как среди меньшевиков, так и среди эсеров.

Колебание было и в лагере контрреволюции. Хотя кадеты и крепко сколачивали все буржуазные элементы в единый блок, однако им не удалось устранить противоречия между отдельными группами. Черносотенцы тянули назад, к старому режиму. Левые кадеты всё ещё держались за соглашение с эсеро-меньшевиками.

Колебанием прежде всего пытался воспользоваться германский империализм. Германское правительство в начале сентября 1917 года тайно обратилось к Франции с предложением заключить мир. Германия соглашалась пойти на уступки Франции и Англии на Западе при условии получить свою долю на Востоке. Германские дипломаты при этом спекулировали угрозой грядущей революции, ибо к осени 1917 года во французской армии начались волнения. Солдаты требовали мира. Движение охва-

тывало целые корпуса и проникало даже и в английские части. Угрожая возможностью революции, Германия пыталась добиться мира на Западе, чтобы развязать себе руки на Востоке и покончить с Россией.

Но переговоры затянулись. Маневр немцев не достиг цели. Тогда германская дипломатия, никогда не брезговавшая никакими средствами, быстро переменила фронт и обратилась к буржуазному Временному правительству с предложением начать переговоры о сепаратном мире. Временное правительство непрочь было пойти на переговоры: это позволяло всеми силами обрушиться на большевиков. Но когда в большевистской печати появились сведения о сговоре империалистов, вся буржуазная и соглашательская печать подняла крик о «большевистской клевете». Кадетские газеты трубили об «особой осведомлённости большевиков», намекая, что сведения якобы почерпнуты из немецких источников.

Между тем слухи о закулисной сделке появились в иностранной прессе. В кругах Антанты заговорили о попытке Временного правительства пойти на сепаратный мир с Германией. Министры Временного правительства вспомнили, что такая попытка однажды ускорила падение одного правительства: положение Николая II оказалось очень затруднительным, когда стало известно о его попытке заключить сепаратный мир с Германией. Временное правительство стало заметать следы.

Министр иностранных дел Терещенко, вчера ещё отрицавший «слухи» о сговоре, вынужден был заявить в печати, что Германия действительно предлагала заключить мир. Американский посол в России Френсис признавался уже после гражданской войны:

> «Терещенко, прежний министр финансов и министр иностранных дел, прибыл в Архангельск и дважды обедал у меня...
>
> Терещенко уверял меня, что около 1 августа он получил выгодные предложения о мире от Германии. Он показал их только Керенскому»[1].

Русская буржуазия принимала участие в грабительском сговоре. За удушение революции имущие классы России готовы были продать часть страны.

Колебания в стане контрреволюции сковывали инициативу буржуазии. Наоборот, в лагере революции под руководством партии большевиков силы увеличивались и крепла готовность к борьбе. В дни корниловщины большевики показали всему народу своё умение руководить борьбой с контрреволюцией и решительно отстаивать интересы трудящихся.

Письмо Ленина в Центральный Комитет, Петроградский и Московский комитеты заканчивалось следующими словами:

«Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвёт* игру с сепаратным миром против революции, сорвёт её тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции»[1].

Ленин призвал партию к восстанию. Но речь шла пока не о самом дне восстания, не о точном его сроке. Этот вопрос, по мнению Ленина, могли решить те, кто соприкасался с рабочими и солдатами, с массами. *Назрел кризис — это надо было сделать ясным для партии.* В порядок дня всей работы партии должна была стать подготовка вооружённого восстания.

Но такая задача требовала от большевиков соответствующего изменения тактики.

Прежде всего необходимо было порвать с так называемым Демократическим совещанием, которое открывалось 14 сентября. Напуганное народным движением против корниловского мятежа, Временное правительство пыталось укрепить своё положение. Решено было расширить базу, на которую опиралось правительство. В Петрограде было созвано совещание, названное эсеро-меньшевиками в целях обмана народа Демократическим. В состав совещания были приглашены представители городских дум, земств, кооперативов, Советов рабочих и солдатских депутатов, армейских организаций, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов. При этом думы и земства получили несравненно больше представительства, чем организации рабочих, солдат и крестьян. Временное правительство предполагало, что Демократическое совещание при таком подтасованном представительстве выскажется за поддержку буржуазного правительства. Таким путём соглашатели думали предупредить революцию и перевести страну с пути советской революции на путь буржуазно-конституционного развития. Кстати, даже такое искусственно подобранное совещание высказалось за создание коалиционного правительства, но без участия в нём кадетов, — настолько сильно было недовольство правительством в народных массах.

Партия большевиков приняла участие в Демократическом совещании не для органической работы, как клеветал Троцкий, а для разоблачения эсеро-меньшевистских маневров.

«...деятельность в Предпарламенте, — читаем мы в резолюции Центрального Комитета от 24 сентября, — должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы»[2].

Но по мере нарастания революционного подъёма, в условиях

подготовки вооружённого восстания, даже такая вспомогательная работа в Демократическом совещании была бы ошибочной. Участие большевиков в Демократическом совещании могло создать впечатление в массах, что через совещание можно добиться мира, земли, рабочего контроля над производством. Оставаться в совещании — значило создавать иллюзии мирного развития революции и отвлекать массы от революционного пути. Ленин потребовал сплотить большевистскую фракцию, оставить колеблющихся и уйти с совещания.

> «Прочтя эту декларацию, — писал Ленин, — призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы и в казармы:* там её место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания»[1].

Ленин особенно подчёркивал, что сосредоточение всей большевистской фракции на заводах и в казармах позволит нам правильно выбрать момент для начала восстания.

От *участия* в совещании к *бойкоту* совещания — такого изменения в тактике партии требовал курс на восстание.

Второе своё письмо в Центральный Комитет большевиков Ленин так и назвал: «Марксизм и восстание». Ленин собрал всё, что говорили о тактике восстания Маркс и Энгельс и что в продолжение многих лет скрывали от массы оппортунисты всех стран. Учение Маркса и Энгельса о восстании выросло на опыте революций 1848 года и на опыте героической Парижской коммуны. Великие учители марксизма следили за каждым взрывом революции, ища в них новые уроки, делая новые выводы. Ленин обобщил высказывания Маркса и Энгельса и свёл их в стройную систему руководящих правил и положений. В письмах, в статьях Ленин неустанно требовал подхода к восстанию, как к искусству. Он указывал, что, решившись на восстание, надо идти до конца. Он убеждал, что для проведения этого плана необходимо собрать решающие силы в решающем пункте и в ходе восстания сохранить моральный перевес над врагом, а для этого ежедневно, ежечасно закреплять успех за успехом, ибо оборона — смерть вооружённого восстания.

Ленин требовал, наконец, чтобы партия большевиков со всей серьёзностью отнеслась к делу *технической* подготовки восстания. Он писал:

> «...чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (театр, где заседало Демократическое совещание. — *Ред.*), занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и

к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооружённых рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооружённой борьбы и т. д.»[1]

Это ещё не было планом выступления. Все эти замечания, как писал Ленин, являлись лишь иллюстрацией того, что к восстанию надо отнестись, как к искусству. Но если сравнить фактический ход последующих событий с этой иллюстрацией, можно видеть, как глубоко Ленин продумал организацию восстания, как тщательно изучил он условия победы. Ленин не только восстановил и обобщил высказывания Маркса, но и развил его учение, блестяще применив его к конкретным условиям нашей революции.

Свой смелый призыв к партии Ленин закончил выражением бодрой уверенности в победе:

«Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнёт; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно* и *несомненно*»[2].

2.

КУРС НА ВОССТАНИЕ.

Письма Ленина обсуждались в Центральном Комитете большевиков 15 сентября. На этом заседании Каменев, впоследствии расстрелянный как враг народа, резко выступил против Ленина. Он доказывал, что Ленин оторвался от жизни. Каменев требовал сжечь письма, называл их «бредом сумасшедшего». Боевой призыв вождя партии испугал тех, кто давно уже вёл борьбу против партии, против Ленина.

Центральный Комитет дал решительный отпор перепуганному предателю. Сталин предложил обсудить письма и разослать их наиболее крупным организациям большевистской партии.

Тогда Каменев зачитал резолюцию, в которой пытался противопоставить Ленина и Центральный Комитет:

«Центральный Комитет, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, при-

зывает все организации следовать только указаниям Центрального Комитета и вновь подтверждает, что Центральный Комитет находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу»[1].

Каменев пытался создать впечатление, что Ленин не отражает мнения Центрального Комитета большевиков.

Но подлый маневр не удался. Центральный Комитет отверг предложение Каменева.

Письма Ленина были разосланы по крупнейшим организациям большевистской партии.

Работа Центрального Комитета с момента получения этих писем пошла в духе указаний Ленина.

«Уже с конца сентября, — писал в первую годовщину Великой пролетарской революции Сталин, — Центральный комитет партии большевиков решил мобилизовать все силы партии для организации успешного восстания»[2].

Был выделен ряд членов Центрального Комитета, которые занялись проверкой сил Красной гвардии, её вооружением, выявлением складов оружия, учётом воинских частей и настроения их. Была активизирована военная организация большевиков, которая усилила связи с военными частями, создавала там свои ячейки, вела большую пропагандистскую и агитационную работу среди солдат и матросов.

Вся работа по подготовке восстания проходила в самых конспиративных условиях. Дело решалось не на обычных заседаниях с резолюциями и протоколами. Условия работы партии, самые задачи подготовки восстания определяли и своеобразный характер этой работы. Исходя из указаний Владимира Ильича, члены Центрального Комитета устанавливали связи с местными работниками, инструктировали наиболее испытанных из них. Иногда важнейшие решения и организационные меры принимались на ходу, передавались через доверенных людей лично и устно. Всячески избегали писаных инструкций и письменной информации.

В доме Сергиевского братства на Фурштадтской улице — под флагом издательства «Прибой» — помещалась нелегальная штаб-квартира большевиков. Она была расположена в непосредственном соседстве с церковью, почему её в шутку называли «под крестами». Сюда ежедневно со всех концов России являлись представители местных большевистских организаций за помощью и указаниями. Здесь был опорный пункт работы Я. М. Свердлова, державшего в своих руках все организационные связи Центрального Комитета большевиков.

В этот знаменательный период жизни партии, как и всегда вместе с Лениным, организовывал победу товарищ Сталин. На VI съезде партии Сталин выступил как политический руково-

И. В. СТАЛИН.

дитель съезда, ближайший помощник Ленина, которому Владимир Ильич доверял осуществление политической линии. Находясь в Центральном Комитете и в редакции центрального органа «Рабочий путь», — так пришлось из-за преследования правительства переименовать «Правду», — Сталин вёл и организаторскую работу и работу по проведению и разъяснению ленинской линии партии большевиков. Роль центрального органа в тех условиях была огромна. Основную политическую ориентировку партийные организации находили в статьях Ленина и Сталина.

Центральный Комитет твёрдо и уверенно взял курс на восстание. Это нашло немедленное отражение в «Рабочем пути».

Уже 17 сентября, т. е. через день после первого обсуждения ленинского письма, Сталин, редактор центрального органа большевистской партии, писал в «Рабочем пути»:

> «Революция идёт. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контрреволюции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы.
>
> «Вся власть Советам» — таков лозунг нового движения...
>
> На прямой вопрос, поставленный жизнью, требуется ясный и определённый ответ.
>
> За Советы или против них!»[1]

Тут не было прямого призыва к восстанию — он был невозможен в легальной печати. Но вся статья дышала ленинским духом и звала к решительной борьбе. Чрезвычайно искусно обходя цензурные препятствия, Сталин дал блестящий образец широкой агитации в открытой печати за вооружённое восстание.

> «... в России происходит решающий процесс вырастания новой власти, действительно народной, действительно революционной, ведущей отчаянную борьбу за существование, — писал Сталин в следующем номере «Рабочего пути». — С одной стороны — Советы, стоящие во главе революции, во главе борьбы с контрреволюцией, которая ещё не разбита, которая только отступила, благоразумно спрятавшись за спиной правительства. С другой стороны — правительство Керенского, которое покрывает контрреволюционеров, которое сговаривается с корниловцами (кадеты!), которое объявило войну Советам, стараясь их разбить, чтобы самому не быть разбитым.
>
> Кто победит в этой борьбе — в этом теперь вся суть... Основное теперь не в выработке общей формулы «спасения»

революции, — а в прямой поддержке Советов в их борьбе с правительством Керенского»[1].

Сталин прекрасно выполнил пожелание Ленина, высказанное в первом письме о вооружённом восстании:

> «Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати»[2].

В статьях Сталина мы не найдём слова «восстание». И всё же каждая строка этих статей дышит простой, убедительной и открытой агитацией за захват власти.

Проведение ленинской линии в центральном органе снова вызвало протесты Каменева. На следующем заседании Центрального Комитета, 20 сентября, Каменев протестовал против слишком резкого, по его мнению, тона газеты и возражал против отдельных выражений в статьях. Центральный Комитет вынес по этому поводу специальное решение:

> «... откладывая подробное обсуждение вопроса о ведении центрального органа, Центральный Комитет признаёт, что общее направление его целиком совпадает с линией Центрального Комитета»[3].

Центральный Комитет партии большевиков полностью одобрил линию центрального органа, который в редакционных статьях Сталина спокойно и твёрдо проводил ленинские установки. Это подчеркнул и сам Ленин:

> «Сейчас не будем останавливаться на фактах, свидетельствующих о нарастании новой революции, ибо, судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути», партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление, кажется, общепризнанное партией»[4].

Под «новой революцией» Ленин понимал вооружённое восстание. Иначе нельзя было выражаться в подцензурной печати.

Такая оценка была дана Лениным ещё 22 сентября после опубликования в центральном органе статей Сталина. Как и для Ленина, для Центрального Комитета большевистской партии вооружённое восстание было лозунгом действия. Именно эту идею настойчиво и непрерывно проводил в газете Сталин.

Но лозунг действия требовал определённых тактических шагов. 21 сентября Центральный Комитет обсуждал тактические меры, вытекающие из курса на восстание. Шёл вопрос об уходе с Демократического совещания.

Демократическое совещание доживало последние часы. Заседал главным образом президиум. На этих заседаниях один из министров — меньшевик Церетели уговаривал делегатов, добиваясь признания коалиции. Уже была утверждена замена Демократического совещания выбранным из его же состава Советом Российской республики.

Эсеры и меньшевики заранее назвали новый орган Предпарламентом, чтобы поднять его авторитет, показать народу, что Россия якобы вступила уже на путь буржуазного парламентаризма. Сталин называл в своих статьях Предпарламент «выкидышем корниловщины». Рабочие со своей стороны, издеваясь над соглашателями, прозвали Предпарламент «предбанником».

Центральному Комитету партии большевиков приходилось, таким образом, решать вопрос, как быть с новым эсеро-меньшевистским учреждением. Было вынесено постановление: Демократического совещания не покидать, отозвать большевиков из президиума, но в Предпарламент не входить. Считаясь, однако, с тем, что за резолюцию высказалось девять человек, а против — восемь, Центральный Комитет постановил окончательное решение передать большевистской фракции совещания.

В тот же день — 21 сентября — собралась большевистская фракция Демократического совещания. Каменев, Рыков, Рязанов требовали оставаться в Предпарламенте. Нельзя бойкотировать парламент, говорили они, уход из него равносилен восстанию. Явно антиленинскую позицию занимал Троцкий. Он предлагал, не входя пока в Предпарламент, отложить решение вопроса до съезда Советов.

Эту позицию Троцкий позже мошеннически пытался выдать за ленинскую тактику бойкота.

Чёткую и ясную позицию занял Сталин. Войти в Предпарламент — значит ввести в заблуждение массы и создать впечатление о возможности блока с соглашателями, значит укрепить того самого врага, которого мы готовимся свергать. Сталин предложил бойкотировать Предпарламент и отдать все силы борьбе вне его стен.

Противникам бойкота удалось, однако, увлечь потерявших чутьё «парламентских» представителей партии. Выборы в Демократическое совещание производились не прямо от населения, а по организациям. Большевики проходили либо от Советов, либо от городских дум, кооперации и т. д. Соглашательская обстановка, постоянное воздействие перепуганных мелких буржуа повлияли и на отдельных большевиков. 77 членов фракции против 50 высказались за участие в Предпарламенте, задачей которого было обмануть массы.

Как только Ленин узнал об этом решении фракции, он написал письмо, прямо посвящённое «ошибкам нашей партии». До сих пор Ленин звал партию большевиков с совещания на заводы и в казармы, но нигде ещё не говорил об ошибках. Сейчас он резко обрушился на тех, кто отстаивал участие в подтасованном «парламенте».

«У нас не всё ладно в «парламентских» верхах партии, — писал Ленин, — больше внимания к ним, больше надзора

рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже. Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления её»[1].

Центральный Комитет 23 сентября снова вернулся к вопросу о Демократическом совещании. Поведение «парламентской» фракции подверглось резкой критике. Демократическое совещание приняло перед этим резолюцию, в которой требовало от правительства заключить мир. Было ясно, что эсеро-меньшевистские предатели, столько месяцев болтавшие о мире, и на сей раз только подписали новую бумажку. Большевики должны были разоблачить этот лицемерный шаг. Между тем фракция во главе с Каменевым и Рязановым голосовала за резолюцию. Руководители фракции тянули её на парламентский путь.

Центральный Комитет осудил поведение фракции. Чтобы подчеркнуть, как недопустимо даже в мелочах создавать «парламентские» иллюзии единства с соглашателями, Центральный Комитет принял резолюцию:

«Заслушав сообщение, что Рязанов назвал Церетели «товарищем» при чтении декларации, Центральный Комитет предлагает товарищам при публичных выступлениях не называть «товарищами» тех, в отношении которых такое обращение может оскорбить революционное чувство рабочих»[2].

Кроме того Центральный Комитет постановил созвать 24 сентября партийное совещание из членов Центрального Комитета большевиков, Петербургского комитета и фракции Демократического совещания.

Партийное совещание состоялось в намеченный день и приняло резолюцию с призывом:

«... приложить все усилия для мобилизации широких народных масс, организованных Советами... являющимися теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня»[3].

Неправильная линия большевистской фракции была выправлена.

Но противники восстания вместо борьбы за немедленное взятие власти продолжали цепляться за участие в Предпарламенте. Это течение нужно было разоблачить и преодолеть.

Центральный Комитет большевиков 24 сентября призвал партию требовать немедленного созыва съезда Советов в противовес Предпарламенту, а на местах, где глубже было революционное настроение, приступить к созыву явочным порядком областных и окружных съездов.

«Долг пролетариата, как вождя русской революции, — писал Сталин в передовой статье «Рабочего пути», — сорвать

маску с этого правительства и показать массам его настоящее контрреволюционное лицо... Долг пролетариата сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам.

Столичные рабочие и солдаты уже сделали первый шаг, выразив недоверие правительству Керенского — Коновалова...

Слово теперь за провинцией»[1].

За день до решения Центрального Комитета большевиков — 23 сентября — эсеро-меньшевики в Центральном исполнительном комитете под давлением масс постановили, наконец, созвать II съезд Советов на 20 октября. С 27 сентября «Рабочий путь» выходит под лозунгом: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20 октября! Немедленно созывайте областные съезды Советов!»

На заседании 29 сентября Центральный Комитет постановил созвать 5 октября съезд Советов Северной области, т. е. Финляндии, Петрограда и ближайших к нему городов, где господствовало большевистское настроение. Задачей съезда ставилось ускорить агитационную и организационную подготовку вооружённого восстания.

3.

ДИРЕКТИВЫ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Обстановка к началу октября 1917 года снова изменилась. Революция сделала ещё шаг вперёд и подвела страну вплотную к восстанию.

В Финляндии власть фактически находилась в руках Совета. Под нажимом революционных матросов, солдат и рабочих областной комитет Советов, где ещё сильны были оборонцы, вынужден был созвать областной съезд Финляндии.

Третий областной съезд открылся в Гельсингфорсе 9 сентября. С первых же минут стало ясно, что подавляющее большинство делегатов стоит на революционных позициях. Первые два съезда Финляндии были оборонческими, теперь оборонцев почти не было видно. Всюду — решительные, смелые лица готовых к борьбе матросов, солдат, рабочих. На съезде с самого начала образовалось прочное большинство из большевиков и отколовшихся от своей партии «левых» эсеров. Они голосовали за большевистские резолюции. Лишь по вопросу о власти «левые» эсеры внесли самостоятельную резолюцию. Однако большинством 74 голосов против 16 была принята резолюция большевиков. В но-

вый областной комитет прошли 37 большевиков, 26 «левых» эсеров и 2 меньшевика-интернационалиста.

После съезда началась быстрая большевизация Советов Финляндии. В наиболее важных центрах — Выборге, Гельсингфорсе — большевики заняли в Советах преобладающее положение. Одновременно активизировались Советы и других окружающих Петроград городов, где стояли крупные гарнизоны. Они также выносили резолюции с требованиями созыва II съезда Советов. Советы Кронштадта, Юрьева, Ревеля выдвинули своим боевым лозунгом: «Вся власть Советам!»

Ближайший тыл Петрограда оказался в руках большевиков.

Северный фронт так же, как и Финляндия, готов был поддержать большевистскую партию. В Петрограде пролетариат требовал перехода власти к Советам. В Москве на недавних выборах в районные думы большевики собрали более половины всех голосов. Выборы в Москве явились едва ли не наиболее верным признаком глубокого поворота в массах. Москва по сравнению с Петроградом была более мелкобуржуазна. Московский рабочий был теснее связан с деревней, ближе к деревенским настроениям. Голосование в Москве, где большевики среди солдат собрали 14 тысяч голосов из 17 тысяч, говорило не только о готовности пролетариата к борьбе, но и о резком повороте деревенских масс.

В столицах, в промышленных центрах, окружающих Москву и Петроград, на ближайших фронтах в армии партия Ленина имела за собой большинство. С Урала и Донбасса, с Поволжья и Украины также шли бодрые вести о полной готовности к новой, пролетарской революции.

Изменилась и международная обстановка. Отдельные случаи мятежей превратились в начало военных восстаний. В Германии, где царил военно-каторжный режим, в сентябре 1917 года восстали матросы пяти крупнейших судов. Матросы выбросили за борт капитана крейсера «Вестфален» и высадились на берег. Моряки крейсера «Нюренберг» арестовали офицеров и двинулись в Норвегию, чтобы там высадиться. Правительственные миноносцы окружили восставший крейсер и под угрозой потопления вернули его в Германию. Движение настолько разрослось, что молчать о нём уже было невозможно. Германское правительство выступило в рейхстаге с признанием, что во флоте разразилось восстание.

События в Германии несомненно указывали на перелом в настроении революционных масс Европы. Они служили признаками *кануна революции* во всём мире.

«Кризис назрел, — писал Ленин 29 сентября. — Всё будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Всё будущее международной

рабочей революции за социализм поставлено на карту.
Кризис назрел...»[1]

Ленин решил, что момент наступил: лозунг действия — подготовка вооружённого восстания — превратился в директиву — выступать сейчас.

В такую минуту цепляться за Предпарламент граничило уже с предательством революции. Не осмеливаясь открыто выступать против восстания, противники его предлагали ждать съезда Советов. Отложить же решение вопроса о власти до съезда Советов значило выдать врагу назначенный для выступления срок. Противник получал возможность подтянуть силы и разгромить центры и организации восстания. Это означало фактически итти на провал дела, отдать инициативу врагу.

Позицию отсрочки восстания до съезда Советов занял Троцкий. 20 сентября, выступая в Петроградском Совете, он говорил, что вопрос о власти решит съезд Советов. До этого Троцкий считал возможным ликвидацию «совета пяти» (так называлось правительство Керенского. — *Ред.*) и выделение Демократическим совещанием Временного комитета.

Надеяться, что подтасованное предателями совещание сможет создать какое-то «переходное» правительство до съезда Советов, значило итти в соглашательскую ловушку, дезориентировать массы в решающий момент.

На следующий день Троцкий на фракции Демократического совещания снова предложил отложить окончательное решение вопроса о власти до съезда Советов.

Троцкий не осмелился выступать открыто против вооружённого восстания, но на деле, подобно Каменеву, срывал восстание. Как и все меньшевики, Троцкий боялся восстания, считая возможным мирно решить вопрос о власти. Троцкий доказывал, что отказ вывести гарнизон из столицы на три четверти якобы решает вопрос о победе революции. По существу, позиция Троцкого вела к сохранению буржуазной власти. Мало того, откладывая восстание до съезда Советов, Троцкий открывал карты врагу, расстраивая революционные ряды и демобилизуя настроение рвущихся в бой масс.

Ленин резко обрушился на саботирующих восстание. Со страстностью революционного борца, уверенного в победе, Ленин указывал на предательский характер отсрочки.

С решительностью вождя, понявшего, что назрел самый подходящий момент, Ленин клеймил упирающихся. В специальном приложении к статье «Кризис назрел», написанном для Центрального Комитета, Петроградского и Московского комитетов, Ленин писал, дважды и трижды подчёркивая отдельные места:

«Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *всё*.

Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания).

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо *съезд ничего не даст, ничего не может дать!*»[1]

Настойчиво и решительно Ленин снова и снова повторяет свои доводы за немедленное восстание. За нами большинство в стране. Советы обеих столиц — наши. У эсеров и меньшевиков полный развал. Мы несём лозунги, обеспечивающие полную поддержку трудящихся: Долой правительство, затягивающее мир! Долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков!

«Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам, — призывал Ленин, — ... мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трёх пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота... мы имеем *тысячи* вооружённых рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, а агитация *в армии* пойдёт такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.»[2]

По получении этого письма Центральный Комитет 3 октября решил вызвать Ленина в Петроград для постоянной и тесной связи.

Ленин был недоволен тем, что ему приходилось оставаться далеко от разгоравшейся в столице борьбы. Письма из Петрограда запаздывали. Столичные газеты приходили лишь на другой день к вечеру. Вождь пролетарской революции стремился быть ближе к водовороту революционных событий. Ленин заявил, что хочет перебраться в Выборг. У театрального парикмахера купили стариковский парик. Владимира Ильича опять загримировали. 17 сентября он выбрался из Гельсингфорса. В Выборге Ленин обосновался на окраине города, у редактора местной социал-демократической газеты Латукки. Отсюда он попрежнему неутомимо писал, учил, инструктировал, торопил товарищей.

Центральный Комитет большевиков 5 октября всеми голосами против одного — Каменева — постановил уйти с первого же заседания Предпарламента.

На том же заседании было постановлено перенести Северный съезд на 10 октября, созвав его не в Финляндии, а в Петрограде. Петроградскому Совету обязательно принять участие в работе съезда. Кроме того было решено пригласить на съезд и Московский Совет. Этим постановлением Центральный Комитет подчеркнул, какое огромное значение придаётся Северному съезду.

Он превращался в генеральный смотр сил накануне выступления. Его решения становились образцом для всех областных съездов Советов. На нём можно было мобилизовать массы для подготовки восстания.

Чтобы превратить решения Северного съезда в директивы, Сталин предложил приурочить к созыву Северного съезда, т. е. к 10 октября, партийное совещание из членов Центрального Комитета, петроградских и московских работников. Предложение Сталина было принято. От созыва партийного съезда решено было отказаться: нельзя было отвлекать внимание от подготовки восстания, все силы должны были быть сконцентрированы на одном вопросе — на восстании.

Через день — 7 октября — в Мариинском дворце начались работы Предпарламента. На торжественное открытие его собрались представители столичных учреждений, приехали министры и крупные чиновники. Справа и в центре зала уселись кадеты. Московские купцы-толстосумы, питерские промышленные тузы, провинциальные помещики, кулаки и домовладельцы собираются вершить «судьбы революции». Между ними угодливо вертятся меньшевики и эсеры. И все вместе настороженно и сердито косятся влево, на те скамьи, где располагаются большевики.

Заседание открывает Керенский. Под одобрительные аплодисменты справа и из центра Керенский возбуждённо жалуется, что его никто не слушает, что армией завладели большевики.

После Керенского говорит дряхлая эсеровская «бабушка» Брешко-Брешковская. Она старчески брюзжит, вспоминая о том, какое спокойствие было в начале революции и как неспокойно всё вокруг теперь. С пустой, напыщенной речью выступает выбранный председателем Совета Российской республики правый эсер Авксентьев. Затем нудно и долго тянутся выборы секретарей и подсекретарей. В это время «вожди» Предпарламента совещаются между собой о том, как помешать выступлению большевиков на заседании. Большевики настойчиво требуют слова для оглашения своей декларации. Наконец после многих повторных требований Авксентьев предоставляет слово представителю фракции большевиков. Декларация большевиков бесит буржуазных и соглашательских депутатов. Характеристика большевиками правительства Керенского как «правительства народной измены» выводит их из себя. Они шумят и мешают большевикам огласить декларацию.

— Вон с трибуны! — кричат разъярённые кадеты.

— Молчать, Кишкины — Бурышкины! — отвечают им с большевистских скамей.

С перекошенными злобой лицами, кооператоры, рассерженные разоблачениями кадеты из городских дум, соглашатели из давно не переизбиравшихся исполкомов вскакивали с мест, бро-

сались с кулаками к трибуне. Под градом ругательств и оскорблений кадетов и оборонцев большевики, огласив декларацию, покидают зал.

— Счастливого пути! — провожает их злобно-насмешливый голос.

— Ещё увидимся! — пророчески отвечают большевики.

Центральный Комитет сломил сопротивление саботажников. Партия порвала с Предпарламентом, где корниловцы под прикрытием соглашателей готовили атаку против революции. Рабочие и трудящиеся поняли, что мирным иллюзиям не осталось места. Только самоотверженная борьба могла решить исход революции.

> «Первый заговор корниловщины был сорван, — писал Сталин после ухода большевиков из Предпарламента. — Но контрреволюция не была сломлена. Она только отступила, спрятавшись за спиной правительства Керенского и укрепившись на новых позициях...
>
> Пусть знают рабочие и солдаты, пусть знают крестьяне и матросы, что борьба идёт за *мир* и *хлеб*, за *землю* и *свободу* против капиталистов и помещиков, против спекулянтов и мародёров, против изменников и предателей, против всех, кто не хочет раз навсегда покончить с организующейся корниловщиной.
>
> Корниловщина мобилизуется, — готовьтесь к отпору»[1].

Получив решение Центрального Комитета о вызове в Петроград, Владимир Ильич решил доехать на поезде до станции Райвола на финляндской границе, а оттуда опять на паровозе того же машиниста Ялава — до станции Удельная.

Ленина снова загримировали и переодели. 7 октября в 2 часа 25 минут сели в поезд. Условились, что Ленин и его спутник Рахья не войдут в вагон и останутся на площадке. Будут говорить по-фински, а Ленин изредка отвечать односложными словами: «я» или «ей». По-русски это означало: «да», «нет».

Публики набилось в вагон много. Рахья, как условились, заговорил по-фински. Ленин отвечал ему невпопад: где надо было говорить «да», Владимир Ильич отрицательно мотал головой, а где полагалось сказать «нет», следовало отрывистое «да».

Однако переезд до Райвола прошёл благополучно. Выйдя из поезда, Ленин пошёл вдоль линии до того места, где Ялава грузил на паровоз дрова, километрах в полутора от станции. Владимир Ильич скрылся в кустах, а спутник его взобрался на паровоз. Ялава встревоженно шепнул, что двое субъектов как будто следят за паровозом, и посоветовал итти по направлению к станции — он их нагонит. Владимир Ильич двинулся вдоль железнодорожного полотна. До отхода поезда оставалась

Уход большевиков из Предпарламента. Рисунок П. М. Лебедева.

одна минута, а Ялава все ещё не было. Наконец показался быстро мчавшийся паровоз. Ялава резко затормозил, Ленин взобрался на паровоз, и Ялава плавно подвёл паровоз к поезду.

Ночью Ленин добрался до пригородной станции Удельная. Оттуда он пешком прошёл в город на Выборгскую сторону. Прежде всего Ленин потребовал свидания со Сталиным. Оно состоялось 8 октября.

Свидание длилось несколько часов. Сталин познакомил Ленина с ходом подготовки восстания. Подробно и жадно расспрашивал Владимир Ильич о настроении в полках и на заводах.

Десятого октября не удалось собрать расширенное партийное совещание, состоялось заседание Центрального Комитета. На собрании присутствовало двенадцать человек. Впервые после июльских дней на заседании Центрального Комитета появился Ленин. Владимир Ильич пришёл неузнаваемым. Без бороды и усов, в каком-то седеньком парике, который он то и дело поглаживал обеими руками. Собравшиеся поздравляли Ленина с благополучным прибытием. Удивлялись, как ловко удалось Ленину обмануть бдительность ищеек Керенского.

Как только прошёл первый восторг от встречи, Владимир Ильич, уже введённый Сталиным в курс событий, потребовал перейти к основному вопросу.

На заседаниях Центрального Комитета Ленин не был около трёх месяцев.

Члены Центрального Комитета поделились с Владимиром Ильичём последними сведениями.

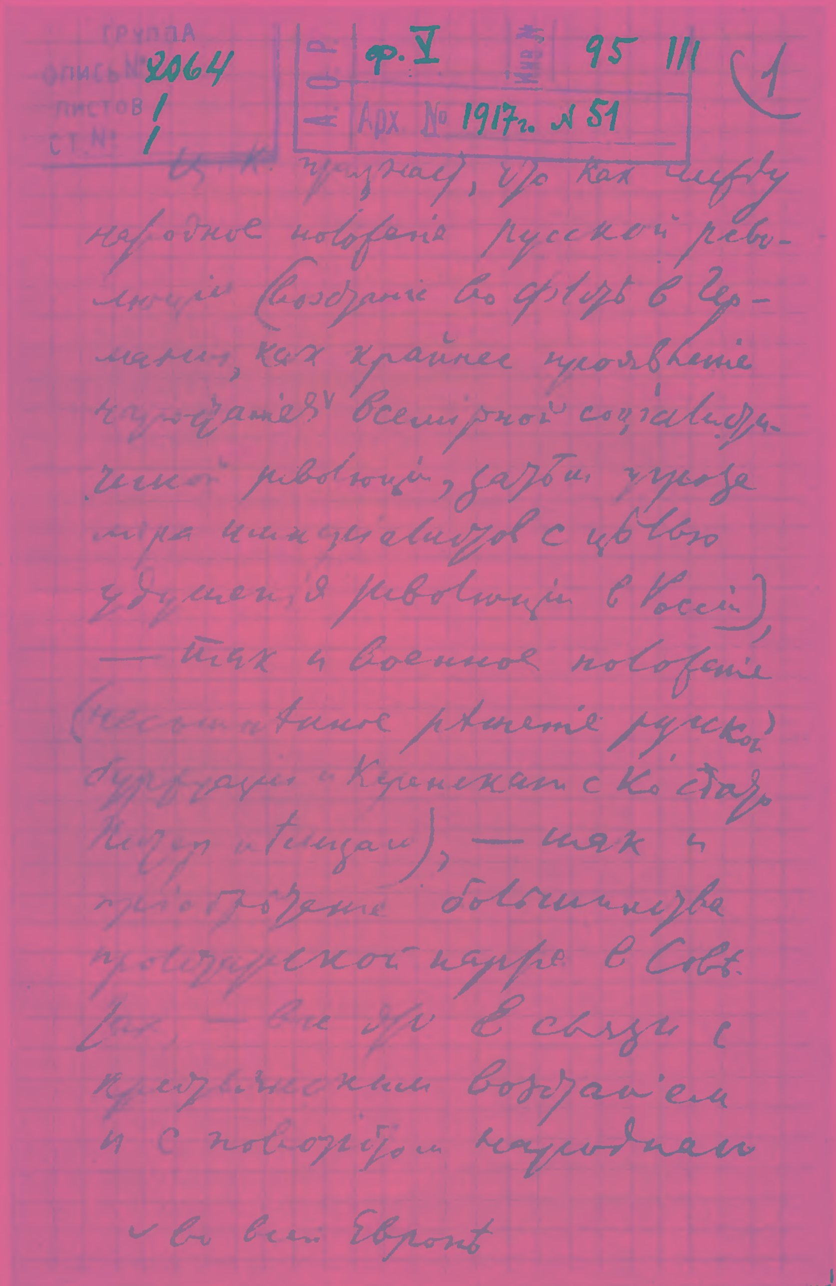
Товарищ Свердлов сообщил о положении на Северном и Западном фронтах. Настроение там большевистское. Гарнизон в Минске на нашей стороне. Но там что-то готовится. Между Ставкой и штабом фронта происходят таинственные переговоры. К Минску стягиваются казаки. Идёт агитация против большевиков. Видимо, готовятся окружить и разоружить революционные войска.

После Свердлова выступил Ленин с докладом по текущему моменту.

Владимир Ильич снова указал на важность всесторонней технической подготовки восстания и отметил недостаточность того, что сделано. Политическая обстановка созрела. Массы ждут действий, они утомились от резолюций и слов. Аграрное движение также развивается в сторону революции. Международное положение таково, что инициатива должна быть за большевиками.

«Политически, — подвёл итог Ленин, — дело совершенно созрело для перехода власти...

Надо говорить о технической стороне. В этом всё дело» [1].



ГРУППА №
ОПИСЬ № 2064
ЛИСТОВ 1
СТ. № 1

А.О.Р. ф. V Инв. № 95 111
Арх. № 1917 г. № 51

(1)

Ц. К. признает, что как между-
народное положение русской рево-
люции (восстание во флоте в Гер-
мании, как крайнее проявление
нарастания^v всемирной социалисти-
ческой революции, затем угроза
мира империалистов с целью
удушения революции в России)
— так и военное положение
(несомненное решение русской
буржуазии и Керенского с Ко сдать
Питер немцам), — так и
приобретение большинства
пролетарской партией в Сов.
Деп., — все это в связи с
крестьянским восстанием
и с поворотом народного

^v во всей Европе

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ, НАПИСАННАЯ В. И. ЛЕНИНЫМ

Ленин дважды в докладе подчеркнул, что политическая обстановка созрела и речь идёт о самом моменте восстания. Владимир Ильич прямо предлагал воспользоваться Северным съездом Советов и готовностью большевистски настроенного минского гарнизона выступить «для начала решительных действий»[1].

Он был убеждён в необходимости немедленного выступления, ибо дальнейшее «промедление смерти подобно», и предлагал воспользоваться любым поводом для начала — в Петрограде ли, в Москве, в Минске или Гельсингфорсе. Но *решающий бой* при всех этих условиях, вне зависимости от повода и места начала восстания, *должен был разыграться в Петрограде — политическом центре страны, там, где был очаг революции.*

Для Ленина, таким образом, речь шла теперь уже о назначении *срока* восстания, — самое выступление и для него и для Центрального Комитета было делом решённым.

Свои выводы Ленин предложил в короткой резолюции, с исключительной чёткостью и яркостью излагавшей директиву партии:

> «Центральный Комитет признаёт, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — всё это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — всё это ставит на очередь дня вооружённое восстание.
>
> Признавая, таким образом, что вооружённое восстание неизбежно и вполне назрело, Центральный Комитет предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»[2].

Резолюция Ленина прошла десятью голосами против двух. По предложению Дзержинского было решено «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов Центрального Комитета»[3].

Только два человека на заседании Центрального Комитета выступили против Ленина — Каменев и Зиновьев. Оба выдвинули против Ленина целый ряд возражений. Международная обстановка, доказывали они, для нас неблагоприятна. Пролетариат не окажет активной поддержки. Немцы легко сговорятся

со своими противниками и обрушатся против революции. У нас в стране нет большинства — только рабочие и часть солдат, а остальные под вопросом. Лучше занять *оборонительную* позицию, заявили Зиновьев и Каменев. Буржуазия побоится не созвать Учредительного собрания. А в нём у нас будет треть мест. Мелкая буржуазия склоняется в сторону большевиков. Вместе с «левыми» эсерами мы составим правящий блок в Учредительном собрании, который будет проводить нашу политику.

Каменев и Зиновьев отбросили всё, что выстрадал русский пролетариат в борьбе с царизмом и буржуазией.

В непрерывных боях с оппортунистами Ленин настойчиво учил, что мало признавать классовую борьбу. Даже буржуазия её не отрицает. Но только тот, кто доводит классовую борьбу до диктатуры пролетариата, является настоящим марксистом. Большевизм вырос, окреп и закалился именно в борьбе за диктатуру пролетариата.

Перед грозной, решительной минутой, завершающей целый исторический этап борьбы большевистской партии, Каменев и Зиновьев заняли предательскую позицию меньшевиков, позицию Каутского, т. е. мирного врастания в социализм через парламент, через Учредительное собрание. Зиновьев и Каменев по существу яростно отстаивали капитализм.

Как и все предатели, они видели могучую силу у врага, крепость рядов у противника.

У врага, твердили Зиновьев и Каменев, стройные полчища, пушки, затем казаки, затем ударники, затем армия... А у нас — «настроения нет даже на заводах и в казармах» [1]. Поистине — у страха глаза велики!

Центральный Комитет большевиков дал решительный отпор защитникам капитализма. Капитулянтов никто не поддержал. Резолюция Ленина стала директивой всей большевистской партии.

Заседание Центрального Комитета кончилось поздно ночью. На улице — сыро. Кое-где в тумане светились редкие фонари. Товарищ Дзержинский снял с себя плащ и накинул его на плечи Владимира Ильича. Ленин стал было протестовать, но Дзержинский настоял на своём:

— Никаких отговорок! Извольте надеть плащ, иначе я вас не выпущу [2].

Итти домой было далеко. Ленин согласился переночевать на квартире у рабочего, который жил поблизости в крохотной комнатушке на Певческой улице. Сейчас там высятся цехи завода «Электроприбор».

Ленину предложили кровать, но он категорически отказался и улёгся на полу, подложив под голову книги.

4.

СЪЕЗД СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Пока шло заседание Центрального Комитета большевиков, 10 октября в Смольном начали собираться делегаты съезда Советов Северной области. Свердлов предупредил организаторов и руководителей съезда, что открытие необходимо перенести на 11 октября. Вечером 10 октября состоялось лишь предварительное совещание делегатов съезда. Выбрали мандатную комиссию, утвердили порядок дня.

На съезд прибыли представители Петрограда, Москвы, Новгорода, Старой Руссы, Боровичей, Ревеля, Юрьева, Архангельска, Вольмара, Кронштадта, Гатчины, Царского Села, Чудова, Сестрорецка, Шлиссельбурга, Выборга, Гельсингфорса, Нарвы, Або и Котка. Не послали своих делегатов Петрозаводск, Тихвин, Павловск, Венден, Псков.

Всего съехалось 94 делегата. Из них 51 большевик, 24 «левых» эсера, 4 эсера-максималиста, 1 меньшевик-интернационалист, 10 правых эсеров и 4 меньшевика-оборонца.

Особенно важное значение придавал съезду Ленин. Он обратился ещё 8 октября со специальным письмом «к товарищам-большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». В письме этом Владимир Ильич прямо говорил, что съезд Советов Северной области должен быть готов взять власть в свои руки, начать восстание:

> «Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить ещё корниловские войска»[1].

Нельзя больше откладывать. Момент активных действий настал...

И Ленин не устаёт снова и снова повторять свои доводы за восстание. Дело не в новых резолюциях.

> «Дело, — писал Владимир Ильич, — в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под *Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьёзнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее»[2].

Ленин кратко набросал при этом и план восстания. Он предлагал двинуть полки из ближайших гарнизонов к Петрограду, вызвать флот из Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, разгромить корниловские части, поднять обе столицы и свергнуть правительство Керенского, создать свою власть, немедленно предложить воюющим государствам мир и отдать землю крестьянам.

Вождь революции наметил и лозунг восстания:

«Керенский снова подвёл корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех» [1].

Письмо Ленина обсуждалось на большевистской фракции съезда. Фракция собралась утром 11 октября после решающего заседания Центрального Комитета. Совещание происходило в Смольном, в обширной комнате № 18, где обычно заседали большевики.

От имени Центрального Комитета был сделан доклад о принятой директиве. Избегая слова «восстание», докладчик говорил, что время общих разговоров о переходе власти к Советам прошло, пора поставить вопрос конкретно: когда, каким поводом воспользоваться? Возможно, что съезду придётся сыграть роль организации, начинающей выступление.

Руководители съезда знали от товарища Свердлова о решении Центрального Комитета. Знали о нём и многие большевики-делегаты. А доклад вплотную подвёл их к вопросу о восстании. Все почувствовали близость решающего момента. Все поневоле оборачивались на каждый шорох, как будто ждали, что откроется дверь и раздастся призыв к бою.

Вечером того же 11 октября открылось заседание съезда.

С трибуны звучат горячие, взволнованные речи. Представитель Петроградского Совета говорит об опасности, угрожающей Петрограду. Он рассказывает, что Временное правительство собирается вывести две трети петроградского гарнизона.

— Дело идёт о судьбе Петрограда! [2] — восклицает он.

Его сменяет матрос-балтиец:

— Вывод гарнизона из Петрограда — это предательство революции!

Матрос обращается к съезду:

— Балтфлот говорит вам: оставайтесь здесь и защищайте интересы революции. Оставайтесь здесь и охраняйте революцию!

Слова матроса тонут в неистовом грохоте аплодисментов. Съезд посылает приветствие Балтийскому флоту.

Представитель Москвы говорил, что в минуту опасности московский гарнизон и пролетариат не останутся равнодушными зрителями событий.

— В Финляндии Советы уже стали органом революционной власти, — сообщает представитель Финляндского областного комитета. — Областной комитет проверяет деятельность правительственных чиновников. Ни один приказ Временного прави-

тельства не исполняется в Финляндии, если он не подписан комиссаром областного комитета[1].

Один за другим на трибуну поднимаются делегаты с мест. Приветствуют съезд представители Советов Петроградской губернии, Гельсингфорсского Совета, Кронштадта. Все они единодушны — необходимо скорее созвать II съезд Советов.

Неожиданно в боевом настроении съезда раздаётся другая нота. На трибуне меньшевик Муханов с внеочередным заявлением:

— Фракция меньшевиков по ряду соображений должна покинуть съезд.

Заявление не производит никакого впечатления на делегатов. Они досадливо отмахиваются от Муханова, как от надоедливой мухи. Съезд спокойно переносит обсуждение этого заявления на завтрашнее заседание. Растерянно озираясь, незадачливый меньшевистский оратор покидает трибуну. Его сменяет солдат-большевик Головов. Он прислан на съезд гарнизоном Выборга:

— Власть в Выборге принадлежит в настоящее время Совету. Совет захватил телеграф, сменил командира корпуса и коменданта крепости[2].

Такое же боевое настроение, по словам делегата Рябчинского, царит в Ревеле.

Однако соглашатели не унимаются. От имени новгородской делегации с внеочередным заявлением выступает меньшевик Абрамович. Их делегация, сообщает он, получила телеграмму от Искоборсева (Исполнительный комитет общеармейских организаций Северного фронта. — *Ред.*) с предложением покинуть настоящий съезд. Но члены новгородской делегации не хотят уходить со съезда. Абрамовичу резко отвечает Крылов, делегат города Боровичей Новгородской губернии. Он отказывается подчиниться требованию соглашательского Искоборсева и заверяет съезд:

— Боровичский гарнизон силой поддержит требование Северного съезда[3].

И снова бесконечным потоком проходят перед съездом солдаты, матросы, рабочие. Многие из них — делегации фронта — пробрались на съезд тайком, миновав многочисленные преграды, которые им ставило командование. На съезде присутствуют представители «окопных жителей» Западного, Юго-западного и Румынского фронтов. Все они спешат присоединить свой голос к требованию солдат и матросов Северной области.

— Вся власть Советам!

От имени петроградского гарнизона отвечает представитель Волынского полка.

— Покуда у власти стоит настоящее правительство, полк

не покинет Петрограда. А если ему и придётся уйти, то он захватит с собой и Временное правительство[1], — под общее одобрение и смех заканчивает оратор.

Требования солдат и рабочих целиком разделяют и присутствующие на съезде делегаты крестьянских организаций. Представитель Исполнительного комитета Петроградского Совета крестьянских депутатов настаивает на немедленном переходе власти в руки Советов. Требование петроградцев поддерживает и крестьянин, делегат Херсонской губернии. Представитель Херсонского земельного комитета рассказывает съезду о тяжёлом положении херсонского селянства, о том, что деревня не доверяет Временному правительству. Крестьяне не дадут больше ни одного зерна, заявляет он, до тех пор, пока Советы не возьмут власть в свои руки[2].

На этом закончился первый день съезда. Он ярко показал, каким революционным, боевым настроением полны флот, гарнизоны и заводы Северной области, целиком стоящие на стороне большевиков. Это должны были скрепя сердце признать даже контрреволюционеры и соглашатели. Такие буржуазные газеты, как «День» и «Утро России», сообщая об открытии съезда Советов Северной области, принуждены были отметить, что победа — за большевиками[3].

Боевое настроение съезда напугало соглашателей. На следующее утро во всех соглашательских газетах появилось решение бюро Центрального исполнительного комитета о «неполномочности» съезда. До этого эсеро-меньшевистский Центральный исполнительный комитет не возражал против съезда. Но как только выяснился большевистский состав и подлинно революционное настроение съезда, соглашатели немедленно запротестовали. Центральный исполнительный комитет заявил, что он считает возможным признать съезд только частным совещанием. Он мотивировал это тем, что съезд созван-де «не по праву» Гельсингфорсским Советом, что на съезде присутствует представитель Московского Совета, в то время как некоторые Советы Северной области никем не представлены, и, наконец, что Центральный исполнительный комитет не знал о созыве съезда.

Наутро 12 октября соглашатели появляются в зале заседаний съезда с радостными, оживлёнными лицами. Они потирают руки от удовольствия, собираются группами, шепчутся по углам, торжествующе потрясают свежими газетами, где опубликовано решение Центрального исполнительного комитета о неполномочности съезда. На трибуну выходят меньшевики. Первым выступает Богданов. Он заявляет, что меньшевики присоединяются к решению Центрального исполнительного комитета и отказываются принимать дальнейшее участие в работе съезда. Они остаются на съезде только «в целях информации».

Заявление фракции меньшевиков не встречает никакого сочувствия среди делегатов. С мест раздаются нетерпеливые возгласы: «Скорее к делу!»

Даже правые эсеры боятся открыто поддержать меньшевиков.

По предложению большевистской фракции съезд принимает резолюцию, разоблачающую предательское поведение Центрального исполнительного комитета.

Съезд переходит к вопросу о текущем моменте.

Решительное предложение большевиков — немедленно передать власть Советам — пугает «левых» эсеров.

— Большевики хотят перенести вопрос о власти на улицу и отказываются решить этот вопрос парламентским путём [1],— трусливо жалуется Колегаев.

Лидера «левых» эсеров отказывается поддержать рядовой член его же партии — кронштадтский матрос Шишко. Он считает, что большевики и «левые» эсеры должны совместно бороться за взятие власти. Представитель XXXIII армейского корпуса передаёт съезду солдатский наказ. В наказе говорилось, что солдаты ждут немедленного заключения мира, отчуждения частных земель, беспощадного обложения крупных капиталов и крупных имуществ, конфискации военных прибылей [2].

Съезд вынес резолюцию:

> «Коалиционная власть дезорганизовала, обескровила и истерзала страну. Так называемое Демократическое совещание закончилось жалким банкротством. Гибельная и предательская политика соглашательства с буржуазией с негодованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами... Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решён вопрос о центральной власти. Съезд призывает все Советы области к активным действиям» [3].

В подробном докладе о военно-политическом положении представитель большевиков рассказывает делегатам — морякам, солдатам и рабочим — о планах Ленина и решении Центрального Комитета большевиков по поводу вооружённого восстания. Он не пользуется словом «восстание», но в легальных условиях съезда он говорит о том, что Временное правительство должно быть устранено и завоёвана власть Советов.

Представитель большевиков столицы сообщил, что в Петрограде создаётся Военно-революционный комитет, в руках которого будет сосредоточено распоряжение всей вооружённой силой. В ответ на это представитель фракции «левых» эсеров заявляет, что они присоединяются к предложению о создании солдатских военно-революционных комитетов.

Съезд обратился с призывом к гарнизонам Северной области принять все меры к развитию и укреплению своей боевой готовности. Съезд предложил местным Советам, следуя примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции.

Особое внимание съезд уделил земельному вопросу.

Съезд принял воззвание к крестьянам, призывая их поддержать борьбу за власть:

> «Крестьянство должно знать, что его сыны в окопах, в казармах и на судах флота, что рабочие фабрик и заводов — на его стороне и близки дни решительного боя, когда революционные рабочие, солдаты и матросы восстанут для борьбы за землю, за волю, за справедливый мир. Они установят рабоче-крестьянскую власть Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» [1].

По предложению большевиков принимается решение организовать Северный областной комитет, который должен обеспечить созыв Всероссийского съезда Советов и объединить вокруг себя деятельность всех Советов области.

В областной комитет избираются 17 человек, из них 11 большевиков и 6 «левых» эсеров.

Перед закрытием съезда в зале появляются многочисленные делегации. Трибуну окружает острый частокол штыков. Представители латышских стрелков приветствуют съезд.

— Латыши, — говорят они, — с первого дня революции выдвинули лозунг: «Вся власть Советам!» И теперь, когда революционный Петроград собирается провести его в жизнь, латышские стрелки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать этому полную поддержку [2].

Следом за латышами к трибуне подходят делегаты Обуховского завода.

— Наш завод целиком поддерживает большевиков [2], — горячо заверяют рабочие.

В заявлениях всех делегаций одна мысль, одно непреклонное решение: бороться не на жизнь, а на смерть. К восстанию призывают и латыши, и матросы, и питерские рабочие.

Сотни людей, заполнившие Актовый зал Смольного, отвечают на это бурей рукоплесканий, оглушительным «ура» и пением «Интернационала».

Соглашательский Центральный исполнительный комитет пытался дискредитировать съезд Советов Северной области. Он объявил решения съезда дезорганизаторскими.

Соглашатели понимали, что обращение съезда Советов Северной области непосредственно к полковым комитетам, к солдатам, матросам, рабочим и крестьянам с призывом взять в свои руки выборы на II Всероссийский съезд Советов является

скрытым ударом по Центральному исполнительному комитету. Этого соглашатели боялись больше всего.

Во время работы Северного съезда в органе эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета появилась статья «Кризис советской организации», в которой автор писал от имени редакции:

> «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и уменья вести дела и, наконец, нет самой организации»[1].

Перепуганные успехами большевиков, эсеро-меньшевики пытались доказать массам, что Советы как форма организации власти абсолютно не приспособлены к управлению страной.

> «Мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия, — писал тот же автор. — Теперь на место бараков строится постоянное каменное здание нового строя, и, естественно, люди постепенно уходят из бараков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом»[2].

Растерянные соглашатели мечутся и стонут в предчувствии надвигающейся революционной бури. В паническом страхе они выболтали классовый смысл соглашательской политики: через Советы удерживать массы от революции до тех пор, пока буржуазия покрепче приберёт к рукам вожжи и станет господином положения в стране.

Преданность лакеев буржуазии сразу была оценена в хозяйской гостиной. «Русская воля» — виднейший орган контрреволюции — с чувством удовлетворения писала по поводу статьи в «Известиях»:

> «Ещё так недавно... о советах... можно было говорить только самым почтительным тоном. Критика советских организаций считалась явным проявлением контрреволюции. И вот, наконец, наступил день, когда о смерти советов говорит уже не «контрреволюционная» и не «буржуазная» пресса, а говорит об этом прямо и открыто орган Центрального исполнительного комитета советов»[3].

Соглашатели-«социалисты» и матёрая контрреволюционная буржуазия заговорили одним языком. То, что струсившие лакеи разгласили в припадке паники, целиком отвечало планам контрреволюционных хозяев. Организуя новый поход против рабочих и крестьян, буржуазия прежде всего требовала разгона Советов.

Контрреволюция прекрасно понимала громадное значение решений закончившегося съезда.

> «Лево-большевистское настроение закрывшегося вчера областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов на-

водит на самые тревожные предположения»[1], — писала на другой же день после съезда московская газета «Утро России».

Газета «День» сообщала, что на лозунги, данные съездом Советов Северной области, «провинция откликается и очень недвусмысленно»[2].

Съезд оказал громадное мобилизующее влияние не только в Северной области, но и далеко за её пределами. Тотчас же по окончании съезда участники его выехали на места. Повсюду они рассказывали о решениях съезда, проверяли и мобилизовывали силы революции.

Вслед за съездом Советов Северной области открылся ряд съездов Советов и в других областях и районах. Все они прошли под знаком готовности к борьбе за власть Советов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШТУРМА.

1.

ЗАВОЕВАНИЕ БОЛЬШИНСТВА В СТРАНЕ.

Ленин всегда подчёркивал в статьях и письмах накануне Октября, что *политическую судьбу народа*, судьбу всей страны решает прежде всего победа революции в Петрограде и Москве. Вооружённое восстание в Петрограде и Москве в значительной мере предрешит исход борьбы во всей стране.

Но определяя, откуда должен быть направлен *главный удар*, где решается в основном успех революции, где надо прежде всего создать ударный кулак и решающий перевес сил, партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным никогда не исходила из того, что вся страна сама по себе, самотёком, стихийно пойдёт за утвердившими власть Советов Петроградом и Москвой. По всей стране шла мобилизация сил. И самый вывод Ленина о том, что восстание назрело, целиком основывался на анализе соотношения классовых сил не только в центре, но и по всей стране.

«Мы в большинстве в *стране*...»[1],— писал Ленин в исторической статье «Кризис назрел».

Завоевание большевиками большинства в стране стало очевидным фактом после корниловщины.

Решение Центрального Комитета большевистской партии о вооружённом восстании положило начало новому — третьему периоду в истории подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.

Первый период (март—апрель 1917 года) Сталин характеризовал как период новой ориентировки партии.

Второй период (май — август 1917 года) — как период революционной мобилизации масс.

Третий период (сентябрь — октябрь 1917 года) — как период организации штурма.

> «Характерной чертой этого периода, — писал Сталин о периоде организации штурма, — нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков»[1].

Вслед за Петроградским и Московским Советами большевики завоёвывают большинство в Советах почти всех крупнейших промышленных центров страны: в Екатеринбурге и Минске, Ростове и Саратове, Киеве и Харькове, Таганроге и Самаре, Царицыне и Владимире, не говоря уже о Луганске и Иваново-Вознесенске, где Советы стали большевистскими вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции. Выборы в Учредительное собрание по крупным промышленным центрам и районам, проходившие уже после Октября, но отражавшие соотношение сил, как оно сложилось до Октябрьской социалистической революции, показывают, насколько выросло влияние большевиков в стране.

В Иваново-Вознесенске большевики получили 17 166 голосов (64%), меньшевики—679 (2,6%), эсеры — 3 389 голосов (12,7%). В Кинешме большевики получили 3567 голосов, эсеры — 858, меньшевики — 815 голосов. Во Владимирском уезде Владимирской губернии, где находились крупные текстильные предприятия, большевики получили 71% всех голосов (свыше 36 тысяч человек голосовало за большевиков и только 745 человек—за меньшевиков, 11,6 тысячи голосов получили эсеры). В Шуйском уезде той же губернии большевики собрали 63,5% всех голосов, эсеры — 22%, меньшевики — 2%. В Екатеринбурге большевистский список получил 11 827 голосов, эсеры — 4 293, меньшевики — 567 голосов.

Интересны данные по Аша-Балашовскому заводу на Урале. Здесь большевики получили 1 829 голосов, эсеры — 134, остальные партии — 20 голосов. В Миньярской волости Уфимской губернии (Миньярские заводы) за большевиков голосовало 2 232 человека, в то время как эсеры получили 116 голосов, а остальные партии — 28 голосов. В Минске большевики получили 63% всех голосов, эсеры — 19%, меньшевики — 1,8%.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СОВЕТОВ
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1917 ГОДА.

НАСТОЯЩАЯ КАРТА СОСТАВЛЕНА ПО АНКЕТАМ ДЕЛЕГАТОВ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ И ДРУГИМ МАТЕРИАЛАМ, ОТНОСЯЩИМСЯ КО II СЪЕЗДУ СОВЕТОВ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ФОНД 1235, ДЕЛА №№ 8-12).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.

МИНСК — Города и другие населённые пункты, в которых советы высказались за передачу всей власти советам (показаны красным цветом).

ВОЛОГДА — Города и другие населённые пункты, в которых советы вынесли половинчатые решения по вопросу о передаче власти советам: половина голосов за, половина против (показаны красным цветом и подчёркнуты зелёной чертой).

ВЯТКА — Города и другие населённые пункты, в которых советы высказались за сохранение власти в руках буржуазной демократии (показаны зелёным цветом):

Столицы.

Губернские, областные и другие важнейшие центры.

Уездные, окружные и другие менее важные центры.

Прочие города и населённые пункты.

Государственные границы.

Границы губерний, областей и других наиболее крупных административных делений.

Линия фронта.

Железные дороги.

Примечание. Красным и зелёным цветом обозначены города и населённые пункты, советы которых имели представительство на II Всероссийском съезде советов. Коричневым цветом обозначены города, советы которых не были представлены на II Всероссийском съезде советов. Этим же цветом показаны и города иностранных государств. Карта составлена по материалам II Всероссийского съезда советов, но в числе советов и не представленных на II Всероссийском съезде советов также были высказавшиеся за лозунг „Вся власть советам", как, например, съезд советов Средней Сибири, состоявшийся в Красноярске 5—7 сентября 1917 года, и другие. Таким образом, количество советов, высказавшихся накануне октябрьского восстания 1917 года за взятие всей государственной власти советами, в действительности было больше, чем показано на карте.

НИКОЛАЙСТАД
КУОПИО
АРХАНГЕЛЬСК
ХОЛМОГОРЫ
ОНЕГА
ПОВЕНЕЦ
С.-МИХЕЛЬ
ТАВАСТГУС
АБО
СТОКГОЛЬМ
ГЕЛЬСИНГФОРС
ВЫБОРГ
СЕРДОБОЛЬ
ПЕТРОЗАВОДСК
ПУДОЖ
ОЛОНЕЦ
ВЫТЕГРА
ПЕТРОГРАД
РЕВЕЛЬ
ШЕНКУРСК
ЯРЕНСК
УСТЬСЫСОЛЬСК
СОЛЬВЫЧЕГОДСК
ВЕЛЬСК
ВЕЛИКИЙ УСТЮГ
СОЛИКАМСК
ВЕРХОТУРЬЕ
ТОТЬМА
ТИХВИН
БЕЛОЗЕРСК
КАДНИКОВ
ЧЕРЕПОВЕЦ
ВОЛОГДА
СОЛЬГАЛИЧ
КОЛОГРИВ
СЛОБОДСКОЙ
ВЯТКА
ГЛАЗОВ
ПЕРМЬ
КАМЫШЛОВ
НОВГОРОД
ПСКОВ
РИГА
МИТАВА
ВИНДАВА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
ВЕТЛУГА
МАКАРЬЕВ
КОТЕЛЬНИЧ
НОЛИНСК
ЯРАНСК
УРЖУМ
МАЛМЫЖ
САРАПУЛЬ
ЕЛАБУГА
КОВНО
ВИЛЬНА
СУВАЛКИ
ДВИНСК
ВИТЕБСК
НИЖНИЙ-НОВГОРОД
ВЛАДИМИР
МОСКВА
КАЗАНЬ
ЧЕБОКСАРЫ
ЦАРЕВОКОКШАЙСК
БИРСК
УФА
ЛОМЖА
ГРОДНО
СМОЛЕНСК
ОРША
МИНСК
МОГИЛЕВ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
АРДАТОВ
СИМБИРСК
БЕЛЕБЕЙ
СТЕРЛИТАМАК
ВЕРХНЕУРАЛЬСК
БРЕСТ-ЛИТОВСК
СЛУЦК
БОБРУЙСК
ЛЮБЛИН
ХОЛМ
ПИНСК
КОВЕЛЬ
ОРЕЛ
ЕЛЕЦ
ТАМБОВ
ПЕНЗА
САМАРА
БУЗУЛУК
ОРЕНБУРГ
ОРСК
ЧЕРНИГОВ
КУРСК
ВОРОНЕЖ
САРАТОВ
ПЕТРОВСК
ХВАЛЫНСК
УРАЛЬСК
ЛЬВОВ
ЖИТОМИР
КИЕВ
БЕРДИЧЕВ
НОВОУЗЕНСК
ХАРЬКОВ
ПОЛТАВА
КАМ.-ПОДОЛЬСК
ТЕМИР
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВСК
КИШИНЕВ
ХЕРСОН
НИКОЛАЕВ
ОДЕССА
ТАГАНРОГ
НОВОЧЕРКАССК
РОСТОВ
ЕНОТАЕВСК
ГУРЬЕВ
АСТРАХАНЬ
КРАСНЫЙ ЯР
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ
БУХАРЕСТ
ЕВПАТОРИЯ
КЕРЧЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
СЕВАСТОПОЛЬ
ФЕОДОСИЯ
ЕКАТЕРИНОДАР
НОВОРОССИЙСК
СТАВРОПОЛЬ
МАЙКОП
ПРАСКОВЕЯ
КОНСТАНЦА
ВАРНА
БУРГАС
ТУАПСЕ
СОЧИ
ВЛАДИКАВКАЗ
СУХУМ-КАЛЕ
КУТАИС
ТЕМИР-ХАН-ШУРА
АДРИАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
СИНОП
БАТУМ
ТИФЛИС
ЗАКАТАЛЫ
ЕЛИСАВЕТПОЛЬ
БАКУ
КАРС
ТРАПЕЗУНД
КРАСНОВОДСК
Масштаб
100 50 0 100 200 300 400 км

УФА
ТОБОЛЬСК
УРАЛЬСК
ОРЕНБУРГ
КУСТАНАЙ
АСТРАХАНЬ
ОМСК
ТОМСК
КРАСНОЯРСК
КИРЕНСК
ХАБАРОВСК
БЛАГОВЕЩЕНСК
ЧИТА
НЕРЧИНСК
ИРКУТСК
СЕМИПАЛАТИНСК
КАРКАРАЛИНСК
ХАРБИН
ВЛАДИВОСТОК
УРГА
МУКДЕН
ХИВА
БУХАРА
ТАШКЕНТ
ВЕРНЫЙ
САМАРКАНД
СКОБЕЛЕВ
ПЕКИН
СЕУЛ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ, СИБИРЬ,
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Из этих цифр наглядно вытекает полное банкротство меньшевиков, потерявших всякое влияние на массы раньше всего именно в крупных пролетарских центрах. Победу большевиков в Советах крупнейших городов надо было закрепить в масштабе всей страны. С этой целью большевики выдвинули требование созвать II съезд Советов. Борьба за своевременный созыв II съезда, за обеспечение большевистского руководства съездом стала вместе с тем важнейшей формой организации штурма на местах.

В начале октября Центральный Комитет большевистской партии разослал на места письмо за подписью Я. М. Свердлова, в котором сообщалось о созыве экстренного съезда партии 17 октября и Всероссийского съезда Советов 20 октября. Центральный Комитет партии предлагал по мере возможности совмещать мандаты на съезд партии и съезд Советов, проводить перевыборы Советов, созывать окружные и областные съезды Советов и выносить резолюции с требованием немедленного созыва съезда Советов, посылая их по телеграфу в центр. 30 сентября в «Рабочем пути» за подписью ЦК РСДРП (б) была опубликована передовая «Перед съездом Советов». Передовая призывала вести борьбу против соглашателей, срывающих созыв съезда.

> «Будьте настороже, товарищи! — призывал Центральный Комитет партии работников на местах. — Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряя ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добейтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашательства, не уступайте ни пяди из завоёванных Советами позиций на местах!»

В заключение ЦК призывал остерегаться преждевременных выступлений, по существу требуя ждать сигнала из центра:

> *«Мы не пойдём на бой тогда, когда это нужно нашим врагам. Никаких частичных выступлений!»*[1]

Особенно широко развернулась кампания по созыву областных съездов Советов после начала работ съезда Советов Северной области. Областные съезды состоялись в следующих важнейших центрах страны:

Наименование съезда	*Дата созыва съезда*	*Место работы съезда*
1. Съезд Советов Северной обл. . . .	11 октября	Петроград
2. Екатеринбургский окружной съезд Советов	13 октября	Екатеринбург
3. Съезд Советов Владимирской губ.	16 октября	Владимир
4. Областной съезд Советов Поволжья	16 октября	Саратов
5. Областной съезд Советов в Минске	16 октября	Минск
6. Первый общесибирский съезд Советов	16 октября	Иркутск
7. Съезд Советов Тверской губ. . . .	17 октября	Тверь

Наименование съезда	Дата созыва съезда	Место работы съезда
8. Областное совещание Советов Юго-западного края	17 октября	Киев
9. Съезд Советов Рязанской губ. . .	18 октября	Рязань

Кроме того, несколько раньше съезда Советов Северной области, имели место съезды:

1. Областной съезд Советов Урала .	17 августа	Екатеринбург
2. Съезд Советов Средней Сибири . .	5 сентября	Красноярск
3. Второй краевой съезд Советов Туркестана	29 сентября	Ташкент
4. Областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов . .	6 октября	Харьков
5. Съезд Советов Восточной Сибири .	10 октября	Иркутск

На перечисленных выше съездах были представлены Советы Петрограда и Москвы, Финляндии и Эстонии, Поволжья и Урала, Сибири и Дальнего Востока, Украины и Средней Азии, т. е. Советы почти всей необъятной страны. На областном съезде Советов Поволжья присутствовали делегаты Саратова, Самары, Симбирска, Сызрани, Астрахани, Царицына и др. Первый общесибирский съезд Советов представлял 69 Советов Сибири и Дальнего Востока (Владивосток, Тюмень, Харбин, Якутская область, Хабаровск и т. д.). Всего на съезд прибыло 184 делегата, из них—65 большевиков, 35—«левых» эсеров.

На областном совещании Советов Юго-западного края в Киеве было представлено 34 Совета. На съезде Советов Северной области, как уже отмечалось, присутствовали делегаты Советов Петрограда и Петроградской губернии, Москвы, Архангельска, отдельные Советы Финляндии, Эстонии, Латвии.

Съезды Советов, как правило, принимали большевистские резолюции и проходили под знаком борьбы за захват власти Советами. Каково было настроение на местах, можно судить по резолюции съезда Советов Владимирской губернии, где кроме Владимира участвовали Советы Иваново-Вознесенска, Шуи, Коврова, Гороховца и других промышленных центров Владимирской губернии:

> «Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа. Считать отныне все Советы Владимирской губернии и их губернский центр (губернский исполнительный комитет) на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством»[1].

Предоктябрьские областные и губернские съезды Советов сыграли огромную роль в подготовке штурма. Они не только принимали решения о необходимости перехода власти к Советам, но и брали на себя конкретные обязательства о поддержке Петрограда и Москвы в дни решающих боёв.

Одновременно согласно директиве Центрального Комитета

большевитской партии на местах готовились к экстренному общепартийному съезду 17 октября. Он не состоялся, но почти повсеместно прошли партийные конференции и съезды партии, обсуждавшие один и тот же вопрос — «о текущем моменте», т. е. о вооружённом восстании.

1 октября открылась окружная конференция большевиков Петроградской губернии, 10 октября — Московская общегородская конференция большевиков. В начале октября была созвана губернская партийная конференция большевиков Нижнего-Новгорода (30 сентября — 2 октября), 6 октября открылся губернский партийный съезд в Самаре, 5 октября — II областная конференция парторганизаций Белоруссии и Западного фронта. В это же время (2—7 октября) в Тифлисе состоялся I областной съезд кавказских большевистских организаций. В начале и середине октября губернские партийные конференции проходили также в Воронеже, Новгороде, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Вятке, Перми, Уфе, Екатеринбурге, Томске и других городах.

В основных промышленных центрах страны организации большевистской партии сразу возродились как самостоятельные организации или в течение первых же месяцев после Февральской революции решительно рвали с меньшевиками. Были, однако, города, где имелись налицо соглашательские, оппортунистические элементы, где не удалось сплотить достаточно крепкое большевистское ядро. Здесь были созданы объединённые с меньшевиками партийные организации. Существовали они местами до августа—сентября и даже октября 1917 года. Но именно в эти осенние месяцы кануна октябрьских боёв разрыв с меньшевиками назрел повсеместно. «Правда» в сентябре — октябре на своих страницах ежедневно помещала в разделе «Партийная жизнь» «Письма в ЦК» с мест, сообщавшие об окончательном оформлении самостоятельных большевистских партийных организаций, о подчинении их указаниям ЦК, о решительном разрыве с меньшевиками. В августе 1917 года оформились самостоятельные большевистские организации в Пскове и Вятке, в сентябре — в Таганроге, Симферополе, Орше, Владивостоке, Оренбурге, Бердянске, Елисаветграде, Новониколаевске, Томске, в октябре — в Омске, Иркутске. Как показал опыт, борьба за власть Советов была труднее, завоевание власти Советами происходило позже и с большими осложнениями именно там, где раскол с меньшевиками и создание самостоятельных большевистских организаций недопустимо затягивались вопреки прямым указаниям ЦК партии большевиков.

К октябрю 1917 года на местах выросли и окрепли значительные отряды большевиков. Партия большевиков гигантски выросла. По сообщению товарища Свердлова на заседании Центрального Комитета 16 октября, партия большевиков насчитывала к этому времени не менее 400 тысяч членов.

Четырёхсоттысячная армия большевиков была размещена по стране исключительно удачно. Основные силы партии, естественно, концентрировались в обеих столицах — в Петрограде в октябре было около 50 тысяч членов партии, в Москве — свыше 20 тысяч, а вместе с областью—до 70 тысяч. Уральская парторганизация насчитывала свыше 30 тысяч членов.

На II Северо-западной конференции большевиков в Минске (октябрь) было представлено 28 590 членов партии, а вместе с Западным фронтом — около 49 тысяч.

Состоявшаяся в Киеве в июле 1917 года партконференция Юго-западного края представляла 8 организаций, насчитывавших 7 297 членов партии, из них в киевской парторганизации было около 4 тысяч, в одесской — 2 200 членов партии.

Областной съезд кавказских большевистских организаций в Тифлисе (октябрь) представлял 8 636 членов партии, из них в Баку было 2 200 человек. Крупная большевистская организация была в Иваново-Вознесенске — 6 тысяч членов. Саратовская парторганизация насчитывала 3 500 человек, Самарская — 4 тысячи, Нижегородская — 3 тысячи, Царицынская — около 1 тысячи, Казанская — 650, Воронежская — 600 человек.

Под руководством ЦК большевистской партии шла подготовка к взятию власти во всей стране. Несмотря на огромные трудности и преследования Временного правительства и его органов, связь ЦК с местами в предоктябрьские дни была прекрасно поставлена.

Идею необходимости вооружённого восстания понесли в массы делегаты VI съезда партии. Они же совместно с местными парторганизациями практически готовили и создавали условия для успешного исхода вооружённого восстания. Делегаты VI большевистского съезда направлялись в рабочие центры, на фронт, в деревню. 64 из них работали в Петрограде, 55 — в Москве, 33 выехали в Донбасс, Харьков, Одессу, 13 — в Баку, 12 — на Урал.

Ряд делегатов направился в другие крупнейшие города страны — Иваново-Вознесенск, Тулу, Нижний-Новгород, Ростов-на-Дону, Уфу, Омск, Владивосток. Делегаты-большевики понесли решения съезда рабочим, крестьянам, солдатам. Они готовили трудящихся к новой революции, формировали красногвардейские отряды, подымали массы на штурм капитализма, на организацию вооружённого восстания.

Центральный Комитет партии большевиков прикрепил своих членов к областям. Прикреплённые к области товарищи регулярно докладывали Центральному Комитету о работе на местах. Каждая телеграмма из далёкой провинции, говорящая о готовности поддержать восстание в центре, имела важнейшее значение для учёта настроений в стране. Я. М. Свердлов требовал постоянной и систематической информации с мест и сам всегда был тесно связан с самыми отдалёнными районами.

«Петроград — не вся Россия».— истерически кричали меньшевики и эсеры в своей печати, тщетно пытаясь доказать, что в момент решающей схватки необъятная провинция, как лавина, задушит восстания в большевистских «островках» — в Петрограде и Москве. Но в большевистском штабе, готовившем восстание, хорошо знали, что Петроград и Москва не «островки», окружённые враждебным кольцом противостоящей им «провинции», а боевые центры, передовые отряды, по призыву и сигналу которых отряд за отрядом, город за городом, район за районом пойдёт в бой вся страна.

Не было ни одной крупной области, которая не имела бы специального задания ЦК партии. Урал и Донбасс, Белоруссия и Северный Кавказ заранее знали своё место, своё назначение, свою роль в готовящемся восстании. На места выезжали представители ЦК партии, передавая последние решения, проверяя подготовку к захвату власти. Росли, вооружались, окончательно оформлялись, готовились к бою отряды Красной гвардии, которые накануне Октября были созданы почти во всех крупных центрах страны. Вся страна настороженно ждала лишь сигнала к бою, и все знали, что этот сигнал будет дан из Петрограда и Москвы.

2.

БОЛЬШЕВИКИ ПЕТРОГРАДА В ПОДГОТОВКЕ ШТУРМА.

Впереди других организаций в подготовке штурма шёл Петроградский комитет большевиков.

Письма Ленина о восстании были известны руководящим работникам петроградской организации. Не раз Ильич прямо обращался в Петроградский комитет. Выборгский район, куда в начале октября перебрался Владимир Ильич, размножал письма на машинке. Рабочие читали их группами, переписывали от руки. В партийных низах шла напряжённая мобилизация сил вокруг лозунгов Ленина, призывавшего готовиться к восстанию.

5 октября Петроградский комитет обсуждал письмо Ленина, адресованное большевикам обеих столиц.

Против восстания выступил М. М. Лашевич — впоследствии известный троцкист. Он развил те же доводы, что Каменев и Зиновьев: сил у нас недостаточно; Петроград и Финляндия — не вся Россия; крестьянство за нами не пойдёт, а если пойдёт и согласится дать хлеб, то мы не сумеем его подвезти; страна в области экономической, промышленной и продовольственной идёт к пропасти; власть идёт к нам, но форсировать события нельзя.

Короче, колеблющиеся возлагали все надежды на самотёк: вместо *организации* восстания — *ждать* развития событий; вместо быст-

рой, настойчивой *мобилизации* всех сил — *плыть* по течению; вместо руководства революцией — *плестись* в хвосте.

Лашевич защищал предложение Троцкого об отсрочке восстания до съезда Советов. Доводы, которые скрывал Троцкий, откровенно высказал его сторонник. В этих доводах особенно ярко вскрылось, как близко сошлись позиции Зиновьева, Каменева и Троцкого. Одна переходила в другую. Сбитые с одной платформы, авторы скрывались за второй.

Петроградский комитет дал резкий отпор противникам восстания.

> «Вопрос стоит так, — говорил М. И. Калинин, — что сейчас мы идём к захвату власти. Мирным путём мы власть не захватим. Нам сейчас трудно учесть, сможем ли мы завтра выступить. Но для борьбы нельзя терять настоящий момент. Вопрос о захвате власти встал ребром. Надо только найти момент для стратегического нападения»[1].

Общее настроение Петроградского комитета выразил товарищ Молотов в точной и ясной формулировке:

> «Наша задача теперь — не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки. В тезисах Ленина говорится о том, чтобы мы не увлекались сроками, а выбирали бы удобный момент для взятия власти, не ждали бы, когда массы могут перейти в анархию. Момент точно определить нельзя. Может быть, этим моментом будет переезд Временного правительства в Москву. Но к выступлению мы должны быть готовы каждую минуту»[2].

Петроградский комитет постановил созвать общегородскую конференцию большевиков столицы. Конференция — по счёту третья за 1917 год — заседала с 7 по 11 октября. Представлено на ней было около 50 тысяч членов партии: более 7 тысяч — Нарвским районом, без малого 7 тысяч — Выборгским, Петербургским — 3 тысячи и т. д. Обстановка была настолько напряжённой, что заседания происходили полуконспиративно: на них не допускали гостей.

Конференция показала, что в петроградской организации противники восстания насчитывались лишь единицами. Большевики Петрограда решительно шли в ногу с Центральным Комитетом партии большевиков.

Ленин обратился к делегатам конференции с особым письмом, излагавшим доводы за восстание. Призыв вождя нашёл горячий отклик. 10 октября была принята резолюция, полностью поддерживавшая линию Ленина.

> «Наступил момент последней решительной схватки, — говорилось в резолюции, — долженствующий решить судьбу не только революции российской, но и революции мировой. Ввиду этого конференция заявляет, что только замена правительства Керенского вместе с подтасованным Советом республики рабо-

В. М. Молотов.

чим и крестьянским революционным правительством способна: а) передать землю крестьянам... б) тотчас же предложить справедливый мир...»[1].

Это решение было принято в тот самый вечер, когда Центральный Комитет утверждал директиву о восстании.

Петроградский комитет большевиков решительно готовился к восстанию. Члены комитета объезжали районы, проверяли состояние Красной гвардии, доставали оружие.

В Выборгском районе работал Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин). Старый большевик, не раз отбывавший ссылку, товарищ Молотов работал в «Звезде» и «Правде»—первых легальных большевистских органах. Во время войны был сослан в Восточную Сибирь, но в 1916 году бежал в Петроград, где был введён в члены бюро Центрального Комитета. В дни Февральской революции 1917 года руководил большевиками Петрограда. Ему принадлежала инициатива слияния вместе в одном Совете представителей рабочих и солдат.

В 1917 году товарищ Молотов был членом Исполнительного комитета Совета и Петроградского комитета большевиков.

По принятии курса на вооружённое восстание Молотов был избран членом Военно-революционного комитета. Ему поручили заведывание агитотделом. Руководя агитационной работой в гарнизоне, Молотов не прекращал работы в районе и в Петроградском комитете. Он знакомил большевистский актив с письмами Ленина, добивался разгрома противников восстания.

В столице среди металлистов работал Андрей Андреевич Андреев. Петроградские металлисты находились полностью под влиянием большевиков. Металлисты оказали огромную помощь организации Красной гвардии.

15 октября Петроградский комитет обсуждал директиву партии о немедленном восстании. Присутствовало 35 товарищей, представлявших все районы города, Центральный совет профсоюзов, городскую думу и национальные секции столичной организации. Обсуждали не принципиальный вопрос — надо ли выступать, — это было решено раньше, а практические задачи восстания. После сообщения о резолюции Центрального Комитета заслушали доклады с мест.

Выборжцы уверенно заявили: «Массы поддержат». В Василеостровском районе на фабриках и заводах полным ходом шло военное обучение. Товарищ Калинин информировал о наладившихся связях с армией:

> «Армейские комитеты—не наши... А с другой стороны, оттуда же помимо армейских организаций посылаются делегации, которые предъявляют такие требования, которые указывают, что там боевое настроение»[1].

Обуховцы указывали:

> «... раньше Обуховский завод был опорой оборонцев. Теперь в настроении перелом в нашу пользу. На митинги... приходит по 5—7 тысяч человек... В Красную гвардию записано 2 тысячи человек. Имеется 500 винтовок, пулемёт, блиндированный автомобиль... Завод безусловно выступит по призыву Петроградского Совета»[2].

От финнов убедительно выступил Эйно Рахья:

> «У финнов такое настроение, что чем скорее, тем лучше»[3].

Латыши сообщили, что у них имеется 1 200 членов большевистской партии. Рабочие записаны в Красную гвардию по заводам.

Во всех районах шла кипучая деятельность. Массы с нетерпением ждали призыва партии: «К бою!»

— Я уверен, что в ближайшем будущем публика покажет себя творчески, — подвёл итог докладам Калинин.

Общее настроение было таково, что даже и те, кто ещё недавно колебался, теперь голосовали вместе со всей организацией за восстание.

Петроградский комитет постановил немедленно созвать всех активных работников, которым сообщить лозунги повседневной боевой агитации. По организационным вопросам было принято решение:

1) выделить из состава Петроградского комитета узкую группу;

2) организовать дежурства в центре и на местах;

3) устроить боевой технически информационный центр при районных комитетах;

4) всем районам теснеи связаться с фабрично-заводскими комитетами и секретариатом Центрального Комитета;

5) улучшить сношения с железнодорожниками, почтовиками, со всеми массовыми рабочими организациями;

А. А. Андреев.

6) усилить агитацию и ускорить работы по массовому обучению рабочих владеть оружием;

7) усилить связь партийных районов с солдатскими частями.

Выполняя решение Петроградского комитета, его исполнительная комиссия избрала повстанческую тройку, которой поручила обследовать казармы и военные училища, взять на учёт вооружение и военные припасы.

Вслед за тем была образована общая повстанческая комиссия из членов Центрального и Петроградского комитетов и военной организации большевиков.

В районных комитетах петроградской организации большевиков закипела напряжённая работа.

«Усилить агитацию» потребовал Петроградский комитет, и в ответ сильнее зазвучали на предприятиях страстные призывы к рабочим. На ведущих заводах митинги шли каждый день. На Трубочном заводе, в заводском комитете которого работал М. И. Калинин, 20 тысяч рабочих ещё недавно шли за эсерами. Теперь туда зачастили большевистские агитаторы. Настроение быстро изменилось. Рабочие внимательно слушали ораторов и то и дело спрашивали: «Скоро ли будут выступать большевики?»

«Усилить связь с солдатскими массами» постановил Петроградский комитет большевиков, и районные комитеты партии развернули в воинских частях энергичную работу. В одной из рот

Измайловского полка окопались эсеры. Солдаты продолжали выносить оборонческие резолюции. Районный комитет направил туда своих работников. По вечерам у казарм стали собираться рабочие, разъясняя солдатам смысл назревающих событий. Первое время солдаты прогоняли агитаторов. Но простая, убедительная речь скоро нашла доступ и к ним. Через неделю-другую солдаты уже удивлялись, как долго водили их за нос соглашатели.

Опорной базой большевиков были крупные предприятия Выборгского, Нарвского и других рабочих районов Питера. В Выборгском районе существовала специальная агитаторская коллегия. Сюда с заводов присылали за агитаторами. Заходили беспартийные рабочие попросить литературы. Требуя инструкторов, то и дело появлялись красногвардейцы. Отсюда группами уходили на учебную стрельбу. Районный комитет, помещавшийся со штабом Красной гвардии в доме № 13 по Лесному проспекту, был постоянно переполнен людьми.

В трёх комнатах становилось тесно. Районный комитет перебрался на Сампсониевский проспект в дом № 33 — в здание бывшего трактира «Тихая долина», где занял два этажа. Внизу устроили чайную для красногвардейцев. Помещение было грязное, состоявшее из двух зал в первом и втором этажах и нескольких каморок-кабинетов. Но оно находилось в самом центре района.

На заводах членами районного комитета были организованы дежурства и военная учёба. Усиленно доставали оружие, обмундирование.

Боевые припасы рабочие прятали в самых «неожиданных» местах. Так на Охте, например, оружие хранилось в помещении под вывеской «кооперативной» лавки. Там стоял только один ящик с макаронами. Всё остальное было занято винтовками и патронами.

Выборгский районный комитет поддерживал постоянную связь с Петроградским комитетом и с членами Центрального Комитета. Представители районного комитета регулярно дежурили в Смольном.

Двери Выборгского районного комитета были открыты круглые сутки. Районный комитет, районный Совет и штаб Красной гвардии работали часто целыми ночами. Заслушивались отчёты о настроениях на заводах. Докладчики сообщали о ходе митингов. Подсчитывались боевые силы. Проверяли, как идёт набор в Красную гвардию.

Выборгский район стал большевистской крепостью. Не случайно Центральный Комитет поместил Ленина под охрану выборгских красногвардейцев.

> «Выдающуюся роль в октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль Петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов»[1], — так оценил Сталин

балтийцев и красногвардейцев Выборгского района.

Такая же работа кипела и в других районах. В Рождественском комитете партии заседания происходили каждые три дня. В первую очередь обсуждались всегда два вопроса: сообщения о настроениях на заводах и кого куда послать для изменения положения в пользу большевиков. Ежедневно происходили летучие совещания двух-трёх основных работников района: нужно было планировать несколько агитационных выступлений. От крупных заводов в районе всегда присутствовали дежурные связисты. В случае необходимости можно было в самый короткий срок известить о выступлении все предприятия.

На заседаниях комитета не ставился вопрос о вооружённом восстании — всем без исключения была ясна линия большевистской партии. Обсуждали только, где добыть оружие и кого вооружать.

При районе находился специальный инструктор—унтер-офицер, сочувствовавший большевикам. Каждый день шло обучение стрельбе. Тут же в районном комитете инструктировали красногвардейцев.

В последние дни перед выступлением систематически устраивались совещания с беспартийными представителями заводов. Делегатам давали материалы для ответов на «каверзные» вопросы эсеров и меньшевиков. Эти совещания помогли районному комитету связаться с самыми широкими слоями рабочих.

Настроение в районе было настолько напряжённым, что рабочие ночью забегали в комитет справиться — не началось ли восстание.

Районные комитеты работали с исключительным революционным подъёмом. Везде чувствовалось, что близится решающий штурм. Повсюду в рабочих районах Петрограда создавались свои революционные боевые штабы—районные центры восстания. Лихорадочно шли комплектование, вооружение и подготовка рабочих дружин.

Вскоре после Выборгского был создан военно-революционный комитет Нарвско-петергофского района.

Образование военно-революционного комитета было встречено рабочими с энтузиазмом. На крупнейшем предприятии района — Путиловском заводе — по всем мастерским были приняты постановления о полной и безоговорочной его поддержке.

Военно-революционный комитет помещался рядом с районным комитетом большевиков на Новосивковской улице в доме № 21. Он держал связь с Военно-революционным комитетом Петроградского Совета, отдавал распоряжения по штабам Красной гвардии. На него возлагалась охрана районов, ему были подчинены все красногвардейские отряды. Комитет работал под непосредственным руководством Нарвского районного комитета партии.

За несколько дней до Октябрьского переворота был создан

революционный штаб и в Петроградском районе. И здесь штаб работал в тесной связи с районным комитетом большевиков, под его непосредственным руководством.

Штаб помещался в здании Совета. В его распоряжении находились все красногвардейские отряды района. Штаб проверил боевую готовность отрядов, снабдил их оружием, организовал охрану мостов, взял под контроль местные гнёзда контрреволюции — Владимирское и Павловское училища, установив за ними постоянный надзор.

В Московско-заставском районе штаб районного военно-революционного комитета был утверждён на расширенном совещании с представителями фабрик и заводов при районном комитете партии. К этому времени подавляющая масса рабочих крупнейших предприятий района — завода Речкина, обувной фабрики «Скороход» и др. — безраздельно шла за большевиками. На «Скороходе» большевистский коллектив насчитывал в октябре около 500 человек. Районным комитетом была проведена большая работа по организации боевых дружин. Так же работали штабы революции и в других районах столицы.

На всех фабриках и заводах Петрограда под руководством фабрично-заводских комитетов, фабричных коллективов и районных штабов Красной гвардии было организовано обучение красногвардейцев военному делу. Красная гвардия Обуховского завода насчитывала до 400 человек вооружённых, хотя записалось до 2 тысяч красногвардейцев. Их разбили на 10 отрядов. Во главе каждого отряда стояли большевики. Они регулярно проводили военное обучение рабочих. Московско-заставский район насчитывал в октябре 1917 года 2 тысячи красногвардейцев из общего числа 13 тысяч рабочих Московской заставы.

На Путиловском заводе было около 1 500 красногвардейцев. Занятия происходили в определённые дни после окончания работы под руководством унтер-офицеров и солдат-большевиков. Из среды рабочих и солдат, из самой гущи народных масс выделялись сотни и тысячи прекрасных работников-организаторов и агитаторов. Заводским комитетом была создана военная комиссия из трёх человек. Она вела запись на заводе в Красную гвардию. Комиссия в цехах нашла немало добровольных помощников.

В Василеостровском районе одним из наиболее организованных боевых отрядов являлись красногвардейцы Трубочного завода. Как члены большевистской партии, так и беспартийные обучались военному делу с большой охотой. К Октябрю на заводе составился целый батальон — около 2 тысяч человек.

В Василеостровском районе работала Вера Слуцкая — талантливый пропагандист, один из преданнейших работников большевистской партии. Прикреплённая к району, она с утра являлась

на Васильевский остров и весь день проводила на его фабриках и заводах. Среди работниц её звали «Железной».

> «Бывало,— вспоминали работницы,—придёшь в общую комнату и слышишь: «А наша-то «Железная» опять всю ночь не спала — посидела, подремала за столом часа два и снова убежала на какую-то фабрику»[1].

К Октябрьским дням заводы Васильевского острова, как и других районов города, ощетинились красногвардейскими штыками.

Заводы в эти дни мало походили на предприятия, скорее — на вооружённый лагерь. То и дело мелькали вооружённые люди, щёлкали затворы. За станками — красногвардейцы, опоясанные через плечо патронами. На дворе завода прилаживают броню из щитов к грузовым машинам, ставят на них пулемёты.

> «Нас не пугает предстоящая близкая борьба... мы твёрдо верим, что из неё мы выйдем победителями.
>
> Да здравствует власть в руках Совета рабочих и солдатских депутатов!»[2] — заявляли в своей резолюции рабочие завода «Старый Парвиайнен».

Такие заявления поступали и из других районов Петрограда. В районах наряду с огромным революционным подъёмом царили атмосфера хорошо организованной работы и уверенность в победе.

Рабочие готовились к бою.

Боевая подготовка Петроградского комитета показала, что пролетарии столицы имеют в решительном сражении надёжного, стойкого и опытного руководителя.

3.

МОСКОВСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ.

Условия работы в Москве несколько отличались от Петрограда, где борьбой непосредственно руководил Центральный Комитет большевиков. Основные кадры петроградского пролетариата состояли из металлистов и рабочих тяжёлой промышленности крупных предприятий. Это был «потомственный пролетариат», как их называли, подчёркивая тем самым, что петроградские рабочие давно потеряли связь с деревней. В Москве преобладали текстильщики. Их связь с деревней была теснее. Они медленнее освобождались от мелкобуржуазных влияний. Крупные предприятия Москвы составляли исключение в массе мелких и средних предприятий.

Петроградский пролетариат пострадал от военных мобилиза-

ций меньше, чем московский. Правительство старалось не посылать на фронт квалифицированных рабочих. В Москве взамен мобилизованных пришли новые пополнения из деревни, что на некоторое время значительно понизило боеспособность рабочих. Военная организация московских большевиков была значительно слабее военной организации Петрограда.

А главное — в Москве не было такого руководства партийной организацией, какое обеспечивали в Петрограде Ленин и Сталин.

Большим препятствием в деле мобилизации масс являлось то, что, в отличие от Петрограда и всех крупнейших центров, в Москве существовали отдельно Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Соглашатели всячески тормозили слияние Советов, стремясь тем сохранить своё влияние хотя бы в одном Совете солдатских депутатов, ибо в Совете рабочих депутатов быстро укреплялись большевики.

В Петрограде борьба приняла более острую форму и потому, что тут находилась центральная правительственная власть, и потому, что город включён был в прифронтовую полосу. В Петрограде репрессии были более суровыми. Таких явлений, как расстрел июльской демонстрации, неоднократное закрытие большевистских газет, арест руководителей, Москва не знала. В Москве после июльских дней местные власти ограничились лишь тем, что закрыли для большевиков доступ в казармы и временно запретили митинги под открытым небом.

Однако контрреволюция очень внимательно следила за развитием событий в Москве. Вторая столица, спокойная купеческая Москва, противопоставлялась первой — бурному революционному Петрограду. В Москву собиралось бежать Временное правительство. В Москве заседали «общественные деятели». Под этим «невинным» названием скрывались виднейшие деятели контрреволюции, по существу — её штаб. Москва расположена сравнительно недалеко от Донской области, откуда всегда можно было подтянуть казаков. Словом, Москву контрреволюция считала якорем спасения. Сюда собирались перебросить побольше сил. Москву предполагали использовать ещё в период Государственного совещания.

Незадолго до него стало известно, что к Москве передвигается 7-й Сибирский казачий полк. Большевистская печать подняла тревогу. На заводах и фабриках выносили резолюции протеста против передвижения казаков. Кто передвигал полк, кто давал распоряжение — никто не сознавался, а те, кто знал, отмалчивались. Большевики прямо назвали Временное правительство виновником передвижения казаков, но Керенский тоже молчал, а командование Московского военного округа слало опровержение за опровержением.

Казачий полк так и не принял участия в выступлении Корни-

лова: выступление было ликвидировано раньше, чем московская контрреволюция успела притти ему на помощь. Но казаки остались в Москве и под Москвой.

Сейчас, когда вновь началась подготовка наступления против революции, Ставка решила направить в Москву целую кавалерийскую дивизию.

Взамен присылаемой дивизии было приказано вывести из Москвы 7-й казачий полк. Но контрреволюционеры в Москве рассчитали, что лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе. Командующий Московским военным округом полковник Рябцев срочно попросил оставить полк в Москве. Ставка отменила своё прежнее распоряжение, оставив полк в Москве. Считая это недостаточным, Ставка приказала перебросить ещё 4-й Сибирский казачий полк в Калугу.

Официальным «общественно-демократическим» органом, вокруг которого в Москве сосредоточились боевые силы контрреволюции, была избранная в июне 1917 года городская дума. Руководителем Московской городской думы был правый эсер, городской голова В. В. Руднев — врач по профессии, один из лидеров московской организации эсеров. Он был также и председателем Главного комитета Всероссийского союза городов. Крайне честолюбивый, Руднев претендовал на портфель министра, а может быть, и главы правительства, в случае если бы план организации в Москве нового временного правительства осуществился.

Однако не Руднев располагал реальными силами для борьбы с революцией. Боевые силы были в распоряжении штаба Московского военного округа, во главе которого стоял полковник генерального штаба К. И. Рябцев,—малодаровитый человек типа генштабистов-администраторов царского времени. Волна революции выбросила его на руководящий пост, который заведомо был ему не по плечу. Военный специалист без политического горизонта, он ориентировался на партию эсеров, стоявшую, по его мнению, у власти. Официально эсером он не был; многие считали его народным социалистом.

Рябцев мог опираться только не небольшую часть многотысячного московского гарнизона. Прежде всего—на два военных училища и шесть школ прапорщиков. В кадетских корпусах воспитывались дети дворян и офицеров. Старшие классы могли быть использованы как боевая сила.

В Москве находилось тысяч пятнадцать офицеров — в отпуску, по лазаретам, кадровый состав запасных полков. Все они были на учёте штаба, но не были сведены в единый отряд. Однако, какое количество офицеров будет защищать Временное правительство, никто сказать не мог.

На сторону контрреволюции предполагалось привлечь студентов. Большинство из них поддерживало Временное правительство.

Сверх того буржуазия организовала свою «домовую охрану». В неё входили студенты, служащие. Нанимали офицеров из числа приехавших с фронта. Охрана не являлась регулярной силой, но в уличной борьбе против восставших могла оказаться полезной.

В самой Москве и в её окрестностях стояли казачьи части.

В лучшем случае Рябцев рассчитывал на 20 тысяч человек. Основные кадры состояли почти исключительно из юнкеров и офицеров, хорошо знающих военное дело. Их прекрасно вооружили. При успехе правительства можно было надеяться на присоединение всех офицеров, которые находились в Москве. Но оставалось загадкой, сколько из всех намеченных людей реально примет участие в борьбе с революцией.

А тем временем гарнизон явно переходил в руки большевиков. Необходимо было прежде всего ослабить гарнизон.

15 октября под предлогом сокращения армии, начатого военным министром, Рябцев приказал расформировать 16 запасных полков. Среди них были московские части. Расформирование полков и отправку людей на фронт предлагалось закончить к 10 ноября. Приказ был секретным. Этой мерой контрреволюция сразу вырывала огромную часть вооружённых сил большевиков.

21 октября Рябцев приказал немедленно отправить на фронт всех солдат-специалистов: плотников, кузнецов, сапожников, столяров, портных и т. п. В прошлом большая часть их была рабочими. Они поддерживали большевиков.

Штаб Московского военного округа спешил подтянуть к Москве воинские силы и отправить из Москвы революционно настроенных солдат потому, что контрреволюции, видимо, было известно о письмах Ленина, в которых он рекомендовал начать выступление, в случае необходимости, именно в Москве.

Исходу борьбы в Москве, наряду с Петроградом, Ленин придавал исключительное значение. Ещё в первом письме о восстании — между 12 и 14 сентября — Владимир Ильич писал:

«...неважно, кто начнёт; может быть, даже Москва может начать...»[1]

Это не было директивой. Вождь революции в письме подчёркивал: восстание настолько назрело, что любой толчок может вызвать взрыв. В Москве нет центральных аппаратов правительства, там не ждут немедленного взрыва. Чутко следя за малейшим изменением в расстановке сил, Владимир Ильич 29 сентября снова повторяет, почему можно начать восстание в Москве:

«...мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью)»[2].

В самом начале октября Ленин в третий раз писал:

«Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнёт» бескровно, её поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочув-

ствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*»[1].

Большевики Москвы были тесно связаны с Петроградом и немедленно узнали о решении Центрального Комитета. 19 сентября московская большевистская газета «Социал-демократ» опубликовала статью Сталина «Вся власть советам», где был поставлен вопрос о новом курсе большевиков на вооружённое восстание.

Письмо Ленина было получено в Москве во второй половине сентября. Письмо обсуждалось среди руководителей организации. Выяснилось, что Рыков, впоследствии расстрелянный за измену родине, был против восстания. Он понимал переход власти к Советам как своеобразный этап буржуазно-демократической революции.

Но в московской организации большевиков Рыков не нашёл поддержки.

Одно из совещаний для обсуждения письма Ленина состоялось на квартире В. А. Обуха. Там было 12—15 человек. Собрание затянулось, шли прения. Спорили не о восстании — этот вопрос не вызывал разногласий, — а о том, начинать ли выступление в Москве. Одни говорили, что Москва не может взять на себя почин выступления. Рабочие Москвы недостаточно вооружены, связь большевиков с гарнизоном слаба, до сих пор Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов в руках соглашателей, да и сам гарнизон остался без оружия. Практически это означало отказ от восстания. Другие представители областного комитета большевиков полагали, что наличие хотя и небольшого, но боевого кулака при расхлябанности московских военных органов может обеспечить успех восстания. Большинство признало, что к восстанию готовиться необходимо, но начать его в Москве вряд ли возможно.

Затрудняли работу в Москве шатания и оппортунистические колебания среди отдельных руководителей Московского областного бюро.

Некоторые руководящие работники Московского комитета, как Пятницкий, разоблачённый впоследствии как враг народа, противились подготовке масс к захвату власти.

Все эти обстоятельства затрудняли работу московских большевиков, но они не могли задержать мобилизацию сил. Основная масса московских большевиков шла за Лениным и Сталиным, шла за Центральным Комитетом партии большевиков. Большевистские традиции декабрьского вооружённого восстания 1905 года вдохновляли рабочих Москвы на борьбу. Именно поэтому задолго до восстания в Москве созданы были многочисленные отряды Красной гвардии.

Процесс большевизации масс в Москве получил своё оформление

в голосовании пленума московских Советов 5 сентября. Впервые в Москве депутаты и рабочего и солдатского Советов, существовавших раздельно, отдали большинство голосов за программную большевистскую резолюцию, которая выдвигала следующие требования:

> 1. Немедленное вооружение рабочих и организация Красной гвардии.
>
> 2. Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций. Немедленная отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контрреволюционного командного состава.
>
> 3. Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.
>
> 4. Осуществление на деле прав наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь удовлетворение требований Финляндии и Украины.
>
> 5. Роспуск Государственного совета и Государственной думы. Немедленный созыв Учредительного собрания.
>
> 6. Уничтожение всех сословных (дворянских и прочих) преимуществ, полное равноправие граждан.
>
> Осуществление этой платформы возможно лишь при разрыве с политикой соглашения и при решительной борьбе широких народных масс за власть»[1].

Принятие этой резолюции вынудило соглашательское большинство в исполнительных комитетах и президиумах обоих Советов подать в отставку.

19 сентября состоялись перевыборы. В Исполнительном комитете Совета *рабочих* депутатов оказалось 32 большевика, 16 меньшевиков, 9 эсеров и 3 объединенца.

Но в Исполнительном комитете Совета *солдатских* депутатов эсеры получили 26 мест, большевики — 16, меньшевики — 9 и беспартийные — 9.

В московском гарнизоне только одна треть считалась в строевых частях, остальные — в мастерских, складах, арсеналах и других обслуживающих фронт предприятиях. В строевых частях гарнизона преобладал переменный состав: после нескольких недель обучения солдат отправляли на фронт. Постоянный, кадровый состав — офицерский и солдатский — обучал переменный. Среди постоянного состава было много уроженцев Москвы — сынков буржуазии, служащих и чиновников. «Окопались в тылу», — говорили о них.

Чтобы сохранить своё влияние, эсеры и меньшевики запретили отзыв депутатов из Совета. Но отдельные части отозвали немало потерявших доверие депутатов. Кроме того большевики широко использовали возможность производить перевыборы

ротных и полковых комитетов.

М. Ф. Шкирятов.

Среди солдат гарнизона вёл энергичную работу ряд активных большевиков: М. Ф. Шкирятов, избранный в Совет солдатских депутатов и в Исполнительный комитет Совета, руководитель военной организации Московского комитета большевиков Ем. Ярославский, О. Варенцова и многие другие. Военная организация развернула большую работу. Она выдвинула лозунг о смене уставших на фронте «окопавшимися в тылу». Это требование было направлено и против оборонческого Совета солдатских депутатов, так как постоянный кадровый состав был главной его опорой. Кроме того военная организация (Военное бюро) вела большую работу по перевыборам низовых солдатских комитетов. Ем. Ярославский получил специальное указание из Петрограда от Я. М. Свердлова всеми силами добиваться перевыборов солдатских комитетов. Эта мера должна была исправить ошибку, допущенную в Москве, где сохранилось раздельное существование двух Советов — рабочих и солдатских депутатов. К Октябрю все полковые и ротные комитеты, за исключением 1-й запасной артиллерийской бригады, были переизбраны.

Выборы в районные думы 24 сентября показали, какой глубокий сдвиг в сторону большевиков произошёл в пролетарских и полупролетарских массах Москвы: большевики получили почти 50% голосов, кадеты — 20, эсеры — 15 и меньшевики — чуть больше 4%.

Солдаты на 90% отдали свои голоса большевикам. Некоторые части голосовали почти полностью за большевиков.

Этот исключительный успех говорил, что пролетарская революция в Москве перешла из периода мобилизации сил в период организации штурма.

Работа в районах Москвы с каждый днём всё усиливалась и расширялась. Диспуты с эсерами и меньшевиками собирали обширные аудитории. Часто случалось, что рабочие сразу после диспута переизбирали своих депутатов в Советы. Каждый день в газетах сообщалось о победе большевиков. На Прохоровской ману-

фактуре при выборах в заводской комитет прошли большевики; в Пресненский районный Совет было избрано 11 человек, из них — 8 большевиков.

В районных комитетах обучали военному искусству. Но руководители московской организации недостаточно занимались технической подготовкой восстания — оружия нехватало. Его искали все и всюду. Посылали в Тулу покупать револьверы. Выпрашивали у солдат. Вытаскивали припрятанные винтовки. В Замоскворечье около сотни винтовок, прочищенных и смазанных, было тщательно замуровано в стене заводского комитета завода Михельсона. О них знали немногие работники районного комитета. Винтовки вытащили и роздали надёжным людям.

10 октября вечером в Большой аудитории Политехнического музея состоялась Московская общегородская конференция большевиков. На повестке дня:

1. Современный момент:

а) новая корниловщина и провокация на фронте;

б) хозяйственная катастрофа;

в) всенародная борьба с холодом и голодом.

2. Кампания по выборам в Учредительное собрание.

Как раз за три дня до конференции Ленин обратился с письмом к Петроградской конференции, открытие которой намечалось 7 октября.

Ленин требовал мобилизовать все силы для отчаянной, последней, решительной борьбы с правительством Керенского.

К своему письму Ленин приложил резолюцию, рекомендуя её конференции. Письмо Ленина и его резолюция были доставлены в Москву. Их зачитали на общегородской конференции большевиков. Конференция приняла резолюцию Ленина полностью.

Это означало, что в один и тот же день, 10 октября, резолюция Ленина о вооружённом восстании не только была утверждена Центральным Комитетом партии, но и немедленно поддержана заседавшими 10 октября Петроградской и Московской общегородскими конференциями большевиков. Московские большевики одновременно с петроградскими поддержали вождя партии. Такова была сила организованности большевистской партии.

14 октября, после заседания Центрального Комитета большевиков, на котором присутствовали представители Москвы, состоялось заседание областного бюро в Москве. Оно без прений приняло директиву Центрального Комитета о восстании и немедленно наметило ряд мер по её реализации.

В заключение областное бюро большевиков постановило создать партийный боевой центр по руководству восстанием в составе двух членов областного бюро, двух — от Московского комитета и одного—от Московского окружного комитета.

Дня через два состоялось межрайонное совещание московского

актива. Был горячий обмен мнений. Подсчитывали силы. Обсуждали, как усилить работу. Раздавались отдельные голоса о нехватке оружия. Жаловались на слабую связь с гарнизоном. Но актив почти единогласно поддержал решение о переходе к вооружённой борьбе за власть Советов. Решительная минута приближалась.

Революционный кризис в Москве и области нарастал гигантскими шагами. Уже десять недель бастовали кожевники. Металлисты и текстильщики были накануне стачки. Рабочие и служащие городских предприятий продолжали работать только потому, что Совет вмешался в их конфликт с городской думой. Положение рабочих становилось всё более невыносимым. Хозяева объявили негласный локаут, закрывали заводы и фабрики. Капиталисты усиленно обостряли кризис. Они провоцировали стачки, обвиняя потом рабочих в срыве производства. Нарушая интересы широких потребителей, хозяева натравливали их на рабочих. Сдержать массы было невозможно. Профсоюзы жаловались в Совет, требуя решительных мер в борьбе с проводимым буржуазией локаутом.

18 октября состоялось экстренное заседание Исполнительного комитета Московского Совета рабочих депутатов. На заседание были вызваны представители профсоюзов. Один за другим появлялись они на трибуне, рисуя перед слушателями тяжёлую картину положения рабочих.

Настроение в зале всё повышалось. Соглашатели чувствовали, что Исполнительный комитет поддержит профсоюзы. Эсеры и меньшевики потребовали перерыва, чтобы разойтись по фракциям и выработать конкретные предложения.

Пока заседали фракции, соглашатели вызвали на помощь Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов —там преобладали эсеры и меньшевики.

Заседание продолжалось совместно с Исполнительным комитетом Совета солдатских депутатов.

Большевики требовали вмешаться в экономическую борьбу рабочих, издать ряд декретов о прекращении локаутов и удовлетворении всех требований бастующих. Если капиталисты откажутся, их нужно арестовать. На этой почве может произойти конфликт с местной и центральной властью. Тогда Совет, опираясь на массовое движение, перейдёт к захвату власти.

Предложение большевиков произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Эсеры и меньшевики бесновались. Они понимали, что большевики ставят вопрос о власти.

Резкой и определённой платформе большевиков меньшевики и эсеры противопоставили ещё одно... обращение к Временному правительству: просить его издать декрет об удовлетворении требований рабочих.

Прения окончены. Объявляется поимённое голосование. В напряжённой тишине счётчики объявляют результаты: 46 голосами

против 33 при 1 воздержавшемся принята резолюция меньшевиков. Соглашатели, однако, торжествовали недолго.

На следующий день, 19 октября, состоялся пленум обоих Советов. Как ни бились соглашатели, но 332 депутата против 207 при 13 воздержавшихся приняли резолюцию большевиков. Сообщение о результатах подсчёта было покрыто бурной овацией.

Едва стихли аплодисменты, как на трибуне появился меньшевик Б. Кибрик. Под смех и иронические замечания он говорил:

> «Мероприятия, предложенные большевиками для ликвидации назревших в главнейших отраслях производства конфликтов, являются полным банкротством большевизма.
>
> Декрет Совета об удовлетворении требований рабочих с угрозой ареста капиталистов, т. е. отмена декретом Совета классовой борьбы, есть фактически захват власти в наиболее неразумной форме и фактически изолирует рабочий класс»[1].

Снова посыпались угрозы и предсказания всяких ужасов. Капиталисты заберут деньги из банков. Нарушится обмен между Москвой и всей страной. Рабочие будут обречены на голодную смерть, ибо исчезнут не только деньги, но и продукты. Это будет локаут, но уже созданный самими большевиками.

Словом, в своей лакейской преданности буржуазии меньшевики подсказали капиталистам меры борьбы с революцией.

В заключение разболтавшийся агент буржуазии потребовал переизбрать всех тех делегатов, которые голосовали за большевиков; в профсоюзах, голосовавших за мероприятия, предложенные большевиками, немедленно переизбрать правления.

Эсер Черепанов тоже заявил, что резолюция большевиков призывает по существу к неорганизованному захвату власти, а потому его партия снимает с себя всякую ответственность за тяжёлые последствия.

Усердным лакеям буржуазии дал отповедь большевик Аванесов:

> «...если... справа перекладывают ответственность на нас, большевиков, мы заявляем, что этой ответственности не боимся и берём её на себя, но эта ответственность также ложится на московские Советы рабочих и солдатских депутатов... Мы призываем всю массу, чтобы она поддержала нас в нашей борьбе, и будем опираться только на эту массу. На солдатскую массу, которая своим голосованием показала, что идёт с нами, а также на рабочих, которые идут и будут итти только с нами»[2].

— Будете ли вы подчиняться постановлениям Совета? — в упор спрашивал Аванесов соглашателей.

В ответ меньшевик Кибрик невнятно пробормотал, что решению Совета они подчинятся, но не возьмут на себя руководства осуществлением предложенных мероприятий. А в заключение внятно и недвусмысленно он добавил:

> «Мы поведём единую борьбу до конца, но употребим все усилия, чтобы парализовать гибельные последствия принятой сегодня резолюции»[1].

«Парализовать последствия» — с этим подошли соглашатели к Великой пролетарской революции.

О настроении собрания можно судить по следующему. Когда один из эсеров сказал, что московские большевики проводят в жизнь лозунги Ленина, раздалось громкое:

«Да здравствует Ленин!»

Зал огласился приветственными возгласами. Собрание закончилось пением «Интернационала».

Постановление пленума обоих Советов буржуазия приняла как переход к захвату власти. «Русское слово» так и озаглавило свою информацию: «Постановление московских Советов о захвате власти»[2]. А московский городской голова эсер В. В. Руднев в тот же день заявил:

> «Принятое московскими Советами постановление я рассматриваю как часть общей системы, которую решили проводить в жизнь. Начнут с захватов предприятий, перейдут к захватам банков и т. д.»[3].

По городу распространялись слухи о близком выступлении большевиков.

Контрреволюция начала усиленно готовиться к борьбе, пытаясь первой перейти в наступление. Рябцев слал телеграмму за телеграммой в Ставку и штаб Юго-западного фронта, требуя присылки войск.

Ставка заверила Рябцева, что в пределы Московского округа направляется 1-я бригада 3-й гвардейской конной дивизии с конной батареей.

Решительная помощь Ставки внесла некоторое успокоение в штаб округа. 24 октября Рябцев разослал по телефону следующий приказ гарнизону:

> «В обществе и, к сожалению, в некоторой части печати распространяются слухи, будто бы округу, и в частности Москве, кто-то, откуда-то и чем-то грозит. Всё это неверно... Стоя во главе вооружённых сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно»[4].

Как ошибся Рябцев в оценке своих сил, показали события ближайших дней.

Ещё 22 октября на областной конференции военных организаций большевиков делегаты с мест сообщали, что гарнизон крайне враждебно относится к правительству. Настроение солдат приподня-

тое. На другой день конференцию пришлось закрыть, не закончив работы: шли тревожные сведения из Петрограда, в Москве готовились к восстанию, делегатам необходимо было быть на месте.

Московский комитет большевиков предложил развернуть в районах братание рабочих и солдат. 23 октября Краснопресненский Совет рабочих депутатов по предложению большевиков организовал манифестацию всех фабрик и заводов района. Со знамёнами и лозунгами «Вся власть Советам!» рабочие пришли на Ходынку. Тут состоялся совместный митинг с солдатами 1-й артиллерийской запасной бригады. После митинга рабочие и солдаты с музыкой и пением революционных песен двинулись на Ваганьковское кладбище. На могиле большевика Н. Баумана, убитого в 1905 году черносотенцами, собравшиеся поклялись довести борьбу до конца.

24 октября соединённое заседание Советов рабочих и солдатских депутатов утвердило устав Красной гвардии. Речь шла о Красной гвардии, организованной Советом. Она существовала наряду с Красной гвардией партии большевиков. Полтора месяца эсеры и меньшевики мешали утверждению устава. Большевики говорили, что главная задача Красной гвардии — сохранение завоеваний революции и борьба с контрреволюцией. Другая задача — это борьба с погромными выступлениями в городах.

Меньшевики вновь выступили со своими «предупреждениями».

Эсеры из Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов заявили, что не считают возможным даже участвовать в обсуждении устава Красной гвардии: это дело рабочих депутатов, а все нежелательные последствия от организации Красной гвардии они возлагают на Совет рабочих депутатов. Тем самым эсеры демагогически натравливали солдат на рабочих.

374 голосами против 8 при 27 воздержавшихся соединённое заседание Советов приняло устав.

Следующим вопросом стоял доклад о реализации постановления Советов от 19 октября. Большевики в развитие этого постановления предложили принять следующий декрет:

«ДЕКРЕТ № 1.

1. Приём и увольнение рабочих производится администрацией предприятия с согласия фабрично-заводского комитета. В случае несогласия последнего дело переносится на рассмотрение районного Совета рабочих депутатов, решение которого является обязательным для сторон. До окончательного решения как приём, так и увольнение считаются несостоявшимися.

2. Приём и увольнение служащих производятся с согласия комитета служащих.

Примечание 1. В тех предприятиях, где не существует отдельного комитета служащих, приём и увольнение их производятся с согласия общего комитета.

Примечание 2. Фабрично-заводской комитет рабочих имеет право опротестовать постановления комитета служащих, причём в этом случае дело разрешается созданной примирительной комиссией при Совете рабочих депутатов.

3. Означенные постановления являются обязательными для всех предприятий города Москвы. Против виновных в нарушении их Совет рабочих и солдатских депутатов будет применять самые решительные меры воздействия, вплоть до ареста их»[1].

Подавляющим большинством декрет № 1 был утверждён. Принятием декрета Совет приступал к проведению в жизнь лозунга большевиков о контроле над производством. Совет превращался в орган власти. Московские большевики стояли накануне решительных действий.

«Война объявлена, — писал орган Московского комитета,— в Калуге разогнаны Советы, члены их арестованы, некоторые, по слухам, расстреляны. В городе хозяйничают казаки, посланные по приказанию Временного правительства с Западного фронта.

Дело ясно: правительство объявило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, совершилось: уже не Корнилов, а сам Керенский во главе негодяев-капиталистов открыто идёт против народа, который он в течение семи месяцев одурачивал своими пышными речами... Керенский и его агенты — наши открытые враги: никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают — их бьют... Необходим немедленный отпор! Время разговоров прошло...»[2]

☆

Для московских большевиков и Московского областного бюро вопрос о подготовке восстания стоял значительно шире, чем вопрос о руководстве борьбой в Москве. В состав областного партийного объединения входили тогда, кроме самой Москвы, губернии: Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Воронежская, Тульская, Орловская, Смоленская, Рязанская, Калужская, Тамбовская.

Московское областное бюро было тесно связано с партийными организациями области. 27—28 сентября 1917 года состоялся пленум Московского областного бюро, на котором были представлены довольно широко делегаты местных парторганизаций. Пленум подвёл итоги огромной работе, проделанной за последние месяцы. Из докладов с мест выяснилось, что влияние большевиков гигантски выросло, организации большевиков растут и охватывают своим руководством широкие массы трудящихся.

Всего в области числилось примерно до 70 тысяч членов партии большевиков, причём половина приходилась на Москву и её губернию. Во время работы пленума областного бюро 27 сентября вдруг сообщили, что Владимирский Совет солдатских депутатов срочно запрашивает: подчиняться ли распоряжению Керенского о выводе всего гарнизона из города? Прения были прерваны. Все почувствовали, как близки решающие события. Все поняли, что дело не только во Владимире: Временное правительство начинает поход против революционно настроенных гарнизонов. Пленум принял следующую резолюцию по этому вопросу:

«Стремясь к сохранению всех революционных сил для предстоящего проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам!», областное бюро предлагает местным организациям решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путём вывода из них революционных частей войск»[1].

Владимирским товарищам телеграфно предложили оставить гарнизон в городе.

28 сентября пленум областного комитета обсуждал резолюцию по текущему моменту. Некоторые из ораторов связывали борьбу за власть Советов с провозглашением Республики Советов. Это означало отсрочить борьбу за власть до съезда Советов. Но большинство резко выступило против такого толкования.

«Связывать борьбу за власть Советов с созывом Всероссийского съезда Советов неправильно, — говорили делегаты. — Реальная борьба за советскую власть может разгореться раньше, и у нас нет никаких оснований откладывать эту реальную борьбу до созыва съезда»[2].

Резолюция пленума была принята в духе письма Ленина:

«В условиях настоящего момента политическая борьба переносится из всяких представительных учреждений на улицу. Важнейшей задачей дня является борьба за власть, которая в условиях настоящего времени начинается неизбежно с борьбы на местах с продовольственной и жилищной и хозяйственной разрухой»[3].

Пленум требовал создать боевые центры в крупных промышленных городах и установить между ними тесную связь. Делегаты пленума тотчас же по его окончании разъехались на места проводить его решения в жизнь.

После решения Центрального Комитета большевистской партии о восстании Московское областное бюро предложило всем местным партийным организациям связать своё выступление с началом восстания в центре. При назревании конфликтов с властями не итти на уступки, но и не доводить до кровавого столкновения, допустимого лишь в условиях и в интересах общего выступления. Там,

где власть фактически в руках Совета, бюро рекомендовало провозгласить её единственной властью данного города или района.

Решено было послать членов бюро в объезд по области, чтобы предупредить товарищей о близости выступления, собрать сведения о частях, на помощь которых может рассчитывать Москва, всюду заранее создать боевые центры по руководству восстанием.

На заседании областного бюро 14 октября были составлены условные телеграммы для каждого района. Они должны были быть посланы на места, как только в центре начнётся восстание, и послужить сигналом к выступлению.

Большевики Московской области упорно и напряжённо готовились к решающим боям. Наиболее благоприятная обстановка для быстрейшего завоевания власти создалась прежде всего в таких промышленных губерниях, как Владимирская, Ярославская, Тверская. Здесь Советы до Октября были завоёваны большевиками.

Иваново-Вознесенск был тогда уездным городом Владимирской губернии. Своеобразие хода Октябрьской революции в этом крупнейшем текстильном районе, находящемся в непосредственной близости от Москвы, заключалось прежде всего в том, что буквально за несколько дней до октябрьских боёв здесь развернулась огромная по размаху и значению стачка текстильщиков Иваново-кинешемского района, захватившая текстильные центры Владимирской и Костромской губерний.

В 3 часа ночи с 20 на 21 октября Центральным стачечным комитетом Иваново-кинешемского профсоюза текстильщиков была разослана по всем районам следующая телеграмма:

> «Двадцать первого десять часов утра начать стачку. Спешно оповестить фабричные заводские стачечные комитеты. Стачка начинается митингами на фабриках, затем рабочие мирно расходятся домой. Понедельник двадцать третьего всем рабочим десять часов утра явиться на фабричные митинги. Срочно подтвердить получение этой телеграммы, извещайте о начале, ходе стачки»[1].

Ровно в 10 часов утра 21 октября остановились фабрики Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Родников, Середы, Коврова, Кохмы, Тейкова, Вичуги. Стачка охватила 114 предприятий — около 300 тысяч рабочих. Началась стачка с требования повысить прожиточный минимум для рабочих. Но ярко политический революционный характер стачки сказался прежде всего в том, что результатом её был переход предприятий Иваново-кинешемского района под полный контроль рабочих.

Буржуазная газета «Утро России» писала об Иваново-кинешемской стачке:

> «На многих предприятиях рабочие, оставив работу, заперли фабрики, ключи взяли себе. Всюду расставлены вооружённые пикеты, которые препятствуют доступу лиц административ-

ного персонала в пределы фабричного двора. Не разрешают вывоза готовых товаров по интендантским заказам и в адрес министерства продовольствия. Технический персонал в виду массового вооружения рабочих терроризирован и принуждён будет покинуть фабрики»[1].

Ни один аршин мануфактуры, ни одна вещь не могли быть взяты с фабрики без разрешения фабричного стачечного комитета. Ни хозяин, ни фабричная администрация не могли попасть на фабрику опять-таки без разрешения стачечного комитета. Рабочие становились подлинными хозяевами предприятий, с винтовкой в руках охраняли они фабрики и заводы.

Присоединившись к стачке, рабочие Шуи по предложению председателя Шуйского Совета М. В. Фрунзе приняли следующую резолюцию:

> «Современная государственная власть в лице Временного правительства и его агентов на местах не в состоянии справиться с надвигающимися бедствиями... Только переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом»[2].

23 октября в Шуе произошла массовая демонстрация рабочих, в которой приняли участие войска местного гарнизона. На митинге выступил Фрунзе. По его докладу была принята резолюция о переходе власти к Советам и поставлено требование Всероссийскому съезду Советов о взятии власти в свои руки, в чём ему была обещана всемерная поддержка.

Активно готовились к завоеванию власти большевики Твери и Тверской губернии, где числилось около 50 тысяч рабочих. Перевыборы Тверского Совета в августе дали абсолютное большинство большевикам. В начале сентября Тверской Совет рабочих депутатов на объединённом заседании совместно с фабзавкомами и профсоюзами признал необходимость передачи власти Советам. Тверская организация большевиков поставила своей основной задачей оказать вооружённую помощь Москве, задержав во что бы то ни стало в Твери находящихся там юнкеров и казаков, не допуская их в Москву, и, вместе с тем, в случае надобности послать вооружённые отряды рабочих и солдат в помощь Москве. Действительно, в Октябрьские дни в Москву были отправлены броневики из Кимр и стоявшие в Старице сапёры.

В передовых рядах борцов за власть Советов шла и Ярославская губерния, общее число рабочих в которой составляло свыше 40 тысяч, причём только на Карзинкинской мануфактуре в Ярославле работало в 1916 году 20 тысяч рабочих. К концу сентября 1917 года Ярославский Совет большевизировался и принимал большевистские резолюции по всем основным вопросам.

Воронеж в годы первой мировой войны превратился в значи-

тельный промышленный центр. Число рабочих в городе достигло в 1917 году 10 тысяч человек, причём больше половины из них были металлисты. В октябре 1917 года Воронежская губерния пылала в огне крестьянских восстаний. В конце сентября в Воронеже была созвана губернская конференция большевиков и был создан губернский комитет партии. Воронежский Совет накануне Октября находился ещё в руках меньшевиков и эсеров, а в губернии очень большим влиянием на крестьянство пользовались эсеры. Но меньшевистско-эсеровский Воронежский Совет не отражал уже настроения масс, шедших за большевиками.

Обстановка, сходная с Воронежем, создалась накануне Октябрьских дней и в Смоленске. Здесь также Совет был ещё в руках эсеро-меньшевиков, но он не отражал настроения масс: в боях после победы революции в Петрограде рабочие и солдаты Воронежа и Смоленска быстро разгромили врагов.

Наиболее напряжённая обстановка создалась в Калуге, где контрреволюция перешла в наступление ещё до октябрьских боёв в Петрограде и где ей удалось одержать временную победу.

В Калуге накануне Октября сложилось весьма характерное для маленького провинциального города соотношение сил. Совет солдатских депутатов находился под влиянием большевиков. В Совете рабочих депутатов (а в Калуге большинство предприятий было мелкого ремесленного типа) преобладали эсеро-меньшевики. 17—18 октября в Калугу прибыли с Западного фронта казачьи отряды, драгуны и «ударный батальон смертников». 18 октября за подписью начальника гарнизона был издан приказ о введении военного положения в Калуге. Утром 19 октября губернским комиссаром Временного правительства Галиным был предъявлен ультиматум Совету солдатских депутатов о немедленном разоружении, роспуске солдатской секции и об отправке частей калужского гарнизона на фронт.

19 октября вечером открылось заседание Совета, обсуждавшее ультиматум Галина. Во время заседания здание Совета было оцеплено казаками и драгунами, выставлены были пулемёты и броневики. Галин потребовал немедленной выдачи членов Совета и сдачи всего оружия в течение 5 минут. Не дожидаясь истечения указанного срока, был отдан приказ обстрелять здание Совета. Внезапно затрещали пулемёты, зазвенели разбитые стёкла — Совет был обстрелян. Казаки ворвались внутрь здания, учинили там полный разгром, арестовали и заключили в тюрьму большевиков — членов Исполнительного комитета Совета. Наиболее революционная часть калужского гарнизона была отправлена на фронт. Разгром Калужского Совета был организован по прямому указанию Временного правительства. В крупном промышленном центре на такой шаг нельзя было решиться, поэтому и выбрали Калугу, чтобы этим примером «устрашить» страну накануне решающих

боёв. Контрреволюция в Калуге торжествовала победу. Калужская городская дума 21 октября приветствовала разгром Совета и выразила благодарность громилам.

Но из всех губернских центров Московской области наиболее длительной и сложной была борьба за завоевание власти Советами в Туле и Тамбове. Причины запоздания и трудности, стоящие на пути установления советской власти, были, конечно, в Туле и Тамбове далеко не одинаковы. Тула — значительный по тем временам промышленный центр — насчитывала в 1917 году свыше 50 тысяч рабочих, из них почти две трети были металлисты и железнодорожники. К VI съезду партии тульская большевистская партийная организация имела 1 тысячу членов.

Но к Октябрю Совет в Туле находился ещё в руках соглашателей. Влияние меньшевиков в Туле было более значительным, чем в других промышленных центрах страны. Это объяснялось частично изменением состава тульского пролетариата в годы империалистической войны. На военные заводы, чтобы скрыться от мобилизации в армию, шли торговцы, кулаки, буржуазные сынки и т. д. Администрация тульских казённых заводов очень тщательно отбирала рабочих. Главной трудностью борьбы за власть Советов в Туле явился тот факт, что меньшевиков здесь поддержали и подали им руку помощи предатели из каменевско-зиновьевского лагеря, входившие тогда в состав большевистской фракции Совета. Ход борьбы в Туле исключительно наглядно показывал, что означала на деле изменническая каменевско-зиновьевская позиция в Октябрьские дни. Именно союз сторонников «однородной социалистической власти» с не потерявшими ещё полностью своего влияния меньшевиками предопределил затяжку борьбы за власть Советов в Туле вплоть до декабря 1917 года. Но всё же, несмотря на то, что Тульский Совет находился в руках меньшевиков и эсеров, основная масса рабочих и здесь была завоёвана большевиками.

Совсем другие причины обусловили очень длительную и ожесточённую борьбу за власть Советов в Тамбове. Значительных кадров промышленного пролетариата в городе не было. Тамбов и Тамбовская губерния являлись центрами очень сильного эсеровского влияния. Сломить это эсеровское влияние являлось важнейшей задачей большевиков. Выполнение этой задачи затянулось в Тамбове на сравнительно длительный срок.

Несмотря на все особенности, которые отличали ход событий накануне Октября и в Октябрьские дни во всех центральных губерниях, входивших в 1917 году в состав Московской области, одна черта сближала здесь развитие событий: был ли Совет в руках большевиков или в нём преобладали ещё меньшевики и эсеры (как в Воронеже, Смоленске, Туле и других городах), завоёвывалась ли власть мирным или вооружённым путём, — во всех этих городах и промышленных районах (за исключением Тулы,

Тамбова и, быть может, ещё одного-двух городов) соотношение сил было, как правило, таково, что победа достигалась с сравнительно большой быстротой и лёгкостью, и советская власть устанавливалась уже в конце октября и в начале ноября 1917 года.

Именно здесь, в основных пролетарских промышленных районах и центральных губерниях, был сосредоточен решающий перевес сил, лучшие силы рабочего класса, целиком завоёвана армия, изолированы соглашательские партии.

> «Внутренняя Россия, — писал Сталин, — с её промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции»[1].

Эта характеристика Сталина относится не только к губерниям, входившим в состав Московской области, но и к Поволжью и Уралу, где обстановка накануне Октября и в Октябрьские дни сложилась примерно такая же, как и в Московской области.

4.

В ПОВОЛЖЬЕ.

Поволжье — особенно Среднее и Нижнее — издавна считали своей «вотчиной» эсеры. Сюда ещё в 70-х годах прошлого века шли «в народ» бунтари. Их манили исторические традиции великих крестьянских восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Эсеры пытались присвоить себе ореол славы бунтарей.

Здесь, в Поволжье, в революцию 1905 года сильнее, чем в других местах, бушевало крестьянское движение. Именно тут при зареве горящих дворянских гнёзд, под звуки набата создал саратовский губернатор Столыпин свою систему борьбы с крестьянским восстанием. Возведённый царём Николаем II из губернаторов в министры, он пытался своей аграрной политикой спасти потрясённую империю.

Дело было, конечно, не в исторических традициях. Сами традиции вырастают и держатся на определённой экономической почве. Помещики в 1861 году отрезали у поволжских крестьян в свою пользу более 25% земли, а в Саратовской и Самарской губерниях — даже 40%. Крестьян загнали «на песочки» и посадили на нищенский земельный надел. В Саратовской губернии третья часть — почти 35% — всех крестьян считалась «дарственниками»: помещики отпустили их на волю без выкупа, даром, но зато оставили им только четвёртую часть надела. Вот где была основа бурного аграрного движения в Поволжье.

В. В. Куйбышев.

Во время войны Поволжье стало тыловой областью. В городах стояли огромные гарнизоны: в Самаре — 60 тысяч, в Саратове—30 тысяч солдат. Казань являлась центром крупнейшего военного округа, объединявшего все гарнизоны городов Поволжья. Общее количество войск всего Казанского военного округа на 1 января 1917 года достигало 800 тысяч человек, из них одних офицеров—20 тысяч. Казанский гарнизон накануне Октября насчитывал почти 60 тысяч человек.

Фальшиво прикрываясь лозунгом «земля крестьянам», а на деле защищая помещиков, эсеры спекулировали на тяге к земле у солдат и отсталых рабочих. Это позволило эсерам в первые дни революции 1917 года укрепиться в деревне, в гарнизонах и на отдельных заводах. Целые полки объявляли себя эсеровскими. Даже в ноябре 1917 года при выборах в Учредительное собрание эсерам всё ещё удалось собрать в Поволжье до 70% всех голосов. Большевикам Поволжья предстояло отвоевать область у эсеров.

Скорейшее решение этой задачи облегчалось тем, что в основных и крупнейших центрах Поволжья — Самаре, Нижнем-Новгороде, Царицыне, Саратове имелись к 1917 году значительные кадры промышленного пролетариата, опираясь на которые большевики преодолевали эсеровское влияние в деревне и в солдатской казарме.

На Трубочном заводе в Самаре работало в 1917 году 23 тысячи рабочих, на Сормовском заводе в Нижнем-Новгороде — 25 тысяч рабочих. Примерно столько же — на предприятиях Канавина. В Царицыне на 200 тысяч жителей приходилось 35 тысяч рабочих, из них около 7 тысяч металлистов, сконцентрированных главным образом на двух крупнейших заводах — Французском и Орудийном. Казань по тем временам была довольно значительным промышленным центром, насчитывавшим около 20 тысяч рабочих, из них почти 10 тысяч металлистов. Даже в Саратове — типичном волжском торговом городе — насчитывалось 12—15 тысяч рабочих из 250 тысяч жителей города.

Н. М. Шверник.

За годы войны в крупнейших городах Поволжья значительно выросла промышленность, работавшая на оборону. На фабрики и заводы пришли из деревни новые рабочие. Они принесли с собой ненависть к помещикам, но вместе с ней и деревенскую отсталость, предрассудки. Спасаясь от мобилизации, на предприятиях укрывалось много выходцев из мелкой буржуазии.

Всё это вместе взятое создало почву для работы эсеров. Так, в Самаре на Трубочном заводе, где была сильнейшая большевистская организация — свыше 2 тысяч человек, меньшевики насчитывали только 300 своих членов, а эсеры — около 12 тысяч. В Нижнем-Новгороде на Сормовском заводе из 25 тысяч рабочих в эсеровских списках числилось около 10 тысяч. Наиболее слабым и незначительным было влияние эсеров в Царицыне.

Но с каждым днём, с каждым месяцем революции росли, укреплялись, усиливались большевистские организации Поволжья.

В Самаре была самая крупная большевистская организация Поволжья. Там к VI съезду насчитывалось уже 4 тысячи членов партии. Работа организации связана с именем Валерьяна Владимировича Куйбышева. В 1916 году после побега из ссылки товарищ Куйбышев попадает на партийную работу в Самару, где под фамилией Адамчика работает фрезеровщиком на Трубочном заводе. Станок Куйбышева стоял рядом с токарным станком, за которым работал Н. М. Шверник.

В сентябре 1916 года Куйбышев был арестован в Самаре и выслан в Туруханский край на 5 лет. Но по дороге в ссылку Куйбышева застаёт известие о революции. Он спешно возвращается в Самару. 17 марта 1917 года трудящиеся Самары торжественно встречали Куйбышева. Пришли рабочие со всех заводов со знамёнами. Через несколько дней после приезда, 21 марта, Куйбышев был избран председателем рабочей секции Совета. А Совет был тогда ещё по своему составу эсеро-меньшевистским.

Л. М. Каганович.

Куйбышев взялся за укрепление местной большевистской организации. Он созвал большое собрание в кино «Триумф», где дал отпор тем, кто пытался стирать грань между большевиками и меньшевиками. Были созданы городские и районные комитеты партии. Они дали твердую директиву: никаких объединений с меньшевиками. Согласно этой директиве и строились большевистские организации Самары и области.

Завоевание масс самарские большевики начали с заводских комитетов и профессиональных союзов. Сюда были брошены лучшие силы. В мае председателем союза металлистов был Шверник, его заместителем — большевик Галактионов, членом правления — Куйбышев. Рабочие Трубочного завода 29 августа избирают почти целиком большевистский заводской комитет. В так называемом исполнительном комитете заводского комитета было 18 большевиков и 2 эсера. Отряд за отрядом — металлисты, строители, пищевики, железнодорожники — единодушно подавали свой голос за большевистскую партию.

Тот же процесс, только более медленный, происходил и в солдатской казарме, где стояли 102, 133 и 143-й пехотные полки, запасный сапёрный полк, 4 и 5-я батареи запасной артиллерийской бригады и т. д. В Самаре была создана большевистская военная организация. Для солдат издавалась большевистская газета «Солдатская правда». Эсеровское влияние удавалось довольно быстро преодолевать.

Полное завоевание Совета большевиками произошло в августе — сентябре 1917 года. 21 августа 1917 года Совет рабочих и солдатских депутатов принимает большевистскую резолюцию о борьбе с контрреволюцией большинством 97 голосов против 72. Так шаг за шагом завоёвывали большевики Самары большинство в Совете.

В Саратове в годы империалистической войны сложилось крепкое большевистское ядро: Ольминский, который вместе с Лениным редактировал центральный орган большевиков в период первой революции, Мицкевич и др. Они издавали легальный большевистский орган «Наша газета».

Я. З. Ерман.

Сразу же по выходе из подполья, в марте 1917 года, большевики оформились как самостоятельная организация. 23 марта стал выходить большевистский «Социал-демократ».

В работе саратовской партийной организации участвовал Лазарь Моисеевич Каганович. Представитель «правдистского» поколения большевиков, за плечами которого к 1917 году было уже семь лет активной партийной работы, арестов и ссылки, товарищ Каганович попал с мая 1917 года в 7-ю роту 42-го пехотного полка в Саратове. Пламенный оратор, товарищ Каганович умел найти простые, доступные массе слова. Его энергичная, живая фигура появлялась на митинге в решающие минуты, когда, казалось, эсеровский или меньшевистский «златоуст» успел увлечь внимание аудитории. Язвительно высмеивая соглашателя, находчиво отвечая на реплики с мест, выступая с огромным подъёмом, товарищ Каганович умел добиться перелома в настроении масс. Солдаты и рабочие с исключительным вниманием слушали его.

Результат работы большевиков прежде всего сказался в быстрой большевизации Саратовского Совета. Так, если в Совете второго созыва (июнь — август) было 90 большевиков, 210 меньшевиков и 310 эсеров, то в новом составе Совета после перевыборов, проведённых в конце августа 1917 года, соотношение сил уже коренным образом меняется. В середине сентября в Саратовском Совете было 320 большевиков, 76 меньшевиков и 103 эсера. Абсолютное большинство в Совете было на стороне большевиков.

В Царицыне до войны оформленной большевистской организации не было. Были отдельные большевики-подпольщики, разбросанные по заводам. В 1914 году на Орудийном заводе работал Климент Ефремович Ворошилов. Старый большевик, прошедший суровую школу революции, Ворошилов сумел обойти бдительный надзор охранки. Он создал общество рабочих потребителей, организовал рабочий хор и под прикрытием этих «невинных» учреждений вёл большевистскую агитацию и прес-

паганду. Воспитанные Ворошиловым большевики принимали активное участие в революционных событиях.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года сорвала замки, запиравшие революционную энергию царицынского пролетариата. Бурным весенним половодьем развернулось революционное творчество рабочих Царицына. На огромной Скорбященской площади собирались многотысячные митинги. Долгими часами рабочие слушали ораторов. Митинги затягивались далеко за полночь. Здесь в накалённой обстановке с исключительной быстротой зрело сознание пролетариата. Сюда же приходили солдаты гарнизона. Так в форме живого общения осуществлялось влияние пролетариата на крестьян в солдатских шинелях.

Митинги на Волге словно перекликались с митингами на Балтийском море: в Кронштадте собирались под открытым небом на Якорной площади тысячи матросов. Буржуазия скоро подметила сходство событий: пресса наряду с красным Кронштадтом всё чаще стала писать о красном Царицыне.

В начале апреля 1917 года Центральный Комитет большевиков прислал на работу в Царицын Якова Ермана. В первые же дни революции в Царицыне появился и троцкист С. Минин. Под его влиянием в Царицыне существовала вплоть до мая 1917 года объединённая социал-демократическая организация, куда входили и большевики и меньшевики. Каким, однако, искусственным было это временное сожительство, можно судить по тому, что 9 мая, во время раскола, из 380 человек за меньшевиками пошло только 30.

В Совете руководство на первых порах осталось в руках меньшевиков и эсеров, а в заводских цехах и в солдатской казарме, на площадях, где беспрерывно шли массовые митинги, явно преобладали большевики.

В Петроград Временному правительству, в Исполнительный комитет Петроградского Совета шли тревожные сводки: в Царицыне — анархия, Царицын готов «отложиться» от остальной России, в Царицыне — большевистская республика.

Корреспонденты буржуазных газет захлёбываясь сообщали о «понизовой вольнице»: «Городом владеет науськиваемая большевиками толпа солдат»[1].

О Царицыне с ненавистью писали враги, о нём с гордостью говорили рабочие по всей стране.

Осмелевшая после июльских дней контрреволюция принялась и за красный Царицын. 26 июля 1917 года по распоряжению Временного правительства и при содействии саратовских и царицынских меньшевиков и эсеров из Саратова прибыла карательная экспедиция под руководством полковника Корвин-Круковского в составе 500 юнкеров, 500 оренбургских

казаков при 14 пулемётах и 2 трёхдюймовых полевых орудиях. В городе было объявлено военное положение, всякие митинги запрещены. Большевистскую газету «Борьба» закрыли. Самые революционные полки царицынского гарнизона— 141 и 155-й—спешно выслали из города: первый — в Саратов, второй — на фронт. Выборы в городскую думу, где большевики из 102 мест получили 39, отменили и наметили другие на конец августа.

Вторичные выборы состоялись 27 августа, ещё во время пребывания отряда Корвин-Круковского в Царицыне. Они показали, что карательная экспедиция не испугала рабочих. Большевики получили 45 мест из 102, меньшевикам досталось 11 мест, эсерам — 15. Председателем городской думы был избран большевик Ерман.

Царицын по быстроте мобилизации масс обогнал не только свой губернский город Саратов, но и другие решающие центры Поволжья — Самару, Нижний-Новгород. Это объяснялось прежде всего тем, что противник, которого следовало изолировать— эсеры и меньшевики, — был в Царицыне значительно слабее, чем в других городах Поволжья.

Из всех городов Поволжья наиболее трудной и ожесточённой была борьба за власть в Нижнем-Новгороде.

В Сормове и в Нижнем-Новгороде вплоть до конца мая существовали объединённые с меньшевиками организации. Потребовалась специальная директива Центрального Комитета партии большевиков, чтобы сормовские большевики, как и большевики Нижнего-Новгорода, окончательно порвали с меньшевиками и создали свою самостоятельную организацию. В этой оппортунистической боязни во-время порвать с соглашателями была основная причина того, что в Нижнем-Новгороде процесс отвоевания масс от эсеро-меньшевиков происходил более замедленным темпом, чем в других центрах Поволжья.

Огромную роль в создании перелома сыграла сормовская забастовка. Она началась 20 июня и закончилась победой рабочих 8 июля. В дни сормовской забастовки рабочие под руководством большевиков начинают делать первые шаги по проведению рабочего контроля над производством. Сормовский большевистский комитет высказался 27 июня за конфискацию завода.

Сормовский завод в годы войны работал на оборону. Остановка его была крайне невыгодна капиталистам. В Сормово выехала правительственная комиссия. Настойчивость рабочих вынудила её дать на пленарном заседании сормовских организаций обещание полностью удовлетворить их требования. Только после этого забастовка была прекращена.

Уроки этой забастовки многому научили рабочих. Каждый

шаг забастовки всё более и более ослаблял соглашательские иллюзии, в плену которых находились многие рабочие Сормова.

В середине августа почти все предприятия Нижнего-Новгорода принимали на митингах, на массовых собраниях большевистские резолюции против Московского совещания. Большевистская газета «Интернационал» была заполнена этими решениями.

Нижегородский Совет находился в руках эсеро-меньшевиков. Но даже и в этом соглашательском Совете количество большевистских голосов значительно возрастает. На заседании Совета 10 сентября по вопросу о задачах Демократического совещания резолюция большевиков получает 62 голоса против 69.

Огромной силы достигает в это время и крестьянское движение в Нижегородской губернии.

Учащаются захваты имений, раздел помещичьей земли. За весь 1917 год в Нижегородской губернии было не менее 384 случаев аграрных крестьянских выступлений.

Казанская губерния накануне Октября также являлась районом очень мощного массового крестьянского движения. В сводках Главного управления милиции по Казанской губернии от 18 октября сообщалось:

> «Почти во всех уездах губернии происходит массовое расхищение частновладельческих лесов... насильственная распродажа живого и мёртвого инвентаря, увоз хлеба, сена, кормов и удаление администрации»[1].

Татарские рабочие и крестьяне, а также другие народы Поволжья (чуваши, мари), жившие на территории бывшей Казанской губернии, подымались на борьбу за своё национальное освобождение. Сложный национальный переплёт, ожесточённая борьба с националистической контрреволюцией, наличие значительных белогвардейских сил — всё это не могло не привести к особому обострению борьбы в Казани.

Но большевистская организация Казани с каждым днём всё больше усиливала своё влияние на массы. Накануне Октября и Казанский Совет был завоёван большевиками.

Так шли большевистские организации Поволжья к завоеванию власти. К сентябрю Самарский, Саратовский и Царицынский Советы были полностью завоёваны большевиками. Только в Нижнем-Новгороде Совет оставался ещё в руках эсеро-меньшевиков, но по признанию самих же соглашателей он уже совершенно не отражал настроения масс.

Центральный Комитет большевиков уделил большое внимание Поволжью в своих планах восстания. В Саратов был послан представитель Центрального Комитета. 8 октября он доложил общегородскому партийному собранию в Саратове о курсе большевиков на восстание. 11 октября состоялось совещание Саратов-

ского комитета большевиков с представителями уездных городов — Царицына, Вольска, Петровска и Ртищева. Совещание решило организовать объезды по губернии, для чего мобилизовать все силы. 15 октября в Саратове открылся областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором преобладали большевики. Доклад о политическом моменте на съезде сделал находившийся тогда в Саратове товарищ Ерман. Он просто и сжато передал делегатам съезда политические установки Центрального Комитета партии.

Съезд большинством 128 голосов против 12 принял резолюцию большевиков. Меньшевики и эсеры демонстративно покинули съезд.

> «Главная причина ухода, — мотивировали они, — отвержение большинством съезда резолюции, призывающей к воздержанию от уличных выступлений»[1].

Так из Центрального Комитета в Саратов, из Саратова по области, по уездным городам — вплоть до Царицына — идёт ясное, чёткое указание готовиться к вооружённой борьбе за власть.

6 октября открылся в Самаре губернский съезд большевиков. Был избран губернский комитет партии, а председателем его — Куйбышев.

22 октября, за несколько дней до Октябрьского восстания, состоялось объединённое заседание бюро губернского и общегородского комитетов с представителями районов. На этом собрании уже со всей остротой встают вопросы практической подготовки восстания.

Куйбышев требовал «приступить к реальным действиям».

Собрание приняло следующую резолюцию:

> «Решительно начать проводить такие действия, как закрытие «Волжского дня», задержка провокаторов, проведение принудительного займа, уничтожение хвостов и т. д. Противодействие этому со стороны буржуазии подымет энергию в массах, и тогда, имея за собой большинство, а также и большинство подобных действий по России в других городах, объявить диктатуру Советов»[2].

Напряжённая подготовка восстания велась и в Нижнем-Новгороде.

Вскоре после того как Центральный Комитет вынес своё историческое решение о вооружённом восстании, состоялось заседание Нижегородского губернского комитета РСДРП(б). На этом заседании было принято решение:

> «Быть готовыми, чтобы в нужное время сделать всё для успешного переворота»[3].

В сентябре и особенно в октябре большевистские организации Поволжья развивают напряжённую работу по вооружению рабочих.

Раньше других начала Самара. Ещё в первых числах мая здесь были созданы дружины рабочих-милиционеров для противодействия «пьяным погромам» — разгрому винных лавок и т. п.

29 сентября Совет рабочих депутатов по докладу Куйбышева принял основные положения устава рабочей Красной гвардии.

В сентябре начинают создаваться красногвардейские отряды и в Саратове. 2 сентября Исполнительный комитет Совета принял решение о создании рабочих дружин, а в октябре Саратовский Совет обратился в Московский Совет с просьбой помочь Красной гвардии оружием. В октябре в состав одной только красногвардейской дружины железнодорожников входило около 700 рабочих. 22 октября состоялась общегородская конференция Красной гвардии, на которой был принят устав.

15 октября состоялось совместное заседание представителей Красной гвардии Канавина, Сормова и Мызы. Обсуждался вопрос о снабжении Красной гвардии оружием: для Сормова требовалось 285 винтовок, для Канавина — 200 и для Мызы — 200. Через неделю при губернском комитете РСДРП(б) уже был создан губернский штаб Красной гвардии.

В Царицыне вооружение рабочих началось задолго до Октябрьской революции и приняло массовый характер в период корниловщины. Застрельщиками в этом вопросе были рабочие двух ведущих заводов — Орудийного и Французского.

> «В ночь под 31 августа, — сообщала буржуазная царицынская газета «Волго-донской край», — группа членов РСДРП(б) забрала несколько возов винтовок и патронов из одной роты 93-го полка для вооружения рабочих. В ту же ночь винтовки были розданы рабочим Французского завода и лесозаводов»[1].

Вокруг взятого рабочими оружия разгорелась борьба.

30 августа карательный отряд Корвин-Круковского был отозван из Царицына. Но, уходя из города, Корвин-Круковский издал свой последний «грозный» приказ: немедленно сдать оружие, захваченное рабочими. Никто, конечно, этого приказа не выполнил. Оружие сразу же понадобилось рабочим для борьбы с корниловщиной.

Быстро шло вооружение царицынских рабочих в сентябре и октябре. В это время в рядах Красной гвардии Царицына насчитывалось около 750 человек.

Директива Центрального Комитета о подготовке восстания практически претворялась в жизнь большевистскими организациями Поволжья.

На II съезд Советов Самара послала трёх делегатов-большевиков; Царицын — двух большевиков; Саратов — двух большевиков

и одного меньшевика; Нижний-Новгород — пять большевиков и несколько эсеров и меньшевиков. Подавляющее большинство делегатов Поволжья повезло на II съезд Советов директиву: «Вся власть Советам!»

5.

НА ДОНУ.

У многих деятелей контрреволюции, особенно военных, укреплялось убеждение, что победа революции в центральной России неизбежна; не лучше ли поэтому заранее выбрать плацдарм, где сосредоточить силы для продолжения борьбы. Таким местом мог стать юго-восток. Не прекращая борьбы в центре, Временное правительство заблаговременно стало превращать Донскую область и Северный Кавказ в оплот контрреволюции. Войсковой атаман Дона генерал Каледин, обвинённый в связи с Корниловым и оправданный правительственной комиссией, решительно принялся за очистку области от революционных элементов. Сюда на Дон перебрасывались под предлогом отсутствия фуража на фронте казачьи полки. Отсюда выводились запасные батальоны, находившиеся под большевистским влиянием. На Дон и Северный Кавказ бежали офицеры, изгнанные из воинских частей солдатами. Здесь в октябре 1917 года был создан Юго-восточный союз из кубанских, донских, терских и астраханских казачьих войск, из горцев Северного Кавказа и степных народов Донской области и Астраханской губернии; этот союз должен был стать одной из плотин для борьбы с пролетарской революцией.

Большевистские организации Донской области, и прежде всего ростовская организация, вели упорную борьбу против контрреволюции за завоевание масс.

Большевики опирались на рабочих и гарнизон Ростова. К августу в городе числилось около 300 большевиков. Комитет партии помещался вместе с эсеровской и меньшевистской организациями в павильоне городского сада. Рабочие и солдаты, приходившие сюда за литературой или за докладчиками, часто «ошибались дверью» и попадали к большевикам. Соглашатели скоро убедились, в каком опасном соседстве они оказались, и покинули павильон. Отныне всем помещением овладели большевики. Работа протекала дружно. В саду и на прилегающих улицах шёл почти непрерывный митинг. Толпы народа горячо

обсуждали речи большевиков. Распространялась «Правда». Местная большевистская газета «Наше знамя» выходила в количестве более 15 тысяч экземпляров. Основная работа велась в профсоюзах — среди металлистов и железнодорожников.

Значительный вред большевистской организации Ростова нанесла группа правых во главе с Сырцовым и группа троцкистов во главе с Васильченко. Обе эти антипартийные группки яростно выступали против ленинской линии. По существу они являлись замаскированными союзниками контрреволюционного войскового правительства. Они предлагали большевикам объединиться с меньшевиками на платформе поддержки войскового правительства, боролись против Апрельских тезисов Ленина, выступали против решений VI съезда большевистской партии, нацелившего партию на вооружённое восстание. Большевики Ростова решительно боролись против предательской политики правых и троцкистов. Правые и троцкисты были изгнаны из Ростово-Нахичеванского комитета, но свою антипартийную деятельность они не прекратили. Разоблачая соглашателей и их подпевал из лагеря право-троцкистских предателей, большевистская организация успешно формировала политическую армию перед Октябрём.

Центральный Комитет партии большевиков внимательно следил за работой большевиков Донской области. Свердлов требовал постоянных отчётов, помогал прямыми указаниями. В Ростов были посланы партийные работники. Московской области было поручено держать связь с Ростовом. Делегаты Донской области во время VI съезда большевиков были у Свердлова и Сталина, доложили о работе организации и получили ряд указаний. Большевики Ростова были предупреждены о курсе на вооружённое восстание.

Резкий сдвиг в работе большевиков наступил после корниловской авантюры. В городах начала создаваться Красная гвардия. 6 сентября в Ростове был образован центральный штаб Красной гвардии. Контрреволюционный характер выступления генералов заставил поколебаться казачьи полки. Каледину не удалось двинуть части на помощь Корнилову.

Рядовая масса казаков отказалась поддерживать своих генералов.

> «Как бы то ни было, — писал Ленин, — исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа (т. е. после восстания Корнилова. — *Ред.*), крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контр-революции»[1].

Революционный подъём захватил казаков. Агитация большевиков среди казаков носила конкретный, понятный массам характер. Между прочим большевики использовали избрание круп-

нейшего помещика, бывшего председателя Государственной думы Родзянко, по предложению Каледина, в казачье сословие с наделением землёй. «Новый казак сел на ваши земли, а вы бьётесь в тисках нужды», — говорили большевики казачьей бедноте, вырывая её из-под влияния богачей.

В Белой Калитве в 39-м казачьем полку работал Е. А. Щаденко. Он организовал братание казаков с рабочими и крестьянами. Шахтёры ближайших рудников — Васильевского, Богураевского и Свинорецкого с плакатами и знамёнами, с пением революционных песен пришли в полк. Казаки радостно встретили рабочих. Братание окончательно раскачало казаков. Вопреки запрещению Каледина посылать депутатов в Совет, казаки избрали своих представителей. Это помогло большевикам вести работу в полку.

Особенно трудной была работа в станицах и сёлах. Большевики добились организации при Ростовском Совете иногороднего отдела. С мандатом Совета было легче проникнуть в станицы. Широкое распространение получила большевистская агитация среди крестьян-иногородних, как их называли местные казаки. Газета «Наше знамя» имела в деревне своих постоянных подписчиков. В газете появлялись письма крестьян.

В ряде станиц были созданы большевистские ячейки. В станице Морозовской находились железнодорожное депо, небольшой чугунолитейный завод, три-четыре паровые мельницы. Местные большевики развернули работу в депо. Сюда приезжали крестьяне соседних сёл и станиц.

В своей агитации большевики умело пользовались конкретными вопросами, которые выдвигала сама жизнь: дирекция Юго-восточных дорог собиралась уволить сторожа, инвалида войны. Большевики собрали железнодорожников и провели резолюцию с двумя следующими пунктами: во-первых, не увольнять инвалида, во-вторых, отпечатать статью Ленина о рабочем контроле, как практическое руководство в борьбе железнодорожников против администрации. При Морозовском Совете крестьянских депутатов большевики создали группу батраков и беднейшего крестьянства. Эта группа организовала в помощь сельской бедноте дружину в 26 человек, среди которых было 9 женщин. Дружина добыла молотилку, ещё кое-какой инвентарь и принялась помогать бедноте обрабатывать землю. Это был реальный показ того, как большевики будут разрешать аграрный вопрос.

Особых успехов добились большевики в самом Ростове.

11 сентября на собрании фабрично-заводских комитетов резолюция большевиков о власти собрала 49 голосов, а меньшевиков — 58. За месяц до этого большевики едва получали 5—

6 голосов. Эти факты говорили о том, как далеко зашёл процесс изоляции соглашателей.

Стремясь закрепить свои успехи, большевики на следующем собрании фабрично-заводских комитетов, 26 сентября, внесли предложение переизбрать Совет и заводские комитеты. Рабочие одобрили предложение. На этом же собрании решено было создать Красную гвардию.

Началась подготовка к перевыборам Совета. Чтобы ослабить влияние большевиков, войсковой атаман Каледин приказал усилить отправку на фронт маршевых рот. Ростово-Нахичеванский комитет большевиков постановил задерживать маршевые роты. По полкам были посланы агитаторы. Они сумели выступить даже в казачьих полках. Солдаты живо поддержали большевиков. Соглашателей провожали свистом.

29 сентября солдаты 225-го запасного полка отказались выделить маршевые роты. В полк явились генерал Чернояров и помощник атамана Ботаевский, пытаясь убедить солдат, но те прогнали контрреволюционных генералов с митинга. Начальник гарнизона приказал отобрать винтовки у караульной роты в полку, однако солдаты во-время узнали о секретном распоряжении и поставили у оружия усиленный караул.

Весь ростовский гарнизон поддержал солдат 225-го полка. Большевики назначили на 1 октября демонстрацию протеста против войны.

Буржуазная пресса подняла вой.

«Если пойдёте на улицу демонстрацией, вас разгонят штыками... С Временным правительством и Калединым шутить нельзя»[1], — запугивали соглашатели.

Поздно ночью, накануне самой демонстрации, командование гарнизоном по телефону распорядилось вооружить верные правительству роты, так как предполагается демонстрация «большевистских банд». Дежурный по 225-му полку спал. Телефонограмму принял случайно оказавшийся в комнате солдат, сочувствовавший большевикам. Писарь поручил ему разнести приказание командирам, а солдат бросился в большевистский комитет, но никого там не застал. Тогда он предупредил ротные комитеты и солдат. Учебная команда и 12-я рота, намеченные для борьбы с демонстрацией, постановили выступить совместно с большевиками.

1 октября по городу развернулась грандиозная демонстрация. Вышел весь гарнизон. Непрерывной лентой тянулись с заводов рабочие. Несли плакаты с большевистскими лозунгами.

7 октября состоялись перевыборы Советов. Тщательно готовились к этому большевики. Был проведён ряд заводских митингов. Большевистские агитаторы посетили все полки гарнизона и заводы. На многих предприятиях ещё сидели согла-

шатели. Они пытались не пропускать большевиков на митинг, но стоило пробить соглашательский барьер, как выяснялось, что рабочие порвали со своими недавними руководителями. Так было в трамвайном депо. Хозяйничали там меньшевики. Заводской комитет встретил большевиков недружелюбно. Председатель сухо заявил, что митинг не состоится, так как нет представителей других партий. Большевики собирались было уйти, но их случайно задержали рабочие и провели в депо. Вдруг открылись двери и появились местные лидеры меньшевиков. Они очень удивились, застав в депо большевиков. Оказалось, что всё это было заранее подготовлено.

Начался митинг. Председателем был избран меньшевик. Однако, когда начались выступления, сразу стало ясно, какая пропасть лежит между руководителями и массами. Меньшевики обвиняли рабочих «в беспорядках и разрухе». Аудитория резко протестовала. Атмосфера собрания накалялась.

Простой рассказ большевиков о том, как кончить войну и дать хлеб народу, сразу же захватил рабочих. Слушали внимательно, не перебивая. К концу собрания меньшевики незаметно исчезли, а большевистским ораторам была устроена овация. Так было и на других заводах.

Перевыборы Совета дали большевикам перевес, но было ещё неясно, как поведут себя беспартийные делегаты. На первом же заседании нового Совета стоял вопрос о Всероссийском съезде Советов. По директиве из Петрограда эсеры и меньшевики лихорадочно добивались посылки на съезд своего делегата. Заседание, на котором решался вопрос о съезде, было крайне бурным. Временами казалось, что Совет разделится пополам, так как меньшевики как будто ещё имели некоторое влияние.

Кончились прения, началось голосование. Выяснилось, что большевики получили на два-три десятка голосов больше меньшевиков. На съезд Советов был послан большевик. Голосование оказалось решающим: с этого дня Совет Ростова стал большевистским.

На Дону были созданы опорные базы пролетарской революции.

6.

НА УРАЛЕ.

Большевики Урала имели давнюю и крепкую связь с Центральным Комитетом. Первые организации партии пролетариата возникли среди металлургов и горняков Урала задолго до революции 1917 года. Вдохновителем и организатором уральских большевиков был Я. М. Свердлов. Рабочие уральских заводов отлично знали своего «Андрея» и «Михалыча» — таковы были его партийные клички. Я. М. Свердлов начинал работу на Урале в 1906—1907 годах. Небольшого роста, с виду худой и хрупкий, Свердлов был неутомим в работе. Молодой большевистский организатор поспевал всюду. Якова Михайловича редко можно было застать дома. Он постоянно разъезжал по заводам, выступая на митингах и тайных собраниях рабочих. Смелый, решительный, не знающий сомнений и колебаний в деле выполнения решений партии, он в этом же духе воспитывал и уральских большевиков. Вернувшись после ссылки в марте 1917 года на Урал, он уехал в Петроград на Всероссийскую апрельскую конференцию и был избран в Центральный Комитет. Свердлов не порвал связи с местными большевистскими организациями. Он направлял на Урал работников, писал письма, присылал инструкции, давал советы и указания.

Уральским большевикам Центральный Комитет дал особые задачи: взять в свои руки инициативу восстания в случае разгрома большевиков в Петрограде и Москве, кроме того обеспечить доставку продовольствия из Сибири и Урала в центр страны. В частности уфимской партийной организации поручалось приготовить несколько хлебных маршрутов для отправки в Петроград и Москву на следующий день после победы пролетарской революции.

Директива Центрального Комитета застала уральских большевиков подготовленными. На VI съезд большевиков Урал послал 22 делегата. Решения съезда дали боевую зарядку местным партийным организациям.

На основе решений VI съезда областной комитет дал новые директивы, в том числе о полной ликвидации всяких объединительных тенденций.

5 августа 1917 года произошёл раскол в нижнелялинской организации. 11 августа закончилось оформление большевистской организации в Вятке. В августе же оформилась самостоятельная большевистская организация в Нижней Салде, а затем и в одном из старых меньшевистских гнёзд — в Нижней Туре. В Челябинске большевики тоже решительно порвали с меньшевиками. Наконец произошёл раскол и в Уфе, где сохра-

пилась единственная на Урале крупная объединённая организация.

Я. М. Свердлов.

Завоевание Советов было одной из центральных задач большевиков. Некоторые Советы на Урале были большевистскими с момента их возникновения. Так было в Невьянске, на Симском и других заводах. Перевыборы в июне 1917 года сильно укрепили большевистское влияние в Советах. В Верхнеуфалейском Совете большевики получили при перевыборах 95 из 103 мест. В Миньярский Совет прошли исключительно большевики. В Алапаевске на районном съезде Советов большевики получили 20 мест из 34. Даже в Троицке — мещанском степном городке Оренбургской губернии, окружённом казачьими станицами,—перевыборы Совета дали перевес большевикам.

В августе уже и в меньшевистской цитадели — Нижнем Тагиле — рабочие заговорили о необходимости переизбрать местный Совет.

— Засиделись депутаты! — говорили рабочие о членах Совета — меньшевиках. — Пора освежить состав.

В начале августа Нижнетагильский Совет был переизбран. В Исполнительный комитет, состоявший до сих пор исключительно из меньшевиков и эсеров, вошли теперь пять большевиков и один беспартийный. Начальником милиции был избран большевик.

Огромную работу вели большевики среди солдат гарнизона. 1 августа 1917 года истекал срок льготам по призыву в армию бывших политических каторжан. Большевистские комитеты предложили всем членам партии, имевшим отсрочку, явиться к воинскому начальнику. Последний убеждал большевиков отказаться от своих намерений, разъясняя, что им как членам Совета могут продлить отсрочку. Но большевики шли в армию, создавали военные организации, развёртывали работу в полках.

Росло большевистское влияние и в деревне. Агитация среди крестьян велась прежде всего вблизи заводских районов. Крестьяне, приезжавшие в город, встречались здесь с большевист-

скими агитаторами, которые старались разъяснить им программу своей партии, разоблачая в то же время демагогию эсеров и буржуазных националистов.

Ярким свидетельством успехов уральских большевиков явился II областной съезд Советов Урала в августе 1917 года. На нём было представлено более полумиллиона организованных рабочих и солдат. Из 140 делегатов съезда было 77 большевиков. Меньшевики получили на съезде только 23 места. Часть «левых» эсеров голосовала вместе с большевиками.

Съезд, продолжавшийся с 17 по 21 августа, принял большевистские резолюции по всем вопросам. В состав Уральского областного исполнительного комитета съезд избрал 7 большевиков из 11 членов, в то время как в первом составе были только 1 большевик, 3 эсера и 2 меньшевика.

II областной съезд Советов Урала принял решение провести 1 сентября политическую забастовку в знак протеста против наступления контрреволюции.

«Пролетарии Урала!

Наша забастовка — это грозное предупреждение контрреволюции!..

Наша забастовка — это первый выстрел генерального боя пролетариата с капиталом!»[1] — заявлял в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам Урала съезд Советов.

Обращение съезда Советов вышло специальным приложением к областной большевистской газете «Уральская правда». Его отпечатали в количестве 25 тысяч экземпляров и разослали по фабрикам, заводам, деревням и куреням (хуторам). Делегаты областного съезда, засовывая в карманы свежие номера большевистской газеты, спешили по домам. Они разъезжались на заводы и в казармы и выступали там с докладами о съезде.

Только на тех немногочисленных заводах, где ещё верховодили меньшевики и эсеры, были попытки провалить забастовку. Соглашательский Златоустовский Совет большинством голосов отклонил резолюцию областного съезда и признал ненужной политическую забастовку. Против забастовки выступили меньшевики и эсеры губернского центра — Перми. Они составляли большинство в Пермском городском и в окружном Совете, так называемом «Уралсовете».

Но уральские рабочие дали отпор политическим штрейкбрехерам. Крупнейший в Пермском округе Мотовилихинский Совет голосами большевиков и «левых» эсеров постановил: «Уралсовету не подчиняться и забастовку провести». Делегатское собрание Пермского союза металлистов решило бастовать.

Там, где Советы колебались, рабочие сами добивались выполнения резолюций областного съезда.

Стачка 1 сентября совпала с выступлением Корнилова. Сообщение о генеральском ультиматуме было получено в Екатеринбурге 28 августа. На другой же день по инициативе большевиков было созвано совещание представителей областных, окружных и городских советских и профсоюзных организаций, комитетов партии большевиков, эсеров и меньшевиков. Была принята декларация, требовавшая перехода власти к Советам и беспощадной борьбы с корниловщиной. За исключением пунктов по аграрному вопросу все разделы декларации были приняты в большевистских формулировках. Тут же был создан специальный орган по борьбе с контрреволюцией — «Исполнительный комитет уральской революционной демократии». Большевики при этом особо оговорили, что они будут сражаться с Корниловым, не прекращая борьбы и против Временного правительства.

Однако комитет не оправдал своего назначения. Центр тяжести своей работы большевики перенесли на заводы и в Советы. По предложению большевиков Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета послал особых комиссаров на железную дорогу, на телеграф и почту. Были назначены комиссары к начальнику гарнизона и к комиссару Временного правительства с тем, чтобы ни одно распоряжение, ни одна бумага не могли пройти мимо Совета. Все телефонные разговоры подлежали контролю.

В связи с корниловским выступлением забастовка 1 сентября приобретала особо важное политическое значение. Она должна была показать, что рабочий Урал готов дать отпор всякому контрреволюционному выступлению.

Оперативное руководство взял на себя областной исполнительный комитет, возглавляемый большевиками. Прежние лозунги забастовки были дополнены ещё одним: «Активная борьба с вооружённой контрреволюцией» [1].

Утром 1 сентября работы на десятках заводов Урала были приостановлены. Рабочие группами выходили на улицы.

На Усть-катавском заводе работы прекратились в 7 часов утра. На митинге присутствовало около двух тысяч рабочих. Большевистская резолюция была принята единогласно.

Организованно прошла забастовка и в центре рабочего Урала — в городе Екатеринбурге. Корреспондент «Уральского рабочего» так описывал события дня:

«Город как бы замер. Все фабрики, заводы, мастерские стали. Магазины были закрыты. Не работали во многих правительственных и общественных учреждениях (городская управа, Государственный банк, казначейство). На улицах было всё спокойно» [2].

Порядок в городе охранялся отрядами красногвардейцев.

Активное участие принимали в демонстрации солдаты

и крестьяне. В Белебее главными участниками демонстрации 1 сентября были солдаты местного гарнизона. Стройными колоннами, со знамёнами, с песнями прошли они через весь город. В Алапаевском районе на грандиозном митинге присутствовали крестьяне окрестных деревень.

По самым скромным подсчётам, в забастовке участвовало свыше 100 тысяч пролетариев Урала.

Дни отпора корниловщине и сентябрьская стачка послужили боевым смотром сил для большевистских организаций. На улицы заводских посёлков выходили тысячи вооружённых рабочих. На заводах создавались новые отряды Красной гвардии. В начале сентября состоялся митинг на одном из крупнейших предприятий Урала — на Лысьвенском заводе. Две тысячи рабочих заявили:

> «...мы готовы защищать завоёванную нами свободу до последней капли крови; мы требуем для того поголовного вооружения рабочих...»[1]

Слово лысьвенских пролетариев было голосом всех рабочих Урала. «Мы требуем немедленной организации Красной гвардии!» — этими словами заканчивалось большинство рабочих резолюций.

Уральские рабочие имели богатый опыт организации боевых дружин, начиная ещё с 1905 года. После Февральской буржуазно-демократической революции на многих предприятиях возникли рабочие дружины. В состав первых дружин вошли большевики-подпольщики и беспартийные рабочие, главным образом из числа участников революции 1905 года.

Оружие удавалось иногда добывать и в организованном порядке. Так, в первые дни революции рабочие разоружали полицию, жандармерию, лесную стражу. Случалось, что конфисковывали оружие у администрации заводов. Иногда удавалось получить не только винтовки, но и пулемёты и даже трёхдюймовые орудия. Каждый доставал себе, что мог. Запасались не только огнестрельным оружием, но и холодным: часто в ночных сменах рабочие потихоньку ковали себе кинжалы и клинки.

В июле была создана Красная гвардия в Челябинске. Вооружённые отряды рабочих появились на всех крупных предприятиях города, в первую очередь на железной дороге и на заводе Столль[2].

Красногвардейские отряды охраняли фабрики, заводы, железнодорожные станции, общественные здания и наблюдали за общественным порядком. В районах, где было много эсеро-меньшевиков, красногвардейцы охраняли большевистских агитаторов.

Красная гвардия состояла из проверенных, испытанных, преданных революции пролетариев, в основном — членов больше-

вистской партии. Приём новых красногвардейцев производился с большой осторожностью. Каждого будущего красногвардейца сами рабочие тщательно проверяли.

Красногвардейский отряд насчитывал обычно несколько десятков человек, т. е. сравнительно небольшой процент рабочих данного завода. Но в создании этих отрядов принимало участие большинство рабочих. На Мотовилихинском заводе близ Перми, например, рабочие цеха выбирали из каждых 25 человек одного, самого надёжного и испытанного. Считая, что красногвардеец не в состоянии нести одновременно две службы — на заводе и в отряде, товарищи освобождали его от работы. Выбравшие его 25 человек делали отчисления от своего заработка и платили выбранному товарищу столько, сколько он в среднем зарабатывал в цехе.

После корниловской авантюры и дружной забастовки 1 сентября большевики добились новых успехов в борьбе против соглашателей. 20 сентября исполнительный комитет усть-катавской организации эсеров объявил своим членам о роспуске организации. Потеряв влияние на рабочих, эсеры покончили «самоубийством». Вместо некролога в газете «Вперёд» появилась заметка за подписью «Местный эсер». Познакомив с историей эсеровской организации, автор закончил свою статью выводом, подходящим для надгробной надписи:

«Вот результат эсеровской беспринципной тактики»[1].

Растаяла под ударами большевиков и златоустовская эсеровская организация, где летом 1917 года числилось около 3 тысяч членов. От крупной в прошлом организации осталась жалкая горсть. В сентябре на общие собрания эсеров приходило всего 150—200 человек.

Как глубоко проникала агитация большевиков в массы, можно судить по Белорецкому заводу. Это был самый крупный и самый отсталый в политическом отношении завод на Южном Урале. Тринадцать тысяч рабочих жили в глуши, в кольце высоких гор, далеко от железных дорог, вдали от крупных центров. Но сам завод был центром Белорецко-комаровского округа, и в район его влияния входили ещё 11 заводов. Каждый рабочий имел здесь свою маленькую усадьбу, свой домик, своё хозяйство. О политических партиях и о классовой борьбе рабочие завода имели самое отдалённое представление. Культурный их уровень был чрезвычайно низок. Газет рабочие почти не выписывали. В августе 1917 года во многих домах ещё висел портрет царя. На этой гнилой почве политического безразличия и обывательского застоя пышным цветом распустился эсеровский чертополох.

Эсеры крепко держали в своих руках Совет. Последний не имел ничего общего с революцией. После июльских дней он

вынес решение о полном доверии Временному правительству, о беспощадной расправе с большевиками вообще и об аресте всех местных большевиков. 9 и 10 июля был сход. На нём эсеры провели все эти предложения.

В такой тяжёлой обстановке приходилось работать на Белорецком заводе старому большевику П. В. Точисскому, который начал революционную работу еще в 80-х годах прошлого столетия, был активным участником революции 1905 года в Москве. Точисский приехал на Белорецкий завод в 1916 году из ссылки и создал ядро большевистской организации. Но под нажимом эсеров, под угрозами администрации завода группа распалась. Товарищ Точисский, смелый, твёрдый, убеждённый большевик, несмотря на все преследования и угрозы, продолжал свою работу. Ему не давали говорить на митингах, на собраниях сбрасывали с трибуны, грозили убить, но он продолжал разъяснять рабочим большевистские лозунги. Упорно, шаг за шагом завоёвывали большевики новые позиции. Завладели союзом металлистов. Создали совет рабочего контроля. К началу октября в Белорецке был 51 большевик. Эсеры ещё насчитывали в своей организации около 2 тысяч членов, но у них уже начинался распад. Всё чаще и чаще рабочие-эсеры выступали против своего комитета. Большевики повели рабочих за собой.

На Верхисетском заводе в Екатеринбурге руководство эсеровской организации, чтобы сохранить влияние среди рабочих, переименовало себя в максималистов. Но рабочие-эсеры поняли это по-своему:

> «...довольно нам головы морочить, — говорили они, — 7 месяцев нас дурманили, дело дошло до того, что стыдно рабочим глаза показать. Максималистами теперь стали...»[1]

Единственным уездным центром Пермской губернии кроме Екатеринбурга, в котором имелась крепкая большевистская организация, был город Шадринск. Колыбелью местной большевистской организации был 139-й запасный пехотный полк. В этом полку работал прапорщик-большевик А. А. Жданов. Под влиянием его агитации в середине 1917 года в полку возникла небольшая группа солдат-большевиков.

30 августа состоялось первое организационное собрание полковых большевиков. Так возник большевистский комитет шадринской организации, председателем которого был избран Жданов.

С этого момента группа большевиков 139-го полка начинает регулярно работать среди рабочих и солдат. Товарищ Жданов часто навещал текстильщиков фабрики братьев Бутаковых. Вскоре организация пополнилась рабочими-ткачами и местными железнодорожниками. Нити большевистского влияния постепенно проникли в деревню. В целом ряде волостей Шадринского

А. А. Жданов.

уезда появляются большевистские комитеты.

Пропагандистских и агитаторских сил почти не было. В Шадринске существовала довольно сильная эсеровская организация. Но под руководством товарища Жданова шадринские большевики сумели быстро ликвидировать влияние местных эсеров на массы. Скоро эсеры потеряли всякое значение не только в рабочей и солдатской секциях Совета, но и в крестьянской.

В октябре большевистская организация Шадринска насчитывала в своих рядах свыше сотни членов.

Немалую помощь большевистской партии оказала молодёжь. Ещё в апреле 1917 года возникла «юношеская организация при Екатеринбургском комитете РСДРП(б)». Первоначально в организацию входила главным образом учащаяся молодёжь. Но большевики скоро выправили этот недостаток. В августе в Екатеринбурге было созвано общегородское собрание рабочей молодёжи. Оно постановило создать «социалистический союз рабочей молодёжи имени III Интернационала». 31 августа состоялось организационное собрание членов союза. Был принят устав, избран комитет. В сентябре стали создаваться ячейки на предприятиях.

27 июля 1917 года состоялось первое общее собрание миньярского общества социалистической молодёжи. 10 августа образовался союз молодежи в Челябинске; в середине августа возникла пермская организация. Союз воспитывал рабочую молодёжь в большевистском духе. Молодёжь продавала большевистские газеты, распространяла листовки, выполняла роль связных. Это была подчас скромная, незаметная, но весьма важная работа. Газет в распоряжении большевистских комитетов не было, телефонная связь не существовала, а жизнь шла бурно. Иногда приходилось созывать по два собрания в день. Молодёжь мчалась с одного завода на другой, разносила повестки. Союз создавал группы агитаторов на заводах и по деревням, проводил литературные читки, собирал деньги для партии. К октябрю в Екатеринбурге число членов союза выросло до 500, на Миньяр-

ском заводе было 118 человек, на Невьянском — 350, на Верхнетуринском — 120 и т. п. В лице «социалистического союза рабочей молодёжи» большевики приобрели организованного и активного помощника.

В начале октября состоялись Вятская губернская, Уфимская губернская, Пермская окружная конференции большевиков, а с 10 октября в Екатеринбурге открылась губернская конференция большевиков. Партийные конференции показали, что уральская организация, насчитывавшая в своих рядах более 30 тысяч большевиков, готова к выполнению директивы Центрального Комитета.

Окружные съезды Советов прошли под лозунгом: «Смотр перед боем!»

Делегаты Урала, избранные на II Всероссийский съезд Советов, уезжали с сознанием того, что им придётся принять участие в вооружённом восстании на улицах столицы.

7.

В СИБИРИ.

Контрреволюция накапливала в Сибири свои силы. Через Сибирь международный империализм мог свободно проникнуть на помощь российской буржуазии и помещикам. Из Сибири шёл хлеб в центр страны. Поэтому Центральный Комитет большевиков в своих расчётах уделял Сибири большое внимание.

Работать в Сибири было нелегко. Лучшие силы большевиков, загнанные сюда царизмом, были отозваны после революции в Петроград и другие центры. Приходилось опираться на местные силы, укреплять их, сплачивать вокруг линии Центрального Комитета партии большевиков.

20 марта 1917 года, возвращаясь из енисейской ссылки в Европейскую Россию, Я. М. Свердлов в Красноярске предложил объединить все большевистские силы в районе, а затем и во всей Сибири. Было решено создать руководящий большевистский центр — районное бюро РСДРП(б).

В начале апреля состоялось совещание большевистских групп Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска. Оно дало задание Красноярскому районному бюро установить связь с большевиками Сибири и послало приветствие Центральному Комитету

партии. Ответ Центрального Комитета за подписью Е. Д. Стасовой был получен 13 апреля:

«Приветствуем ваше начинание, организацию бюро утверждаем...»

В мае красноярские большевики вышли из объединённой социал-демократической организации. В июле вышли и социал-демократы-интернационалисты, присоединившись к большевикам.

Среди красноярского пролетариата большевики пользовались исключительным влиянием. В городе издавался единственный большевистский орган всего края — «Сибирская правда». Под большевистским влиянием находился «Красноярский рабочий»—орган Совета. В Совете было 180 большевиков, 2—3 меньшевика и около 40 эсеров.

В августе в Красноярске открылась Среднесибирская областная партийная конференция, представлявшая около 5 тысяч большевиков. VI съезду партии было послано приветствие.

Для руководства всей партийной работой в Сибири было создано Среднесибирское областное бюро. Центральный Комитет предложил бюро в срочном порядке выполнить следующую директиву: большевики должны выйти из объединённых социал-демократических организаций Томска, Барнаула, Новониколаевска и Омска.

По окончании Среднесибирской областной партийной конференции красноярские большевики рассыпались по Сибири. Читали лекции, делали доклады на рабочих и партийных собраниях, создавали новые партийные организации.

В рабочие районы Западной Сибири уехал один из активных работников красноярской организации большевик Я. Е. Боград.

Одним из первых городов Западной Сибири, в котором произошёл раскол объединённой организации, был Томск. 1 сентября, как только стали известны подробности корниловского выступления, в Томске состоялось общее собрание социал-демократической организации. Постановили, что власть должна немедленно перейти в руки Советов.

На следующий день объединённое заседание Советов рабочих и солдатских депутатов и центрального бюро профсоюзов потребовало перехода власти в руки революционной демократии в лице Советов.

В многочисленном томском гарнизоне проходили солдатские митинги, на которых выступали большевики и сочувствующие им. И почти везде солдаты выносили постановления с требованием «передачи всей власти центральному съезду депутатов солдат, рабочих и крестьян».

6 сентября на собрании социал-демократической организации был сделан доклад об областной конференции, происходившей в Красноярске. После бурных прений большинством 58 голосов против 9 и при 9 воздержавшихся было постановлено, что

«собрание присоединяется к решению конференции (Средне-сибирской. — *Ред.*) вступить в состав РСДРП (большевиков) и заявляет, что решения партийных съездов и руководящих учреждений являются обязательными для членов организации, оставшихся в ней после принятия данной резолюции» [1].

9 сентября в Томске состоялась губернская конференция большевиков.

Делегаты Судженских и Анжерских копей, Кемерова, станции Тайга рассказывали, что в рабочих массах усилилось влияние большевиков. Рабочие целиком принимают лозунг «Вся власть Советам!»

Центральному Комитету большевиков и центральному органу конференцией была послана телеграмма:

«Томская губернская конференция от имени двух с половиной тысяч организованных в партию рабочих постановила признать своим партийным центром Центральный Комитет, а директивы его — обязательными. Верим в скорый возврат победителю-пролетариату его честных и верных вождей — товарища Ленина и др.» [2]

Через несколько дней после губернской конференции произошёл раскол в новониколаевской партийной организации. Большинством 85 человек против 22 собрание постановило присоединиться к платформе большевиков.

Разрыв с объединенцами поднял авторитет большевиков Томской губернии. Это ярко показал открывшийся в середине сентября в Томске губернский съезд Советов крестьянских депутатов. На съезде присутствовало около 200 человек; руководителями были правые эсеры. Но в процессе работы съезда руководство перешло к эсерам-интернационалистам и большевикам.

Докладчиком по текущему моменту выступил эсер-интернационалист Лисиенко, а после него Н. Н. Яковлев — большевик, один из выдающихся борцов за диктатуру пролетариата в Сибири.

Н. Н. Яковлев вступил в партию большевиков в 1905 году, будучи студентом Московского университета. Работа на воле чередовалась у него периодически с арестами, тюрьмой, ссылкой в заполярные края и эмиграцией. Из ссылки он несколько раз бежал. Попав за границу, он провёл целый год на одном из меднолитейных заводов, где обучался литейному делу.

В 1916 году Н. Н. Яковлев мобилизуется в армию. Революция выдвинула его в президиум Томского Совета солдатских

Н. Н. Яковлев.

депутатов. В 1918 году Яковлев был расстрелян колчаковцами.

Выступление Яковлева на съезде Советов крестьянских депутатов в Томске имело большой успех. Яковлев закончил выступление под продолжительные и бурные аплодисменты.

Резолюции большевиков и эсеров-интернационалистов расходились в одном пункте — по земельному вопросу. Принята была резолюция эсеров, но и большевистская получила 60 голосов.

Новую победу одержали томские большевики на объединённом заседании Совета рабочих и солдатских депутатов. Докладчиком по текущему моменту опять был Яковлев. Было решено объединить Советы рабочих и солдатских депутатов.

> В принятой резолюции Совет настаивал «на немедленном созыве съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для перевыборов Центрального исполнительного комитета и выработки революционной тактики...»[1]

7 октября был создан президиум объединённого Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем его стал Н. Н. Яковлев. На этом же заседании были избраны делегатами на II Всероссийский съезд Советов два большевика.

Выборы в Томскую городскую думу, происходившие 1 октября, показали, как возросло большевистское влияние. Большевики оказались самой сильной фракцией городской думы, насчитывавшей 34 человека, в то время как эсеры получили 24 места, а меньшевики — всего лишь 6.

В Омске упорнее и дольше, чем где-либо в Сибири, держались объединенцы. Основную работу омские большевики вели среди железнодорожников, металлистов и солдат гарнизона. Среди агитаторов выделялся девятнадцатилетний Лобков.

Свою короткую и горячую жизнь З. Лобков кончил в мае 1919 года. Арестованный в Челябинске как член подпольной большевистской организации, он был замучен колчаковской контрразведкой.

Лобков имел громадное влияние на рабочие и солдатские массы. Его влияние чувствовалось и в работе Омского Совета.

16 сентября Омский Совет вынес постановление, в котором настаивал на немедленном созыве II Всероссийского съезда Советов. Одновременно была создана рабочая Красная гвардия.

Вопрос о вооружении омских рабочих большевики подняли ещё в мае на общем собрании социал-демократической организации. Тогда меньшевики выступили против, называя предложение «отголоском ленинско-бланкистского течения»[1]. Но, несмотря на противодействие, большевики начали создавать вооружённые дружины.

В Омске стали формироваться отряды из рабочих и крестьян. Солдаты-фронтовики обучали их военному делу. Одним из организаторов таких отрядов был Лобков.

12 октября проходило общее собрание омской объединённой социал-демократической организации. Собралось 366 человек. Председательствовал меньшевик-интернационалист. Стоял вопрос о выборах в Учредительное собрание. Но он был полностью связан с тем, какому партийному центру — большевистскому или меньшевистскому — подчиняется омская организация.

Большевики предложили признать своим руководящим центром Центральный Комитет большевиков. За это предложение голосовало 256 человек. Произошёл раскол.

Председатель собрания, сняв с себя полномочия, покинул собрание и увёл с собой меньшевиков-интернационалистов. Председателем нового, уже чисто большевистского собрания был выбран Лобков. Постановили выступить на выборах в Учредительное собрание с самостоятельным списком.

Почти в это же время вышли из объединённой организации большевики Иркутска — центра Восточной Сибири. Находясь в объединённой организации, они не могли охватить своим влиянием многочисленный гарнизон. Советы рабочих и солдатских депутатов существовали раздельно. Лишённые пролетарского влияния, солдаты были предоставлены самим себе.

Центральный Комитет большевиков послал своего представителя со специальным заданием помочь большевикам Иркутска создать самостоятельную организацию и объединить рабочий и солдатский Советы.

В Иркутске, как и в Омске, раскол социал-демократической организации начался с момента обсуждения кандидатур в Учредительное собрание. По настоянию Н. А. Гаврилова большевики решили выставить свой самостоятельный список.

Николай Андреевич Гаврилов вышел из крестьянской среды и по профессии был сельским учителем. В 1906 году его впервые арестовали с тюком революционной литературы. Сначала тюрьма,

потом каторга, потом бессрочная ссылка в Иркутскую губернию — таков жизненный путь Гаврилова.

После революции он вошёл в состав иркутской объединённой организации Российской социал-демократической рабочей партии. Гаврилов погиб в 1919 году, растерзанный контрреволюционерами.

4 октября на заседании губернского комитета социал-демократической организации товарищ Гаврилов требовал увеличения числа большевистских кандидатур в списке Учредительного собрания, так как большевики пользовались в городе наибольшим влиянием.

Губернский комитет отказался это сделать. Выступления Гаврилова и других большевиков были охарактеризованы им как «дезорганизаторские» и самочинные.

Этот конфликт послужил поводом для раскола социал-демократической организации в Иркутске. Большевики покинули объединённую организацию.

К моменту раскола в Иркутск из Красноярска приехала группа большевиков.

19 октября вышел в свет первый номер большевистского журнала «Рабочая Сибирь».

Вместе с приехавшими красноярцами городской комитет большевиков разрабатывал план создания военной организации и перевыборов Советов.

В эти же дни состоялось общее собрание большевиков. Явилось около тысячи рабочих и солдат. Помещение железнодорожной школы было переполнено. С докладами о текущем моменте выступали члены Иркутского комитета партии и делегаты на съезд Советов. Собрание определило задачи и тактику большевиков в борьбе за завоевание масс Иркутска и ближайших районов.

15 октября по инициативе иркутских большевиков на Тихвинской площади собралась трёхтысячная толпа солдат.

На митинге выступали делегаты Общесибирского съезда — большевики. Их поддержала максималистка Ада Лебедева. Странно было слышать из уст этой маленькой женщины с задорным лицом и мальчишескими ухватками речь, полную энергии и силы. Страстно и просто она разъясняла слушателям лозунги, выдвинутые Лениным.

Местная уроженка, дочь ссыльного поляка и коренной сибирячки, она с детства впитала в себя ненависть к царизму. Сначала она находилась в рядах эсеров, но потом примкнула к большевикам. В мае 1917 года она создала в Красноярске отдельную независимую от правых эсеров «лево»-эсеровскую группу, во главе которой, рядом с ней, стали Н. Мазурин и Сергей Лазо, вскоре перешедший к большевикам.

Ада Лебедева выступала на съезде эсеров в Петрограде, поразив своей смелой речью, направленной против правых эсеров, старую народницу Брешко-Брешковскую.

Ада Лебедева погибла в 1918 году, захваченная белоказаками и зарубленная ими под Красноярском.

На митинге выступили также и представители иркутской «военки»—военной организации большевиков.

Под аплодисменты была принята резолюция большевиков. Солдаты иркутского гарнизона требовали перехода всей власти к Советам и обещали свою вооружённую помощь.

Предложение меньшевиков и эсеров о поддержке Временного правительства потерпело полный провал.

После этого митинга по городу прокатилась волна многолюдных рабочих и солдатских митингов, на которых выступали популярные в массах большевики.

На всех собраниях принимались резолюции о передаче власти Советам, о недоверии правительству Керенского.

Соглашательские местные газеты открыли кампанию против «красноярских гастролёров», но и газетная травля оказалась бессильной—массы рабочих и солдат продолжали быстро леветь.

10 октября в Иркутске открылся съезд Советов Восточной Сибири, на котором всё ещё пока преобладали эсеро-меньшевики. Из 115 делегатов было только 32 большевика и 15 «левых» эсеров.

Большевистские организации Красноярска, Канска и других городов Восточной Сибири решили принять участие в съезде для того, чтобы использовать его перед Общесибирским съездом Советов как организационный центр и как трибуну для разоблачения соглашателей.

Крайняя напряжённость чувствовалась уже с первой минуты работы съезда. Столкновение было неизбежно. Оно произошло при обсуждении деятельности окружного бюро Советов.

Большевики заявили, что окружное бюро не было органом революционной власти, а шло на поводу у Временного правительства. Они предложили резолюцию, требовавшую строгого осуждения враждебной политической линии. Соглашательское же большинство съезда, наоборот, выразило бюро своё доверие.

Обсуждение текущего момента вызвало ещё более бурные прения. Валентин Яковлев — делегат Красноярского Совета— выступил от большевистской фракции с большой речью. Он легко разбил правого эсера Тимофеева, заявлявшего, что власть не может перейти к Советам, у которых нехватает для этого грамотных людей.

Он обвинил правых эсеров в союзе с буржуазией и, указывая, к чему ведёт этот союз, резко бросил:

— За Корниловым скрывается Савинков.

Речь его закончилась обвинением:

Выступление Ады Лебедевой на солдатском митинге в 1917 году.

Рисунок А. Е. Куликова.

— Вы предаёте революцию!

Резолюция по текущему моменту принималась уже без участия большевиков и «левых» эсеров. Они ушли со съезда после оскорбительных выпадов правых эсеров по отношению к большевикам.

Через несколько дней после Восточносибирского съезда Советов должен был начать свои работы I съезд Советов Сибири.

На совещании делегатов-большевиков, созванном до открытия съезда, были заслушаны предварительные доклады. Утвердили тезисы и резолюции по всем вопросам, стоящим на повестке дня съезда. Делегаты решили организовать Центральный исполнительный комитет Советов Сибири и наметили кандидатов в него.

I Общесибирский съезд Советов открылся 16 октября в 7 часов вечера в зале военно-топографического отдела. Делегаты стали съезжаться в Иркутск уже с 12—13 октября. Прибыли представители 69 Советов Сибири: из Владивостока, Тюмени, Харбина, Якутской области, Хабаровска, Тайги. Всего собралось 184 делегата, из них 65 большевиков. «Левых» эсеров было 35. Таким образом, на советской платформе стояло 100 делегатов.

Ещё задолго до съезда меньшевики и эсеры знали о том, что большинство Советов Сибири высказалось за взятие власти Советами и что победа на съезде может остаться за партией большевиков.

Соглашатели зашевелились, ища подкрепления. Из Иркутска полетели в Киренск, Бодайбо и Якутск просьбы дать мандаты на съезд «своим людям».

Эсеры поставили своей задачей сорвать работу съезда. Первым предлогом для этого явилась нежелательная для них кандидатура большевика в председатели съезда.

Поднялся жестокий спор. Наконец вопрос был поставлен на голосование. Большинством 86 против 32 при 9 воздержавшихся большевик всё же был избран председателем I съезда Советов Сибири.

Началось обсуждение первого вопроса, стоявшего на повестке дня, — о текущем моменте, о тактике Советов и обороне революции и страны.

Правые эсеры объявили, что все вопросы они откладывают до Учредительного собрания, а меньшевики начали обычную канитель об объединении революционной демократии. Большевики и «левые» эсеры настаивали на переходе всей власти к Советам.

Яркую речь произнёс Сергей Лазо, один из славных героев борьбы за диктатуру пролетариата на Дальнем Востоке. Во время гражданской войны Сергей Георгиевич Лазо, вождь таёжных партизан, показал чудеса храбрости, находчивости и беззаветной преданности революции. Он погиб страшной смертью. В апреле 1920 года Лазо был схвачен японцами и сожжён живым в паровозной топке.

Горячо и убедительно говорил на съезде Лазо:

— Только при всей власти Советов мы сможем направить неорганизованные массы в одно русло. Мы вовсе не противопоставляем власть Советов Учредительному собранию, но мы не уверены, можно ли будет без передачи власти Советам дойти до него[1].

Два дня прений, и съезд перешёл к резолюции, которая должна определить политическую и тактическую линию сибирских Советов. Проект её был внесён большевиками, которых поддержали «левые» эсеры.

> «Всякое соглашательство с буржуазией, — говорилось в резолюции,— должно быть решительно отвергнуто, а Всероссийскому съезду Советов взять власть в свои руки. В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку»[2].

Большинством 93 голосов против 68 резолюция принимается за основу.

Правые эсеры снова делают попытку сорвать съезд. Они протестуют против одной из частей резолюции. По их мнению, нельзя называть съезд Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; необходимо вычеркнуть определение «крестьянских», так как Совет крестьянских депутатов, руководимый Авксентьевым, отказался принять участие в работе Всероссийского съезда Советов.

Но предложение проваливается, и резолюция принимается без поправок. На местах сильный шум. Поднимаются представители так называемых «крестьян», в большинстве которых легко можно было узнать местных жителей.

— Мы покидаем зал, — заявляют «крестьяне», — не желая нарушать постановления Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов.

А правые эсеры уже поднимают вопрос — может ли данный съезд называться также съездом крестьянских депутатов.

Мандатная комиссия устанавливает, что съезд имеет все права называться съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — ведь здесь представлены как Советы крестьянских депутатов, так и объединённые Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эсеры не успокаиваются. Они делают демагогическое заявление, что представительство на съезде подтасовано, что рабочие имеют слишком много мест, в то время как крестьянство представлено большей частью солдатами местных гарнизонов. Но заявление съездом не принимается. Эсеры шумно поднимаются, бросают на стол президиума свои делегатские билеты и покидают зал. Заседание продолжается без них.

Делегаты предлагают ускорить работу, чтобы быстрее вернуться на места и продолжать борьбу за власть Советов.

23 октября был выбран I Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь).

На II Всероссийский съезд Советов Сибирь послала 14 делегатов, в том числе 6 большевиков, 1 «левого» эсера и 1 социал-демократа-интернационалиста.

Представители всех семи городов Сибири, кроме Омска, высказались за власть Советов. Только Омский Совет стоял «за переход власти к демократии».

В Сибири период организации штурма запоздал по сравнению с другими областями. Тут было сильно влияние соглашателей. Большевики не сразу порвали с объединенцами.

Но и здесь большевики, руководимые Центральным Комитетом, преодолели ошибки в своих рядах, разгромили соглашателей и к Октябрю создали могучую резервную колонну Великой пролетарской революции.

8.

ТРУДНОСТИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ И НА ОКРАИНАХ СТРАНЫ.

«Революция, начатая в центре, — писал Сталин, — не могла долго оставаться в рамках узкой территории центра. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной»[1].

Но в национальных районах и на окраинах страны на пути установления советской власти стоял ряд серьёзнейших препятствий и огромных трудностей. Ещё до победы Октябрьской революции в центре, на Украине и на Северном Кавказе, в Крыму и в Закавказье, в Туркестане и на Дальнем Востоке концентрировались все силы контрреволюции, готовые к смертельной схватке с побеждающей советской властью.

Поэтому борьба за победу пролетарской революции в национальных районах и на окраинах страны приобретала более ожесточённый и более длительный характер. Если объединить все особенности и трудности подготовки и развития пролетарской революции в национальных районах и на окраинах страны, то они сводятся в основном к четырём важнейшим моментам.

Во-первых, поступательный ход пролетарской революции натолкнулся здесь, как указывал Сталин, на плотину буржуазных по природе и империалистических по существу областных и «национальных правительств».

Одним из важнейших центров контрреволюции явилась Украинская центральная рада.

Ещё до Октябрьской революции Центральная рада пыталась взять на себя роль спасительницы гибнувшей русской буржуазии. Крепнущему фронту социалистической революции противостоял блок буржуазии всех национальностей России.

Стремясь объединёнными усилиями сорвать победу пролетарской революции в России, националистическая контрреволюция ставила перед собой задачу разорвать на куски страну, противопоставить одну национальность другой, сорвать этим путём единый фронт трудящихся всех национальностей, раздробить силы революции и укрепить тем самым силы контрреволюции.

Кроме Украинской рады «национальные правительства», иногда мифические, иногда реально существующие, возникли в Закавказье («Закавказский комиссариат» и «Закавказский сейм») и в Крыму («Курултай»), в Средней Азии («Кокандская автономия» и «Алаш-орда»), в Белоруссии («Белорусская рада»), на Северном

Кавказе («Центральный комитет Союза горцев»), а также в Башкирии, Татарии.

Второй преградой, вставшей на пути победы революции в национальных районах и на окраинах страны, была казачья контрреволюция. Она пыталась противопоставить революции всю массу 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Амурское, Забайкальское, Уссурийское и Семиреченское), расположенных на окраинах страны и являвшихся орудием закабаления и угнетения народов Кавказа и Закавказья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Если первую скрипку среди «национальных правительств» играла Центральная рада на Украине, то руководящая роль по организации сил всероссийской контрреволюции выпала на долю верхушки донского казачьего войска, наиболее многочисленного и стратегически расположенного наиболее близко к революционным центрам страны.

Третья особенность борьбы за установление советской власти в национальных районах заключалась в том, что здесь, особенно на южной и восточной границах Советской республики, сказалось несравненно больше, чем в центре, давление иностранных империалистов.

Окраины России издавна были предметом особого внимания иностранных правительств.

Иностранные империалисты поддерживали с самого начала возникновения «Кокандскую автономию» и «Алаш-орду» в Средней Азии, «Закавказский комиссариат» в Тифлисе, «Центральный комитет Союза горцев» на Северном Кавказе, белогвардейцев Сибири и Дальнего Востока.

Не меньшее давление, чем на Дальнем Востоке, оказывали империалистические государства в ходе борьбы за установление советской власти и на другом конце страны — на севере, в Архангельске и Мурманске. Иностранные суда, находившиеся в Архангельске, создавали надёжную опору для местных белогвардейских организаций. Не случайно здесь борьба за взятие власти Советами затянулась почти вплоть до лета 1918 года.

Наконец, ко всем этим трудностям борьбы за власть Советов в национальных районах страны прибавлялась ещё одна. Царизм намеренно держал окраины России, как указывал Ленин, в состоянии «полудикости или самой настоящей дикости». Промышленность на окраинах была развита очень слабо, а в ряде мест промышленные предприятия и вовсе отсутствовали. У многих национальностей не было совсем своего промышленного пролетариата, а на окраинах, в национальных районах немногочисленные кадры пролетариата были главным образом русскими по национальности. Слабость и немногочисленность пролетарских кадров не могли в свою очередь не отразиться на состоянии работы

большевистских организаций. В большинстве городов Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Сибири самостоятельные большевистские организации оформились частично накануне Октября, а в ряде мест и спустя несколько недель, иногда и месяцев после победы Октябрьской революции в центре. Соглашательские иллюзии здесь были более живучи и более устойчивы. Длительное «сожительство» большевиков в объединённых с меньшевиками социал-демократических организациях плохо способствовало изживанию этих иллюзий. Если влияние меньшевиков было сведено полностью на-нет в основных центрах страны ещё до Октябрьской революции, то здесь меньшевистский яд, как ржавчина, въедался в сознание отсталых групп рабочего класса и вытравить его было нелегко. Сторонники каменевско-зиновьевской предательской линии именно здесь, на окраинах, находили благоприятную почву для своей разлагающей работы. «Коалиционные комбинации» были тут смелее, шире по размаху, встречали меньше отпора. Так, например, в Чите (Забайкалье) у власти больше месяца находился так называемый «Народный совет» — коалиционная власть во главе с меньшевиками. Лишь к началу февраля 1918 года в Чите установилась советская власть.

Таковы были особенности и трудности, стоявшие на пути развития и победы пролетарской революции на окраинах и в национальных районах страны. Естественно, что все эти моменты не одинаково действовали в различных национальных областях, отличавшихся друг от друга и по уровню развития производительных сил, и по наличию пролетарской прослойки, и по быстроте большевизации масс.

На Украине и в Белоруссии, в Прибалтике, в пролетарском Баку, в таком центре, как Ташкент, силы рабочего класса были очень велики, и большевистские партийные организации вели за собой широчайшие массы. Здесь трудности и препятствия сметались и преодолевались гораздо быстрее, чем в отсталых национальных районах, и ход подготовки к пролетарской революции своеобразно сочетал моменты, свойственные как основным промышленным центрам, так и национальным окраинам страны.

Особенно ярко это сказалось на ходе подготовки к революции на Украине и в Белоруссии.

9.

НА УКРАИНЕ.

Украина до революции являлась главной угольно-металлургической базой российской промышленности. Сельское хозяйство Украины давало сотни миллионов пудов хлеба не только для Центральной России, но и для экспорта. Украина имела мощную промышленность, перерабатывавшую сельскохозяйственные продукты.

Во время империалистической войны Украина являлась ближайшим тылом для армий Юго-западного и Румынского фронтов. Эти фронты были главной ареной боевых действий в 1916—1917 годах.

Перед большевистской партией стояла чрезвычайно важная задача — подготовить вооружённое восстание на Украине, исход которого должен был облегчить первые шаги диктатуры пролетариата в центре. Именно поэтому Центральный Комитет большевистской партии уделял такое исключительное внимание Украине.

Центральный Комитет большевиков послал на Украину, в Донецкий бассейн, К. Е. Ворошилова, руководившего в 1905 году революционной борьбой в Донбассе.

Центральная большевистская печать помогала украинским большевистским газетам. Харьковский «Пролетарий» связался с московским «Социал-демократом» и регулярно получал от руководителя газеты М. С. Ольминского указания и материалы.

Разгром корниловщины явился переломным моментом в развитии революции и на Украине.

Рабочие Харькова, Екатеринослава, Киева, шахтёры Донбасса требовали оружия.

Харьковский большевистский комитет в связи с корниловщиной выпустил воззвание к рабочим с призывом вооружаться:

> «Необходимо немедленно вооружить рабочих. Ни в одной революции не побеждали словами.
>
> Во главе защиты революции станет и уже стоит пролетариат. Необходимо немедленно его вооружить имеющимся в городе запасом оружия. Время не ждёт. Да здравствует рабочая Красная гвардия!» [1]

За оружием послали делегатов в Тулу.

Большевиков не останавливали те огромные трудности, с которыми было связано массовое вооружение рабочих. Для этой цели использовали все возможности.

В боевых дружинах вооружались даже тесаками. Рабочие сами заготовляли штыки для винтовок. Имевший какое-либо оружие считался счастливцем. Занятия приходилось проводить по очереди, так как красногвардейцев было вдвое больше, чем винтовок.

В Донбассе огромную работу вёл К. Е. Ворошилов. Февральская буржуазно-демократическая революция застала его в Петрограде.

Шахтёры Донбасса не раз просили Центральный Комитет вернуть им Ворошилова. Учитывая огромную важность Донбасса в революции, партия большевиков разрешила Ворошилову уехать в Луганск. Опираясь на свои старые связи, Ворошилов ещё задолго до корниловщины превратил Луганск в оплот большевизма. После июльских событий Ворошилов организовал митинг солидарности с петроградскими пролетариями. В знойный июльский день со всех концов города к Преображенской площади потянулись колонны рабочих. На знамёнах были лозунги: «Долой контрреволюцию!», «Да здравствует власть рабочих, крестьян и солдат!».

На пути к площади демонстрация столкнулась с казачьей сотней. Во главе сотни был полковник Катаев — начальник луганского гарнизона. Пропустив демонстрацию, казаки молча двинулись за рабочими на площадь. Начался митинг. Как только на трибуне появился большевик, по знаку полковника Катаева казаки подняли шум, крик. В рядах меньшевиков, прижавшихся к казачьему отряду, послышались возгласы:

«Довольно большевистской демагогии!»

После большевика на трибуну поднялся уездный комиссар Временного правительства меньшевик Нестеров. Демагог и клеветник, он вплоть до июня 1917 года ухитрялся одновременно быть комиссаром Временного правительства, председателем общественного комитета и председателем Совета. Незадолго перед тем, в результате кампании, поднятой Ворошиловым, Нестеров был изгнан из Совета. Сейчас Нестеров под защитой казаков попытался привлечь рабочих на свою сторону. Однако Нестерова не слушали. «Долой предателей!» — кричали рабочие. Под крики, смех и свист демонстранты стащили меньшевика с трибуны.

Но вот на трибуне появился Ворошилов. Он обрушился на Временное правительство, разоблачил предательство эсеро-меньшевиков в июльские дни. Из кучки меньшевиков снова раздались злобные выкрики. К меньшевикам присоединились казаки, шум всё нарастал. Ворошилову не давали говорить. Тогда Ворошилов медленно сошёл с трибуны и твёрдыми шагами направился к кучке меньшевиков и казаков. За ним последовали вооружённые рабочие. Раздалась команда полковника Катаева: «Приготовиться!»

Казаки обнажили шашки, однако не решались броситься на Ворошилова. В этот момент ряды рабочих расступились, и с винтовками наперевес показался отряд солдат-большевиков. С криками «Да здравствуют Советы!» солдаты двинулись на казаков. Те повернули лошадей и ускакали. За ними побежали меньшевики и эсеры. Митинг возобновился. Под вечер рабочие и солдаты

единодушно приняли большевистскую резолюцию, требовавшую перехода всей власти в руки Советов.

В те дни, когда до Луганска доходили только смутные слухи о корниловском выступлении, Ворошилов был неутомим. 27 августа он выступал на солдатском митинге. Вечером того же дня он организовал огромный митинг рабочих и солдат. 28 августа Ворошилов на заводе Гартмана рассказывал рабочим об итогах шести месяцев революции:

> «Жизнь показала, что большевики — единственная партия революционного пролетариата, которая правильно учитывала положение дел в стране и сил, действующих в нашей революции»[1].

К. Е. Ворошилов.

Когда были получены первые сведения о корниловской авантюре, Ворошилов создал революционный комитет. В ту же ночь по распоряжению комитета были арестованы офицеры местного гарнизона и бывшие высшие чиновники царской власти. Комитет послал во все учреждения своих комиссаров. Комиссары получили задание наблюдать за нормальным ходом работы и пресекать всякие попытки саботажа.

30 августа во всех частях луганского гарнизона были проведены митинги. Солдаты полностью шли за большевиками и выражали готовность выступить на борьбу с Корниловым. В этот же день в частях были избраны новые командиры из солдат. Один из вновь избранных командиров явился к Ворошилову и заявил, что войска пришли к комитету продемонстрировать преданность революции. Члены комитета вышли на балкон. Солдаты стройными рядами прошли мимо Народного дома, где помещался комитет. На приветствие Ворошилова ответили дружным «ура».

Завоевание частей гарнизона имело большое значение для дальнейшего развития революции в Луганске. Пролетарии Луганска вооружались и готовились к обороне, ожидая нападения со стороны донской контрреволюции.

> «Дело в том, — пишет Ворошилов в своих воспоминаниях, — что соседство с Донобластью и старая, оставшаяся от первой революции, вражда между красным Луганском и весьма чёрным

Доном порождала массу весьма вздорных и серьёзных слухов, предположений и ожиданий. Не проходило и дня, чтобы, *по слухам*, на Луганск не двигались казачьи сотни, полки и даже дивизии. На деле ничего этого не случилось, но в то же время это заставило нашу Красную гвардию нести большие и тяжёлые наряды. С тех пор я много видов видывал, но по совести должен сказать, такой добросовестной, такой самоотверженной и бескорыстной службы революции на боевых постах, как её выполняли луганские пролетарии, я видел мало.

В дождь, в невылазную грязь и холод, страшную темень ночи шли группами красногвардейцы после трудового дня на заводе за город, в степь, и до утра верными стражами оберегали всевозможные подступы к городу. И так не день, не два, а целые месяцы» [1].

Ворошилов создал комиссию обороны, во главе которой был поставлен его ближайший соратник А. Я. Пархоменко, руководитель боевых дружин луганских рабочих. В соседние казачьи станицы были посланы разведчики и агитаторы. Луганскому Совету удалось установить связь с Митякинской и Луганской станицами. Там имелись большевистски настроенные казаки. В сентябре казаки решили прислать своих делегатов в Луганский Совет для переговоров о совместной борьбе с контрреволюцией.

Когда подошёл поезд, делегация вышла из вагона и построилась на перроне по-военному, в две шеренги. Рабочие не были предупреждены о приезде делегации. Недружелюбно настроенные, они окружили гостей и стали требовать, чтобы казаки сняли погоны. Делегаты казаков убедили рабочих, что погоны им нужны для влияния на казачью массу. Недоразумение выяснилось, и тогда между луганцами и станичниками пошла дружеская беседа.

Вскоре между Луганском и окружающими станицами установилась прочная связь. Местные контрреволюционные элементы стали постепенно стягиваться в Новочеркасск.

Письмо из Луганска, написанное в конце сентября, ярче всего характеризует обстановку, создавшуюся в городе накануне октябрьских боёв.

«Все организации города в наших руках. Голова в городе, члены управы, председатель думы, Совет депутатов, профессиональные союзы, газеты — всё это в наших руках» [2].

Так большевики Луганска готовились к взятию власти. Фактическим хозяином города был Совет рабочих депутатов, во главе которого стоял Ворошилов. Представитель Временного правительства был лишь номинальной властью. Луганчане ждали только сигнала из центра, чтобы окончательно прогнать и этого номинального представителя Временного правительства.

«Солдаты стройными рядами прошли мимо Народного дома, где помещался комитет. На приветствие Ворошилова ответили дружным «ура».

Рисунок П. В. Малькова.

По всей Украине рабочие вооружились и готовились к решительным действиям. Даже соглашательские Советы под давлением масс вынуждены были выносить большевистские резолюции. Одесский Совет ещё 25 августа вынес меньшевистскую резолюцию о запрещении всяких демонстраций, а через пять дней принял решение о вооружении Красной гвардии и об оплате красногвардейцев за счёт предпринимателей. Охрана города перешла в руки Красной гвардии.

Такой же сдвиг произошел и в Киевском Совете. 30 августа на заседании Киевского Совета принимается решение о производстве обысков и реквизиции оружия для вооружения рабочих дружин. На этом же заседании постановлено разоружить польские боевые дружины, сформированные в Киеве польскими контрреволюционными организациями.

Когда после разгрома корниловщины Временное правительство попыталось приступить к разоружению рабочих, оно натолкнулось на организованное большевиками сопротивление масс. Харьковский губернский комиссар Временного правительства Н. П. Добросельский решил выполнить приказ Керенского о рос-

Артём (Ф. А. Сергеев).

пуске революционных комитетов, созданных в корниловские дни. Но закрыть революционные организации не удалось. На заседании Харьковского Совета против комиссаров Керенского выступил Н. Руднев, командир роты 30-го полка. Руднев был одним из руководителей харьковской военной организации и Красной гвардии. Он сумел превратить 30-й полк в опору большевиков. Солдаты говорили: «Мы все большевики». Николай Руднев геройски погиб в бою с белыми казаками под Царицыном в 1918 году.

Огромную работу по разоблачению соглашателей провёл Артём (Ф. А. Сергеев). Он был хорошо известен рабочим Донбасса как пламенный трибун, руководитель большевистских организаций ещё в бурные дни 1905 года. После разгрома первой революции Артём попал в тюрьму, затем в ссылку. В 1910 году он бежал из ссылки через Китай и Японию в Австралию. В Австралии Артём стал видным руководителем революционного рабочего движения. Вернувшись в мае 1917 года из эмиграции, Артём сразу стал признанным руководителем пролетариев Донбасса.

Особое внимание Артём уделял агитационной и пропагандистской работе в массах. По его инициативе при Харьковском Совете были созданы курсы агитаторов. По окончании курсов агитаторы рассылались по уездам для работы среди солдат и крестьянства. Лучшие люди большевистской партии, руководители крупных организаций лично занимались агитацией в массах, показывая, как нужно привлекать на сторону революции рабочих и солдат.

В конце августа 1917 года Артём пришёл с группой товарищей к солдатам 6-го артиллерийского парка, входившего в состав харьковского гарнизона. Там должен был собраться солдатский митинг. Офицеры не пустили Артёма на митинг. Однако Артём не растерялся. Он взобрался на подпорку телеграфного столба, стоявшего у двора казармы, и стал читать вслух популярную большевистскую брошюру, попутно громко разъясняя прочитанное. Собралась большая толпа. Солдаты 6-го парка, привлечён-

ные речью Артёма, оттеснили офицеров и выбежали из казарм на улицу. Они с интересом выслушали Артёма и вслед за тем приняли горячее участие в образовавшемся митинге. В результате была вынесена большевистская резолюция.

Большевистская организация харьковских железнодорожников под руководством Артёма направляла группы товарищей по улицам Харькова для агитации. Агитаторы шли со знамёнами и несли с собой столы, скамейки; останавливались в каком-нибудь людном месте, и начинался летучий митинг.

На заседании Харьковского Совета 12 сентября обсуждался вопрос о лозунгах политической демонстрации, назначенной на 14 сентября. Артём предложил эсеро-меньшевистскому большинству Совета поддержать лозунги «Вся власть Советам!» и «Вся земля трудовому крестьянству немедленно и без выкупа!» Украинский эсер Одоевский выступил против этих лозунгов. Он предложил первый лозунг заменить требованием «вся власть револю-

«Артем... взобрался на подпорку телеграфного столба... и стал читать вслух популярную большевистскую брошюру».

Рисунок Д. А. Шмаринова.

ционной демократии», а второй совсем снять, так как «землю надо дать крестьянству в организованном порядке, т. е. не сейчас» [1].

Предложенный большевиками лозунг о немедленной передаче земли крестьянству без выкупа был отвергнут эсерами, имевшими в Совете перевес.

Но большевики не чувствовали себя побеждёнными. С места поднялся Артём и гневно бросил в президиум:

— Прошу внести в протокол: целые три часа Совет обсуждал, кому должна принадлежать земля — помещикам или крестьянам, — и наконец решили, что... помещикам [2].

Громкие аплодисменты встретили язвительное заявление Артёма. В этот день большевики собрали в Совете около половины голосов. Эсеро-меньшевистское влияние начало таять.

Состоявшаяся через два дня после этого заседания демонстрация в Харькове прошла под большевистскими лозунгами, массы слушали только большевиков. Демонстрация 14 сентября показала, что влияние эсеро-меньшевистского Совета в массах сильно подорвано.

Упорной, самоотверженной работой в пролетарских массах Украины большевики завоевали большинство рабочего класса. В ответ капиталисты стали закрывать предприятия.

> «В Харькове приостановился паровозо-строительный завод, — писал руководитель донецких большевиков Ворошилов в начале сентября. — В Петербурге почти ежедневно закрываются и большие и малые заводы и фабрики. В Донецком бассейне уже закрылись 77 угольных предприятий и накануне закрытия ещё целый ряд рудников. Не лучше дело обстоит в Московском центральном промышленном районе, на Урале, в Сибири и т. д. Короче говоря, по всей Российской республике наблюдается одно и то же явление—промышленники и фабриканты от саботажа, от скрытой итальянской забастовки перешли в открытое наступление — к локаутам» [3].

Ворошилов дальше разоблачает мнимый патриотизм буржуазии, которая кричит о любви к родине и в то же время подрывает обороноспособность страны политикой саботажа в промышленности.

> «Вы боитесь не нашествия немецких полчищ, как об этом кричат ваши прислужники, вы пуще смерти перепугались собственных рабочих, которые являются истинными защитниками родины, но только не для капиталистов, истязающих и грабящих самую родину, а для всех трудящихся, для всего человечества...» [4]

Большевики умело показывали рабочим, что выход из тупика, куда пытается загнать страну буржуазия, только в переходе власти в руки нового класса.

В районах Донбасса существовала особенно крепкая связь между рабочими-шахтёрами и крестьянством окрестных деревень. Шахтёры отправлялись в окрестные сёла гулять, в деревнях справляли шахтёрские свадьбы. У шахтёров крестьяне узнавали последние политические новости, получали разъяснения о смысле происходивших событий. После Февральской революции большевики использовали эти традиционные связи для укрепления своего влияния в деревне. Под руководством большевиков в деревнях Донбасса создаются сельские Советы. В результате большевистской работы в таких сёлах, как Щербиновка, Нелеповцы, Зализное и др., крестьяне самостоятельно давали отпор проискам местных эсеров. Луганское уездное бюро Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов пользовалось огромным влиянием далеко за пределами Луганского района. Председателем бюро был Ворошилов. Бюро организовывало пешеходные — за неимением средств — «экскурсии» рабочих в окружающие Луганск сёла. Там рабочие — делегаты от Луганского Совета — разбирали конфликты по вопросам аренды и раздела, разъясняли крестьянам большевистскую программу земли и мира.

По всей Украине крестьянское движение развёртывалось под руководством большевиков. Украинское село отличалось развитыми капиталистическими отношениями и значительными кадрами сельскохозяйственных рабочих. Опираясь на кулачество, украинские националисты пытались создать свои организации в деревне. Различные «просвити», «спилки», кооперативные организации были проводниками работы украинских националистов в деревне. Этой тактике украинские большевики, как и большевики центра, противопоставили работу по организации деревенской бедноты и сельских рабочих, работу по завоеванию середняцких масс деревни.

По директиве Центрального Комитета большевиков при местных Советах создаются секции батраков, отделы сельскохозяйственных рабочих и т. п. При Екатеринославском Совете было организовано бюро сельскохозяйственных рабочих. Бюро связалось со всеми уездами и довольно успешно организовывало батраков.

Рост большевистского влияния в деревне и непосредственная близость рабочих центров создают новые формы крестьянского движения. Осенью 1917 года по всей Украине прокатились забастовки сельскохозяйственных рабочих, батраков и бедноты, работающей у помещиков и кулаков. Эта форма крестьянской борьбы была несомненно результатом растущего стачечного движения в промышленных центрах страны. Даже такая специфическая форма рабочего движения, как рабочий контроль, прививается в украинском селе. В Тальновском имении на Уманщине сельский Совет выделил специального уполномоченного для про-

верки хода молотьбы в имении помещика. Это мероприятие вызывалось тем, что помещики умышленно уничтожали хлеб и не подвозили продукты к промышленным центрам, стремясь задушить революцию по совету миллионера Рябушинского «костлявой рукой голода».

Представители буржуазии и помещиков, продажные газетные писаки, вопили в прессе о беспорядках и анархии в деревне. Но в своих секретных донесениях представители Временного правительства вынуждены были признать, что большевистская пропаганда вносит революционный порядок и организованность в деревню. Бердичевский уездный комиссар Временного правительства сообщал 16 октября в Киев:

«В одной из экономий Терещенко увезено, по заявлению управляющего, около 10 тысяч пудов соломы, предназначенной для армии, при совершенно исключительных обстоятельствах, а именно: крестьяне совершили свой поступок вполне обдуманно, в сознании своей правоты, на том основании, что народу теперь принадлежит всё, сначала разберут солому, потом инвентарь, землю и прочее,... т. е. выполнили задуманное ими дело планомерно без обычных эксцессов и недоразумений. Явление это, — заключает уездный комиссар, — несомненно результат большевистской пропаганды, заносимой в деревню почти исключительно солдатами».

Крестьянская беднота поднималась до понимания общеполитических задач, стоявших перед революцией. Наряду с вопросами землепользования, аренды, ликвидации помещичьего землевладения, прекращения войны в крестьянских резолюциях появляются требования разгона Государственной думы, Государственного совета, предания суду корниловцев. Херсонский губернский Совет крестьянских депутатов в своей резолюции в конце сентября требовал немедленного созыва II съезда Советов, предоставления национальностям России свободы самоопределения, контроля над производством и распределением продуктов. Крестьянское восстание на Украине шло под большевистскими лозунгами. Но особые условия Украины, наличие сильных националистических организаций уменьшали размах и силу крестьянского движения. Эсеро-меньшевики натравливали украинских крестьян на рабочих, на представителей российской демократии.

На заседании Лубенского Совета украинский националист Сухенко, ссылаясь на директивы Центральной рады, решительно возражал против посылки хлеба в Москву и Петроград. Националисты действовали единым фронтом с Рябушинским. Российская контрреволюция широко использовала украинские националистические организации. На съезде инструкторов селянской спилки Полтавской губернии украинский эсер Багрий вынужден был

признать, что в эсеровскую организацию входят черносотенцы, среди которых бывший голова городской думы. Силами эсеров этот черносотенец снова был проведён в председатели городской думы.

К крестьянскому восстанию примыкало движение в армии. В начале октября в штабе командующего Юго-западным фронтом была составлена записка о революционном движении в армии. Автор записки — подполковник Богаевский — хорошо выразил страх командного состава перед солдатской массой. Солдат везде и всегда опасен, везде и всегда вызывает беспорядки. Когда солдаты долго остаются на месте, они становятся во главе крестьянского движения. Когда части передвигаются походным порядком, они громят по дороге помещичьи имения. Когда солдат перевозят по железной дороге, они связываются с революционными железнодорожниками.

Все попытки военным путём подавить восстания в армии терпели крах. Как свидетельствует доклад штаба Юго-западного фронта,

> «всякая попытка командного состава в сторону порядка вызывает грубый отпор с обвинением в старом режиме и служении интересам буржуев и помещиков» [1].

Автор доклада рекомендует два метода борьбы с революцией: хирургический, «т. е. карательный», и санитарный, «т. е. предохранительный», но тут же меланхолически замечает:

> «По условиям момента, как видно из донесений, меры хирургического характера зачастую сводятся на-нет вследствие временного притупления хирургических инструментов власти» [2].

Контрреволюционеры всё ещё надеялись, что «инструменты» притупились временно.

Наряду с борьбой за вооружение рабочих большевики Украины активно готовились ко II съезду Советов.

6 октября в Харькове открылся областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов. На съезд прибыли 146 делегатов, из них 49 большевиков, 44 меньшевика, 42 эсера, 2 анархиста.

При обсуждении порядка дня представитель большевистской фракции предложил сначала заслушать доклад о положении пролетариата Донецкого бассейна, а затем уже отчёт областного комитета.

Выступления большевиков, разоблачивших деятельность соглашателей из областного комитета ещё до того, как он приступил к отчётному докладу, вызвали замешательство в президиуме. Несмотря на большинство, которое эсеры и меньшевики имели на съезде, они не были уверены в прочности своего положения. Состав съезда был явно фальсифицирован. На съезде присутство-

вали с правом решающего голоса все члены областного комитета и члены районных комитетов, в подавляющем большинстве— меньшевики.

Большевики подвергли уничтожающей критике доклад областного комитета.

В яркой речи Артём показал сущность деятельности меньшевиков в областном комитете.

> «Я критикую областной комитет не за бездеятельность, а за деятельность, направленную против рабочего класса, — заявил Артём. — Комитет был канцелярией министерства труда. Он посылал своих представителей в различные учреждения для соглашательства. Комитет мешал рабочим организовываться. Так было в Дебальцево и в других районах Донбасса. Областной комитет был кнутом рабочих, а не организацией рабочих» [1], — заключил Артём под шумные одобрения большинства съезда.

Даже рядовые делегаты эсеро-меньшевистской фракции слушали речи большевиков с явным сочувствием.

Формально съезд закончился победой эсеро-меньшевиков, но победители покидали съезд в подавленном настроении. Ни одной директивы соглашательского Всероссийского центрального исполнительного комитета и своих партий им не удалось провести. Не удалось склонить съезд к отказу от созыва II съезда Советов. Не удалось провести и решения о поддержке нового состава Временного правительства, образованного после Демократического совещания.

17 октября в Киеве было созвано областное совещание Советов Юго-западного края. Было представлено 34 Совета. Вопреки резким нападкам эсеров и меньшевиков была принята большевистская резолюция, требующая передачи всей власти Советам.

Националистическая контрреволюция на Украине накануне Октября взяла курс на соглашение с Временным правительством. Как бы в ответ на подготовку II Всероссийского съезда Советов Центральная рада назначает на 20 октября III всеукраинский войсковой съезд в Киеве. На этот же день в Киеве был назначен съезд фронтового казачества. Эти два съезда контрреволюция пыталась сделать политическими центрами борьбы с большевиками. Они имели и непосредственное боевое значение: более 2 тысяч вооружённых солдат и казаков могли стать ядром контрреволюционных частей.

На всеукраинский войсковой съезд с фронта приехали 940 депутатов, в большинстве солдаты. Около 800 из них принадлежали к украинским националистическим партиям. Но даже такой состав съезда не давал Центральной раде полной уверенности в поддержке со стороны фронта. Настроение рядовых делегатов съезда

было явно революционное. Они и слушать не хотели о соглашении с Временным правительством.

В середине октября Советы Украины выбирали делегатов на II Всероссийский съезд Советов. Выборы проходили в обстановке ожесточённой борьбы с эсерами и меньшевиками.

Соглашательский Всероссийский центральный исполнительный комитет всячески тормозил созыв съезда.

В Киеве телеграмма Центрального исполнительного комитета, предлагающая послать делегатов на II съезд, была получена только 19 октября. В этот же день Киевский Совет выбрал делегатов. Из 13 делегатов киевские организации (городской, окружной и областной Советы) послали 7 большевиков, 3 украинских социал-демократов и 3 эсеров-интернационалистов.

Одесский Совет выбирал на съезд на заседании 10 октября. Во время заседания на улицах произошло столкновение между гайдамаками и Красной гвардией. Гайдамаки пытались разоружить рабочих-красногвардейцев. Испуганные эсеро-меньшевики предложили поручить охрану города георгиевским кавалерам и вызвать казаков. Но к концу заседания стало известно, что красногвардейцы рассеяли гайдамаков и в городе восстановлен порядок. Совет принял решение о необходимости дальнейшего вооружения рабочих. Выборы на II съезд были отложены на следующий день.

11 октября на объединённом заседании одесских Советов рабочих, солдатских, крестьянских и матросских депутатов снова стоял вопрос о II Всероссийском съезде Советов. За один день тактика эсеров и меньшевиков изменилась. Убедившись в том, что им не удастся сорвать съезд, они выступили теперь единым фронтом под лозунгом создания однородного социалистического правительства. В этом едином фронте мелкобуржуазных партий и правые эсеры и меньшевики объединяются вокруг эсеров-интернационалистов, «левизна» которых должна была прикрыть соглашательскую тактику всего блока. Но «левый» манёвр не удался. За резолюцию большевиков голосовали 306 делегатов, за резолюцию эсеров-интернационалистов, предлагавшую создание «однородной революционной, демократической власти», — 169 делегатов. Других резолюций не было.

Одесский Совет послал на съезд 5 делегатов-большевиков, 2 эсеров и 1 меньшевика-интернационалиста.

Из 83 делегатов, посланных на II Всероссийский съезд от Советов Украины, 40 принадлежали к большевистской партии. Значительная часть делегатов принадлежала к украинским мелкобуржуазным партиям. Избиратели, пославшие этих делегатов на съезд, дали им твёрдый наказ защищать власть Советов.

Из 40 Советов Украины, представленных на II съезде, только 5 высказались за лозунг «Вся власть демократии», — под этим

фальшивым флагом выступали тогда эсеро-меньшевистские агенты буржуазии. Это были Советы, давно потерявшие связь с массами, не переизбиравшиеся с начала Февральской революции. Таким был областной комитет Советов Донецкого бассейна и Криворожья. Он ничего общего не имел с Советами Донбасса и Криворожья, единодушно давшими своим делегатам на II съезд директиву драться за власть Советов.

К пролетарской революции Украина шла под большевистскими знамёнами.

13.

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Борьба большевиков на Северном Кавказе проходила в очень трудных условиях. Крайне сложный национальный переплёт, борьба внутри казачества, конфликт между казачьей верхушкой и горцами, между казаками и иногородним крестьянством, межнациональная рознь среди горских народов, слабая пролетарская прослойка—всё это требовало особо осторожного подхода. Образцы вдумчивого большевистского разрешения вопросов показал на Тереке в 1917 году Сергей Миронович Киров.

2 сентября, приехав из Петрограда, куда он ездил по поручению большевистской организации и Владикавказского Совета, Киров с головой окунулся в работу. Киров выступал на собраниях перед рабочими и солдатами ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день. Блестящий оратор, глубоко начитанный, Киров обладал исключительной способностью подбирать живые образы и примеры. Его вдохновенные, полные глубокой веры в победу революции речи буквально зажигали аудиторию. Готовя пролетариат и трудящихся Северного Кавказа к вооружённому восстанию, Киров придавал огромное значение работе среди горской бедноты, где он уже тогда пользовался колоссальной популярностью.

Казачья и горская контрреволюция усиленно раздувала национальную вражду. По казачьим станицам шёл провокационный слух, что большевики призывают горцев жечь и уничтожать станицы. А горцам местные муллы и кулаки твердили, что «шайтаны» (черти) большевики зовут казаков ломать мечети, отнимать у горцев жён и детей. Горская и казачья беднота знала Кирова, мужественного большевика, который уже однажды предотвратил неизбежную кровавую борьбу. 6 июля во Владикавказе спровоциро-

ванные контрреволюционерами солдаты зверски расправились с безоружными горцами, приехавшими на базар. Пламя национальной войны грозило захлестнуть город, станицы, аулы. Предвидя огромное количество жертв, гибель лучших революционных сил и в результате укрепление казачье-горской контрреволюции, Киров один отправился в ингушское селение Базоркино, в котором подготовлялось вооружённое нападение на город. Он сумел раскрыть перед ингушами провокационные замыслы казачье-горской контрреволюции. Его смелость и мужество произвели на ингушей огромное впечатление. Ингуши отказались от нападения. Лучшие представители ингушей — Султан Костаев, Юсуп Албагачиев — связались через Сергея Мироновича с Владикавказским Советом рабочих депутатов.

С. М. Киров.

В качестве приводного ремня Сергей Миронович умело использовал организовавшуюся летом 1917 года революционную партию осетинской бедноты «Кермен». Названная по имени легендарного героя — раба, восставшего на защиту своих прав и предательски убитого своими поработителями, — эта организация, правда, без чёткой программы, с рядом националистических предрассудков и ошибок, всё же пользовалась влиянием среди крестьянской бедноты. В мае 1918 года лучшая часть «керменистов» была принята в коммунистическую партию, составив осетинскую окружную коммунистическую организацию.

В партийной организации Владикавказа к осени 1917 года произошли значительные изменения. Опираясь на завоёванное под руководством Кирова пролетарское ядро в объединённой организации, большевики с первых же дней революции выступали как самостоятельная фракция. За ними шли железнодорожные мастерские, Алагирский завод.

Раскол организации произошёл в конце октября 1917 года. Во Владикавказе на городском партийном собрании из присутствовавших 500 человек только восемь оказались сторонниками мень-

шевистской платформы. Убедившись в своём поражении, меньшевики демонстративно покинули собрание.

Таким образом, к Великой пролетарской революции владикавказские большевики создали свою монолитную и крепкую партийную организацию. Этот факт сыграл большую роль в победе советской власти на Северном Кавказе. Ещё в конце сентября Владикавказский Совет перешёл в руки большевиков.

5 октября Владикавказский Совет избрал Кирова делегатом на II Всероссийский съезд Советов. Получил он мандат на съезд и от Нальчикского Совета. Киров уехал в Петроград. На состоявшемся 21 октября заседании Владикавказского Совета, на котором был переизбран Исполнительный комитет, Киров вновь заочно был введён в его состав.

Готовясь к борьбе с назревающей революцией, Временное правительство ввело военное положение в Грозненском, Веденском и Хасав-юртовском округах Терской области, а 16 октября распространило военное положение на всю Терскую область. Военное положение создавало лучшие условия для борьбы с назревающей революцией. Но эти меры результатов не дали. Влияние большевиков в городе и горской деревне продолжало расти. Совет шёл за большевиками. Гарнизон Владикавказа был также на стороне большевиков.

Большую работу развернули большевики и в другом крупнейшем центре Терской области — Грозном, известном своими нефтяными промыслами и нефтеперегонными заводами. Здесь ещё в годы империалистической войны была небольшая группа большевиков. После свержения царизма большевистская организация, выйдя из подполья, начала быстро расти. К Апрельской конференции она насчитывала уже 800 человек, а после конференции, когда большевистские решения конференции попали к рабочим промыслов и заводов, приток рабочих в партию ещё более усилился. Совет рабочих и солдатских депутатов находился в руках эсеров и меньшевиков. Большевиков в первое время там было мало, но в рабочих районах большевики пользовались огромным авторитетом. Буржуазия имела в городе свои крупные организации. Эти организации опирались на буржуазно-техническую интеллигенцию, работавшую на промыслах и заводах Грозного.

Вокруг города были расположены казачьи станицы и чеченские аулы, враждовавшие между собой. Летом 1917 года дело дошло уже до открытых столкновений. В городе был довольно крупный гарнизон: 111-й запасный полк, 21-й полк, 252-я Самарская дружина. Большевики вели большую работу в войсках гарнизона. Солдатская масса быстро большевизировалась. Из рабочих была создана «дружина безопасности», которая являлась фактически отрядом Красной гвардии. Большевики Грозного имели хорошую связь с Петроградом, Москвой, часто бывали во Владикавказе.

Выступление С. М. Кирова на митинге в ингушском селении Базоркино.

Грозненский пролетариат с самого начала Февральской революции вёл усиленную борьбу с владельцами грозненских нефтепромыслов и заводов. Рабочие с помощью революционных солдат захватили у Совета терских нефтепромышленников 700 винтовок и 100 револьверов.

Усиление влияния большевиков в городе сильно беспокоило не только местные органы Временного правительства, но и само Временное правительство. Грозный имел для буржуазии слишком большое значение, чтобы отдавать его рабочим без боя.

После июльских дней объединённая казачье-горская контрреволюция перешла в наступление. В начале августа, по приказанию командующего Кавказским фронтом, в Грозном был разоружён и расформирован большевистски настроенный 21-й полк. Разоружение полка послужило сигналом к усилению погромной деятельности контрреволюционных казачьих верхов, распоясавшихся после июльских дней в Петрограде. 17 августа банда казачьих офицеров напала на Грозненский Совет рабочих и солдатских депутатов и разогнала его.

В августе под председательством одного из руководителей «Центрального комитета Союза горцев»—кабардинского коннозаводчика

заводчика Пшемахо Коцева открылся ингушско-казачий съезд. Он должен был символизировать «мир» между ингушами и казаками. Выступавший на съезде атаман Терского казачьего войска Караулов заявил, что все беды происходят от безвластья, а безвластье— результат деятельности всяческих комитетов. Необходима сильная единая власть. Такой властью, по мнению атамана, может быть только Терское войсковое правительство.

После подавления корниловского восстания обстановка в городе вновь изменилась. 8 сентября на заседании Грозненского Совета большевик Иван Малыгин, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров, предательски расстрелянных интервентами в 1918 году, выступил с докладом о корниловском мятеже. Малыгин был членом президиума Грозненского Совета. В начале 1917 года и в первые месяцы революции Малыгин — солдат 113-го пехотного запасного полка в Пятигорске. Вместе с другим солдатом этого же полка Г. Анджиевским он стал организатором большевиков Пятигорска и Пятигорского Совета рабочих и солдатских депутатов. С лета 1917 года Малыгин работал в Грозном. Он был одним из руководителей грозненских большевиков. В августе 1917 года Малыгин ездил в Петроград на Всероссийское совещание представителей областных Советов. Вернувшись в Грозный, Малыгин рассказал о революционном настроении в стране, о разгроме корниловского мятежа.

Яркий доклад и предложенная Малыгиным большевистская резолюция вызвали бурю аплодисментов присутствовавших на заседании Совета рабочих и солдат. Вслед за Малыгиным выступил другой большевик—Николай Анисимов. Он тоже только что вернулся из Петрограда. Большевики Грозного посылали его своим делегатом на VI съезд партии. На съезде Анисимов делал сообщение о росте грозненской большевистской организации. Студент-большевик Анисимов являлся подлинным руководителем большевиков Грозного. Прекрасный организатор, он пользовался огромным авторитетом среди рабочих Грозного. Его выступление в Грозненском Совете 8 сентября вызвало шумное одобрение. Меньшевики испугались. Председатель Совета меньшевик Богданов попросил «гостей» — рабочих и солдат — не аплодировать, угрожая выпроводить их из зала. В ответ в зале раздался взрыв негодования. Большевики — делегаты Совета—протестовали. Вместе с присутствующими рабочими и солдатами они демонстративно ушли. Заседание было прервано. После перерыва большевики и сочувствовавшие им вернулись в зал заседания. Голосовались две резолюции: меньшевистская от имени президиума и большевистская, внесённая Малыгиным. За большевистскую резолюцию голосовали 207 человек. Большинством в 44 голоса прошла, однако, меньшевистская резолюция, предложенная президиумом Совета.

Меньшевистско-эсеровская верхушка Совета в Грозном с каж-

дым днём всё больше восстанавливала против себя рабочих. Собрания рабочих на промыслах и заводах открыто выражали недоверие Исполкому Совета. Меньшевиков и эсеров не желали слушать. В конце сентября Исполком Совета вынужден был сложить свои полномочия. На заседании Совета 29 сентября председатель Совета меньшевик Богданов мотивировал решение Исполкома тем, что «членам Исполкома нельзя выступать ни на одном митинге среди рабочих... доверия со стороны рабочих никакого»[1]. Это откровенное признание лидера меньшевиков и председателя Совета вызвало бурю аплодисментов рабочих-большевиков и взрыв ярости со стороны эсеро-меньшевистского блока. Ввиду катастрофического положения эсеро-меньшевистской верхушки, в помощь ей из области были присланы эсеры, члены областного Исполкома. Они выступили в защиту Исполкома Совета. Большевики требовали переизбрания Совета и разрыва соглашения с буржуазией. Эсеры и меньшевики в предложенной ими резолюции протестовали против обвинения Исполкома в «неблагонадёжных» действиях. Всё же под давлением рабочих они должны были внести в резолюцию пункт о необходимости в кратчайший срок произвести перевыборы Совета. На этот раз меньшевистско-эсеровская резолюция прошла большинством всего в 6 голосов[2]. Это был конец господства эсеров и меньшевиков в Грозном.

На Кубани сильнейшей большевистской организацией была екатеринодарская. Накануне Февральской революции 1917 года в Екатеринодаре было сосредоточено больше трети всех предприятий и около половины всех рабочих Кубани. Екатеринодарская большевистская организация в конце апреля насчитывала около 200 человек. Начала издаваться большевистская газета «Прикубанская правда», быстро завоевавшая авторитет среди трудового населения. Большевики вели огромную работу в городской думе. Подготовительная работа к выборам городской думы протекала в трудной обстановке. Меньшевики и эсеры создали крепкий блок. Поддерживаемые частью местной интеллигенции и мещанством, они повели ожесточённую борьбу против большевиков. Тем не менее партия большевиков получила 20 мест из числа 101 гласных городской думы. Это дало возможность с трибуны городской думы обращаться к трудовым массам города, главным образом к рабочим окраин (Дубинка, Покровка), с большевистскими лозунгами.

Были случаи, когда депутации с окраин являлись в городскую думу с требованиями. За поддержкой обращались непосредственно к большевикам. В результате активной работы большевиков в думе удалось добиться ряда практических мер, улучшавших материальное положение рабочих. Так, беднота окраин получила безвозмездно в аренду по три десятины земли на человека. Рабочие-квартиронаниматели были освобождены от квартирного налога, с рабочих сняли налог на воду. Были организованы детские дома.

С городской бедноты были сняты подворные недоимки за 1916 год и переложены на буржуазию.

В августе руководство Советом рабочих депутатов полностью переходит в руки большевиков. В новом Исполнительном комитете большевики получили две трети мест, а меньшевики и эсеры только по одному месту.

Завоевав Совет, большевики поставили своей задачей приобрести реальную поддержку воинских частей. В городе кроме казаков находился Самурский полк, а также артиллерийский дивизион, который был отослан с Кавказского фронта как «революционный». Обе части стали вооружённой опорой пролетариата.

Выполняя план изоляции юго-востока страны, контрреволюция организовала Кубанское краевое правительство, в состав которого вошли Бардиж, Филимонов, Д. Сверчков и др. С целью обезопасить себя от революционных солдат комиссар Временного правительства Бардиж и атаман Кубанского войска полковник Филимонов вытребовали на помощь казачьим частям один из полков «Дикой дивизии». Большевистски настроенный артиллерийский дивизион был разоружён. Меньшевики и эсеры также решили оказать действенную помощь кубанским контрреволюционерам и с помощью тифлисского комиссара Временного правительства вызвали 39-ю дивизию, которая расположилась на подступах к Екатеринодару по линии железной дороги, заняв станции Кавказская, Тихорецкая, Армавир и др. Большевики проникли в части этой дивизии.

После разоружения артиллерийского дивизиона перевес в силах оказался на стороне контрреволюции. Тогда было решено при Исполнительном комитете Совета организовать военно-революционный комитет. В него вошли также представители испуганных событиями меньшевиков и эсеров. Военно-революционный комитет в подобном составе, естественно, не мог стать организатором и руководителем борьбы против казачьей контрреволюции, тем более что меньшевики и эсеры фактически его бойкотировали.

Чувствуя нарастающую опасность, большевики решили наряду с легальным военно-революционным комитетом при Совете, куда входили меньшевики и эсеры, создать подпольный большевистский военно-революционный комитет.

От Екатеринодарского Совета на II съезд Советов был послан большевик. Совет высказался за лозунг «Вся власть Советам!» На II съезд Советов из другого города Кубани — Армавира — делегатом поехал также большевик. Армавирский окружной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поддержал лозунг «Вся власть Советам!»

В Черноморье большевики овладели Советами двух крупных городов — Туапсе и Новороссийска. Оттуда на II Всероссийский съезд Советов послали большевиков.

Контрреволюция не успела превратить Северный Кавказ в

свой плацдарм. Самоотверженная деятельность большевиков создала в области ряд опорных для революции пунктов. Тыл врагов оказался необеспеченным. Силы контрреволюции были ослаблены, и возможности немедленного выступления против революции сорваны.

11.

В БЕЛОРУССИИ.

В 1917 году Белоруссия была прифронтовой полосой. Через всю страну непрерывной лентой тянулись окопы и проволочные заграждения трёх армий Западного фронта. Сотни тысяч солдат стояли гарнизонами в городах. В Могилёве находилась Ставка верховного главнокомандующего, где генералы спешно готовили боевые силы для разгрома революции. В Белоруссии находились крупные узловые станции — Минск, Гомель, Витебск, Орша, через которые могли следовать эшелоны с фронта против революционного Петрограда. Всё это придавало исключительное значение ходу борьбы за победу революции в Белоруссии. Необходимо было вырвать из рук контрреволюции этот важнейший плацдарм.

В области раньше других оформилась гомельская большевистская организация. Уже в апреле 1917 года в Гомеле был создан большевистский комитет. Он именовал себя Полесским, сохранив старое дореволюционное название большевистской организации.

Полесский комитет развернул свою работу далеко за пределами Гомеля — по всей Могилёвской губернии и в самом губернском центре. Особый размах получила работа комитета с прибытием в августе 1917 года в Гомель Л. М. Кагановича. Его избрали председателем Полесского комитета.

Каганович установил связи с рабочими, посылал на места инструкторов, организаторов, пропагандистов, вникал во все детали партийной работы, посещал занятия кружков, проверял деятельность партийных работников.

Наиболее трудные для развёртывания партийной работы пункты Каганович брал на себя. Одним из таких пунктов был Могилёв. Там находилась Ставка верховного главнокомандующего. Город был наводнён контрреволюционным офицерством, что затрудняло революционную пропаганду. Самостоятельной большевистской организации в Могилёве не было. Большевики находились в объединённой социал-демократической организации. Каганович сумел установить связь даже с батальоном георгиевских кавалеров, охранявшим Ставку, и создал в нём большевистскую организацию

В Минске выделение большевиков из объединённой организации произошло в июне.

Близость фронта в значительной степени определила характер работы Минского комитета. Были организованы специальные курсы агитаторов среди солдат. Пропагандистскую работу в армии вели старые революционеры-большевики. Неоднократно ездил на фронт Михаил Васильевич Фрунзе — участник революции 1905 года, выдающийся организатор боевых дружин, дважды приговорённый к смертной казни за борьбу против самодержавия. Во время войны, находясь на службе в Союзе земств и городов под вымышленной фамилией «Михайлова», он создал в Минске подпольную большевистскую организацию. После свержения самодержавия Фрунзе стал одним из основных руководителей революционного движения в Белоруссии и на Западном фронте. Среди солдат Михаил Васильевич пользовался исключительной популярностью.

Временное правительство арестовало в июле 1917 года сотни революционно настроенных солдат на фронте. Минская тюрьма была переполнена. Для арестованных были заняты все гауптвахты, некоторые казармы и даже женская гимназия.

Солдат держали в скверных условиях, на голодном пайке.

Для оказания помощи арестованным солдатам Минский комитет большевиков организовал политический Красный крест. Оказывали помощь и петроградские рабочие, посылая арестованным солдатам деньги и посылки.

Для работы среди арестованных солдат Минский комитет выделил группу товарищей. В полутёмной камере, битком набитой солдатами, при свете маленькой лампочки большевистские агитаторы горячо рассказывали о целях войны, почему крестьяне не хотят несправедливой войны и кто её поддерживает.

Солдаты жадно слушали, задавали вопросы, требовали литературы.

Скоро среди арестованных появились сочувствующие большевикам. В тюрьме была создана партийная организация.

Все арестованные солдаты были организованы в полк. Выбрали командный состав, начиная от командира полка и кончая командирами взводов, отделений.

Охранял арестованных солдат 37-й полк, находившийся под сильным влиянием большевиков. Стража разрешала арестованным свободно гулять по городу. Минский комитет использовал заключённых в качестве агитаторов на фронте. Их разбивали на пятёрки и десятки, во главе ставили большевиков, снабжали литературой и отправляли на фронт. Бывшие не раз на передовых позициях арестованные хорошо знали, как подойти к окопным жителям. Агитаторы обходили заставы, проникали в окопы и головные части, доставляли всюду большевистскую литературу и дополняли жгучие призывы партии живыми, простыми рассказами.

Выступление Л. М. Кагановича на солдатском митинге в Гомеле.

Рисунок Б. Е. Владимирского.

Громадную роль в жизни минской организации сыграла большевистская газета «Звезда», которая стала выходить в конце июля.

Инициатором её создания был А. Ф. Мясников — один из крупнейших руководителей большевиков Белоруссии. Но у Минского комитета не было денег. Устроили тогда лотерею и кружечный сбор.

«Не было денежных средств,—рассказывал товарищ Мясников. — Собрав последние копейки, снарядили одного из товарищей в Питер, в Центральный Комитет, с челобитной: ссудить нам некоторую сумму денег для начала задуманного литературного предприятия. Надеялись и вместе с тем ду́мали, что навряд ли Центральный Комитет примет во внимание просьбу молодой неизвестной организации. Посланец вернулся с 2 тысячами рублей. Была же радость на нашей улице: на эти деньги мы могли иметь шесть целых номеров своей ежедневной газеты»[1].

Первый номер «Звезды» вышел 27 июля. Под псевдонимами «А. Мартуни», «Алёша», «Большевик» почти в каждом номере газеты появлялись зовущие к борьбе статьи редактора Мясникова.

А. Ф. Мясников — старый большевик, вступивший в революционное движение ещё в 1904 году. Работал в Нахичевани, позже — в Баку. С начала войны был мобилизован в армию в качестве

М. В. Фрунзе.

прапорщика запаса. В полку Мясников наладил связи с большевиками, распространял литературу. Спокойный, твёрдый, скромный, хорошо подготовленный организатор, Мясников создал в Дорогобуже в учебной команде полка, начальником которой он состоял, большевистскую группу. Мясников подчёркнуто враждебно относился к реакционному офицерству, чуждался офицерской среды и в то же время умело и осторожно подбирал одиночек-революционеров. Он собирал у себя на квартире солдат команды, будущих унтер-офицеров, и незаметно, исподволь превращал их в борцов против самодержавия. Команду перевели ближе к полку. Но Мясников терпеливо продолжал свою работу. К началу революции в полку оказалось 13 членов организации.

Руководимая Мясниковым газета завоевала широкую популярность среди солдат Западного фронта, среди рабочих и крестьян Белоруссии.

«Труден путь твой, дорогая «Звезда», ибо твой свет одинок среди грозной царящей реакции... Мы желаем тебе, дорогая «Звезда», рассеять, разбить эту мрачную ночь... Чтоб не погас твой блеск в этот тяжёлый момент»[1], — приветствуют газету заключённые на Каланчевской гауптвахте Минска.

Арестованные солдаты посылали в газету свои последние гроши. Отдавали даже те деньги, которые они получали от петроградских рабочих. Из этих денег был создан «железный фонд для издания газеты». С 3 тысяч экземпляров в июле тираж газеты возрос до 6 тысяч в августе.

Большевистская газета представляла грозную опасность для командования Западного фронта.

«Партией социал-демократов при Минском Совете солдатских и рабочих депутатов стала издаваться газета «Звезда», ярко ленинского направления. Мною приняты меры к тому, чтоб она не проникала на фронт»[2],—так доносил в Петроград 22 августа комиссар фронта.

Керенский приказал закрыть газету.

Руководители газеты с группой молодёжи, активно работавшей в комитете, достали машину и быстро очистили типографию «Звез-

ды». Весь набор номера был увезён в другую типографию. Когда явился отряд милиции, то в типографии газеты уже не было.

Минская организация уделяла немалое внимание работе среди крестьян. Эту работу возглавил Фрунзе.

По должности начальника милиции Михаил Васильевич много времени проводил в разъездах по белорусским деревням. Он собирал крестьян, беседовал, вёл революционную пропаганду. Фрунзе нашёл среди бедноты сочувствующих большевизму, помог им сорганизоваться и высылал им литературу.

А. Ф. Мясников.

Доверие крестьян к партии большевиков ярко выразилось на II съезде Советов крестьянских депутатов Минской губернии. Съезд открылся 30 июля. Среди депутатов было много пожилых крестьян, впервые приехавших в город. Открыл съезд Фрунзе. Уже с первых минут стало ясно, каким огромным авторитетом и любовью крестьян пользовался Михаил Васильевич.

> «Крестьянами отмечаются громадные заслуги нашего товарища Михайлова по организации крестьян Минской губернии, — писала «Звезда». — Он первый взялся за их организацию, был их вождём и идейным работником, пользуется их полным доверием, и предлагается без обсуждения избрать товарища Михайлова председателем. Предложение встречено единодушными аплодисментами» [1].

Тогда представитель эсеров заявил:

— Крестьянскому съезду лучше иметь председателем идущего под знаменем «Земли и воли».

Предложение это вызвало резкие протесты делегатов. Раздались голоса: «Не выбирайте тех, кто не хочет земли для крестьян». Эсеры пугали крестьян: «Михайлов — большевик». Но в ответ крестьяне кричали: «Не беда. Он наш!» [2]

Долго убеждали крестьян эсеровские руководители. Эсеры затягивали собрание, совещались, снова выступали с уговорами. Но делегаты стояли на своём. Подавляющим большинством голосов председателем съезда избрали Михаила Васильевича. Старики-крестьяне качали большевика Фрунзе и затем на руках поднесли его к трибуне.

Почти одновременно с минскими большевиками вышли из объединённой социал-демократической организации витебские большевики и интернационалисты. На собрании 20 июня, где обсуждался вопрос о выходе из объединённой организации, присутствовало 56 большевиков, 28 объединённых интернационалистов и 11 меньшевиков-интернационалистов.

Выступавшие товарищи констатировали, что «местный комитет РСДРП слишком поправел», и предлагали создать самостоятельную организацию большевиков и социал-демократов-интернационалистов[1].

На собрании был выбран временный комитет. 4 июля было созвано заседание временного комитета и комитета латышской социал-демократии. Договорились объединить обе организации и создать общий городской комитет большевиков.

Свою организованность и сплоченность большевики Белоруссии проверили в дни корниловской авантюры. В Минске был создан революционный комитет Западного фронта. Фрунзе был назначен начальником штаба революционных войск, готовых встать на защиту революции.

Минский гарнизон в боевой готовности ждал приказа о выступлении.

Большевики Витебска создали при Совете военно-революционное бюро. На железную дорогу, почту, телеграф штаба были посланы представители Совета.

В Орше были сформированы боевые отряды, готовые выступить против Корнилова.

В Могилёве, в центре корниловского заговора, Совет на время прекратил своё существование. Большевики устроили нелегальное собрание, чтобы обсудить создавшееся положение. Было решено выпустить воззвание к населению, чтобы показать рабочим, солдатам, а также контрреволюционному генералитету, что в Могилёве имеется революционная партия. Воззвание было тайно отпечатано в одной из могилёвских типографий.

Несколько рабочих, печатавших воззвание, было арестовано.

В Гомеле по инициативе большевиков была организована чрезвычайная «пятёрка». Полесский комитет послал комиссаров-большевиков в важнейшие пункты города, на почту и телеграф.

Полесский комитет арестовал Завойко—«идейного советника» при генерале Корнилове и разослал ряд товарищей в Минск, Речицу, Оршу для связи.

Борьба с корниловщиной необычайно подняла авторитет большевистской организации Гомеля. И это тотчас же сказалось на соотношении сил в Гомельском Совете, в котором до тех пор преобладали соглашатели.

Председателем Гомельского Совета был меньшевик Севрук. Он называл себя большевиком, но уже в марте 1917 года на Всерос-

сийском совещании Советов выступил как меньшевик-оборонец. Севрук был исключён из партии большевиков, но скрыл это при возвращении из Петрограда в Гомель.

Руководимый Севруком, Совет преследовал большевистскую организацию Гомеля.

1 сентября проходило очередное заседание Гомельского Совета. Обсуждался вопрос о текущем моменте, и в частности о Демократическом совещании. Под влиянием большевиков Совет провалил резолюцию, предложенную соглашательским президиумом, об объединении всех «живых сил страны». Но 9 сентября на заседании Совета снова стоял вопрос о Демократическом совещании. Докладчиком выступал Севрук.

В конце доклада он предложил резолюцию, уже проваленную на прошлом заседании. Большевики снова отвергли резолюцию. Дважды провалившись, Севрук вынужден был сложить с себя обязанности председателя.

При избрании президиума Совета товарищем председателя был утверждён большевик.

После корниловской авантюры возникли новые большевистские организации в Рогачёве, Клинцах, Двинске.

Окончательно оформилась в сентябре большевистская организация Орши.

Большую роль в жизни партийной организации Орши играл старый большевик П. Н. Лепешинский—бывший учитель реального училища, пользовавшийся большой популярностью в городе. Он был председателем городской думы, принимал самое активное участие в работе большевистского комитета, выступал на многочисленных докладах и митингах, сражался с приезжавшими в Оршу лидерами меньшевиков. В сентябре в Оршу приехал с докладом известный меньшевик Либер. Большевики подготовились к собранию, мобилизовали всех сочувствующих. Выступление товарища Лепешинского было встречено аудиторией с энтузиазмом. Она присоединилась к требованию о передаче всей власти в руки Советов.

Об оживлении работы организации, разгромленной 3—5 июля, сообщали Витебскому комитету полоцкие большевики. В октябре полоцкая организация насчитывает уже около 75 человек.

Широко развёртывается партийная работа в армиях Западного фронта. Большевики III Сибирского армейского корпуса писали 9 сентября в Центральный Комитет:

> «Работа наша продолжается по созданию новых, укреплению и расширению ранее возникших партийных ячеек в войсковых частях корпуса... В корпусе в данный момент существует 14 организаций-ячеек с общим количеством членов около 1 000»[1].

В горячие дни подготовки к штурму большевистские организации пополнялись десятками и сотнями новых бойцов за революцию. Ежедневно в партийные комитеты приходили рабочие и сол-

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

ЗВѢЗДА

Органъ Минскаго Комитета

Р. С.-Д. Р. П.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

11 Августа 1917 г.

Газета минской организации большевиков «Звезда».

даты и записывались в ряды боевой ленинской партии. По одному только Витебску в августе в большевистскую организацию записалось 212 человек, в сентябре это число возросло уже до 353, а в октябре — до 735 человек.

Партийная организация Белоруссии в сентябре насчитывала свыше 9 тысяч членов партии и сочувствующих.

Центральный Комитет большевиков уделял огромное внимание Белоруссии. Туда направляли организаторов, слали подробные инструкции о работе. Свердлов не раз вызывал к себе руководителей белорусских большевиков. Их регулярно предупреждали о планах и распоряжениях Центрального Комитета.

Свердлов часто давал практические указания на места.

«В переживаемое нами время, — писал он большевикам города Орши, — ни один сколько-нибудь честный интернационалист не может оставаться в блоке с оборонцами, предающими своей соглашательской политикой пролетариат...»[1]

Особое значение придавал Центральный Комитет работе в армии.

«При построении военной организации, — писал Свердлов в том же письме, — имейте в виду то обстоятельство, что она должна быть тесно связана с рабочей организацией. Личный состав военной организации в классовом отношении представляет элемент мало восприимчивый к идеям пролетарского социализма. Тесная связь с рабочими поэтому крайне важна»[2].

Обеспечить эту тесную связь между рабочими и солдатами легче всего можно было в организации, единой для области и фронта.

Создание областной организации взял на себя Минский комитет большевиков. Он сообщил большевикам Витебска, Полоцка, Могилёва, Гомеля, Бобруйска, Слуцка, Борисова и других городов, что областная конференция созывается на 1 сентября. Одно-

временно решено было созвать и фронтовую большевистскую конференцию.

Мятеж генерала Корнилова не позволил снять с мест большевистские силы. К 1 сентября в Минск прибыло всего 46 делегатов с решающими голосами и 6 с совещательными. Вместо конференции решено было провести совещание, на котором заслушать доклады с мест, сообщение о текущем моменте, об уставе военных партийных организаций, о созыве областной конференции.

Совещание закончило свои работы 3 сентября, избрав областное бюро. На 15 сентября было решено созвать в Минске областную конференцию.

Как внимательно следил Центральный Комитет за созданием областной партийной организации, можно судить по письму Свердлова большевикам III армейского корпуса:

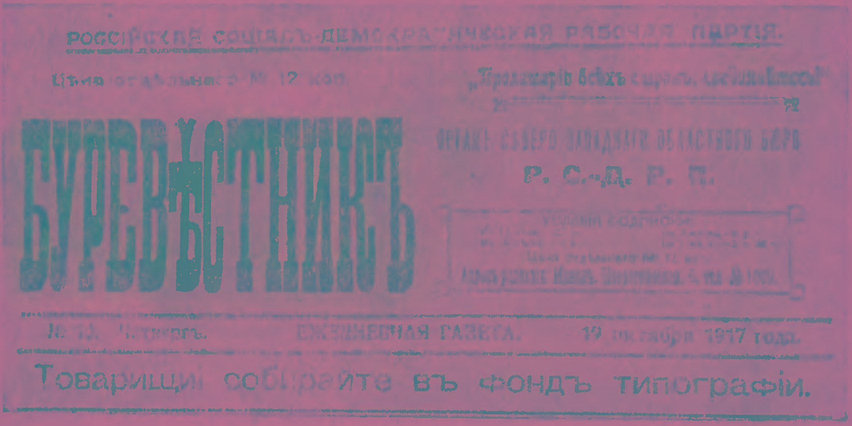
> «Очень хорошо, что областное объединение стало фактом. Имея всегда большое значение, оно в настоящий момент приобретает особо важное значение, тем более, когда входящие в организацию группы разбросаны в различных местах»[1].

Областная конференция большевиков Белоруссии состоялась 15 сентября 1917 года. Она открылась в Минске. Прибыло 88 делегатов: 61—от армии и 27 — от области.

Первым на конференции обсуждался вопрос о репрессиях против большевиков.

В принятой резолюции конференция требовала свободы слова, печати, собраний и обеспечения условий действительной свободы политической борьбы, прекращения репрессий против большевиков, прекращения всех возбуждённых судебных дел политического характера, немедленного освобождения всех арестованных и амнистирования осуждённых.

Газета минской организации большевиков «Буревестник», выходившая вместо закрытого Временным правительством «Молота».


БУРЕВѢСТНИКЪ
Р. С.-Д. Р. П.
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.
19 октября 1917 года.
Товарищи собирайте въ фондъ типографіи.

Конференция считала, что осуществление всех этих требований возможно только с переходом власти из рук империалистской буржуазии в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Делегаты рассказывали о колоссальном росте влияния большевиков на массы. Гарнизоны почти повсеместно стали большевистскими. Эсеры и меньшевики изолированы. В полках на фронте создаются боевые дружины для борьбы с контрреволюцией.

С докладом по текущему моменту выступил товарищ Мясников. Конференция подчеркнула, что

> «единственными организованными центрами революционной страны остаются и ещё более становятся Советы... Советы крепнут, пролетариат и солдаты, в своём большинстве уже осознавшие себя и интересы революции, усиливают Советы. Во многих местах Советы берут власть в свои руки...»[1]

Каждая строка резолюций, все выводы конференции звали к одному: «Вся власть Советам!»

По докладу об Учредительном собрании конференция постановила во всех пунктах области и фронта, где имеются партийные организации, создать краткосрочные курсы агитаторов-инструкторов, провести конференции в Витебском и Могилёвском избирательных округах для выдвижения кандидатур в Учредительное собрание, наметить кандидатуры по Минскому и фронтовому округам.

Печатным органом областного комитета была утверждена газета «Молот», начавшая выходить 15 сентября вместо закрытой правительством «Звезды».

Как и «Звезда», «Молот» сыграл большую организующую роль в партийной жизни Белоруссии и Западного фронта. Командный состав фронта посылал в центр по поводу газеты телеграмму за телеграммой. Наконец 3 октября начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Вырубов сообщил командующему Западным фронтом генералу Балуеву:

> «Я ходатайствовал о закрытии газеты «Молот». До тех пор, пока будет распространяться на фронте эта газета, никакие меры не приведут к порядку. Главковерх приказал «Молот» закрыть и типографию реквизировать, о чём сегодня послана вам телеграмма»[2].

6 октября «Молот» был закрыт. Типография, в которой выпускалась газета, опечатана. Военные власти решили наложить арест на типографию и приставили к ней охрану. Но солдаты отказались нести полицейскую службу. Заботу о типографии, в которой печатался «Молот», взял на себя Минский Совет. Совет поставил к типографии военный караул и потребовал снятия печатей с типографии. Требование Совета было поддержано всем гарнизоном, с возмущением встретившим приказ о закрытии большевистской газеты. 289-й пехотный полк грозил применить оружие.

Испуганное командование уступило требованию гарнизона. Через два дня, 8 октября, вместо закрытого «Молота» в Минске стала выходить новая большевистская газета «Буревестник».

Голос «Буревестника» звучал вплоть до победы пролетарской революции. Читая газету, рабочие, крестьяне и солдаты Западного фронта знакомились со статьями Ленина. В № 3 газеты от 11 октября была напечатана статья «Кризис назрел», в № 8 от 17 октября — статья «Национализация банков», в № 13—16 — «Письмо к товарищам».

Статьи Владимира Ильича в «Буревестнике» и переизданная Минским комитетом брошюра «Удержат ли большевики государственную власть?» становятся программой действий для большевиков Белоруссии.

Практическими выводами из работ I областной конференции была организация перевыборов в Советы.

Первым в Белоруссии был переизбран Минский Совет, с начала своего возникновения находившийся под влиянием большевиков.

Партийная организация Минска использовала перевыборы для разъяснения массам политического положения в стране. В короткое время Минский комитет провёл до сорока докладов по текущему моменту. Самый процесс перевыборов показал, что массы вполне доверяют большевикам. Во вновь избранный Совет вошли 184 большевика, 60 эсеров, 21 меньшевик и др.

Влияние вновь избранного Совета было огромно.

Весь октябрь большевистский Совет был занят подготовкой вооружённых сил, собиранием и учётом оружия.

В тех Советах, где перевыборы не производились или не дали большевикам численного превосходства, в сентябре всё же значительно возрастают влияние и авторитет большевистских фракций.

Много внимания работе в Совете уделял Витебский партийный комитет.

Во второй половине сентября большевики Витебска начинают деятельно готовиться к губернскому съезду Советов.

Боясь, что большевики действительно получат на губернском съезде большинство, меньшевистские и эсеровские руководители Совета путём различных предвыборных махинаций добились того, что на съезде оказалось более 300 крестьянских депутатов и только человек 40 от рабочих и солдат. Съезд открылся 4 октября. На съезде было всего 26 большевиков, но они вели за собой не один десяток делегатов. Это сказалось на голосовании эсеровской резолюции по текущему моменту, когда почти пятая часть съезда голосовала против неё, отдав свои голоса большевикам.

В середине октября, ещё не имея большинства в Совете, Витебский комитет большевиков деятельно готовится к взятию власти Советами. На заседании 20 октября партийный комитет пополняется товарищами из военных частей и этим теснее связывается с

массами вооружённого народа. На этом же заседании создаётся военная организация.

В Гомеле борьба большевиков за влияние усложнялась ещё тем, что еврейская рабочая масса города была заражена националистическими идеями. В Гомеле была сильная бундовская организация, во главе которой стояли прожжённые политиканы. Они пользовались большим влиянием в мелкобуржуазной среде. В Гомель приезжали Либер, Вайнштейн, председатель Центрального комитета Бунда, постоянно работавший в Минске, и др. Это требовало особого напряжения всех большевистских сил.

Но уже в сентябре на всех собраниях, на которых выступали приезжие меньшевистские и бундовские лидеры, явно чувствовалось, что перевес сил на стороне большевиков.

5 октября в Минске состоялась II областная конференция партийных организаций Белоруссии и Западного фронта.

Сохранившиеся краткие протокольные записи очень скупо говорят о той громадной работе, которую проделали большевистские организации за промежуток времени от первой до второй конференции. Более красноречиво об этом говорит рост членов партии. За двадцать дней, прошедших между конференциями, партийная организация Белоруссии выросла почти в шесть раз. На второй конференции было представлено 28 591 член партии и 27 856 сочувствующих.

Ко времени первой конференции армейские организации Западного фронта имели 6 500 членов партии и сочувствующих, а ко второй это число выросло до 49 тысяч. Областные невоенные организации имели на первой конференции 2 642 члена партии и сочувствующих; через 20 дней это число возросло до 7 453 человек.

Конференцию открыл товарищ Мясников — её председатель. Было послано приветствие Ленину.

По вопросу о перевыборах в Советы и армейские комитеты конференция предложила организациям

«приложить все усилия к обеспечению на местах созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в назначенный срок — 20 октября»[1].

Конференция предложила провести перевыборы армейских комитетов с тем, чтобы их представители могли на съезде Советов «отразить волю и защитить интересы трудящихся масс»[2].

Белорусские организации совершенно правильно рассматривали борьбу за своевременный созыв II Всероссийского съезда Советов как одну из основных задач.

Выполняя решения Центрального Комитета большевиков от 24 сентября о созыве областных съездов для подготовки к Всероссийскому съезду Советов, 16 октября в Минске была проведена областная конференция Советов.

Подавляющее число делегатов составляли большевики. Кон-

ференция признала неотложным созыв Всероссийского съезда Советов 20 октября и присоединилась к обращению съезда Советов Северной области о борьбе за Всероссийский съезд Советов.

22 октября Минский Совет праздновал двенадцатилетие образования Петроградского Совета. С докладом о Питерском Совете 1905 года выступил товарищ Мясников. Он поставил вопрос о необходимости вооружённого захвата власти. Совет своей резолюцией поддержал докладчика.

На II Всероссийский съезд Советов трудящиеся Белоруссии послали 46 делегатов: из них 20 большевиков и 6 «левых» эсеров. Почти все делегаты повезли с собой наказы о передаче всей власти Советам.

Делегаты Советов Минского, Гомельского, Витебского, Городокского, Несвижского, Слуцкого, Речицкого, Оршанского городского, X армии, гвардейского корпуса, XXXV армейского корпуса, 37-го пехотного полка передали съезду Советов требование своих избирателей: «Вся власть Советам!» И только три Совета — Витебский губернский, Могилёвский городской и Оршанский районный, ещё находившиеся под соглашательским влиянием, пришли на съезд с требованием «вся власть демократии».

Большевики накануне Октября вырвали Белоруссию из рук врагов, превратив её в опору революции.

12.

ПРИБАЛТИКА.

Обстановка в Прибалтике накануне Октябрьской социалистической революции во многом отличалась от других национальных районов страны.

Ряд условий благоприятствовал здесь быстрейшей большевизации масс и облегчал назревание революционного кризиса. Но были в Прибалтике и свои трудности, наложившие отпечаток на весь процесс развития революции как до Октября, так и в послеоктябрьский период.

Это объяснялось особенностями развития края в условиях царской России.

Прибалтийские страны (Латвия, Эстония и Литва), составлявшие прибалтийские губернии Российской империи — Курляндскую, Лифляндскую, Эстляндскую, Ковенскую, Виленскую и часть других, были прежде всего районами высоко развитых капиталистических отношений, чем значительно отличались от восточных национальных районов.

Накануне первой мировой войны прибалтийские страны, в первую очередь Латвия и Эстония, являлись крупнейшими промышленными районами России. Так, в Латвии в 1913 году было свыше 110 тысяч рабочих (при общем количестве населения около 2 миллионов человек), в Эстонии — 70 тысяч (при общем количестве населения около 1 миллиона человек). Только в самой большой из прибалтийских стран — Литве — крупная капиталистическая промышленность почти не была развита, и Литва представляла собой типичный отсталый аграрный район.

Рига была главным промышленным центром Латвии, Ревель (Таллин) и Нарва — Эстонии.

Среди рижских фабрик и заводов выделялись такие крупные предприятия, как фабрика резиновых изделий «Проводник» (12 тысяч рабочих), Балтийский вагоностроительный завод (4 тысячи рабочих), вагоностроительный завод «Феникс» (6 тысяч рабочих). Балтийский судостроительный завод в Ревеле насчитывал 5 тысяч рабочих, Кренгольмская мануфактура в Нарве — крупнейшее текстильное предприятие дореволюционной России — 14 тысяч рабочих и т. д. Всего в Риге в 1914 году было 90 тысяч рабочих, в Ревеле — 40 тысяч. Первое место в Латвии занимала металлопромышленность (свыше 25 тысяч рабочих).

В Эстонии преобладали рабочие текстильщики (19 тысяч) и металлисты (11,5 тысячи).

Но за пределами рабочих окраин крупных промышленных центров Эстонии и Латвии начиналась прибалтийская деревня. В городах—новейшая капиталистическая промышленность, огромные корпуса предприятий, построенных по последнему слову техники, с десятками тысяч кадровых рабочих, а рядом — в латышской и эстонской деревне, как и много веков назад, безраздельно господствовали современные феодалы: немецкие бароны — потомки немецких псов-рыцарей, вторгшихся в пределы Прибалтики 700 лет назад.

Немецкие бароны, пользуясь исключительными привилегиями, держали народные массы Латвии и Эстонии в полном порабощении, подвергали их зверской эксплоатации и бесчеловечному гнёту. В руках баронов-помещиков находилась основная масса земли. Они владели огромными латифундиями, иногда в несколько десятков тысяч десятин. 35 имений в Латвии имели свыше 10 тысяч десятин земли каждое. Барону Дундагу принадлежало свыше 66 тысяч десятин земли, Попену — свыше 46 тысяч, семья барона фон Вольф владела 36 имениями с общей земельной площадью в 165 227 десятин.

Бароны Остен-Сакены, фон Фредериксы, фон Розены, фон Ренненкампфы, Меллер-Закомельские прославились как кровавые палачи, вешатели, душители свободы народных масс. Они потопили в крови восстание рабочих и крестьян Прибалтики в 1905 году. За-

нимая высокие посты в царских правительственных учреждениях и в армии, пользуясь связями с царским двором, немецкие бароны во время первой мировой войны вели широкий шпионаж в пользу Германии. Жгучей ненавистью к немецким баронам — своим вековечным поработителям — горели сердца трудящихся Прибалтики.

К бесчеловечной феодально-крепостнической эксплоатации крестьянства здесь добавлялся и гнёт современных капиталистических отношений. В XX веке расслоение эстонской и латышской деревни зашло очень далеко. На шее у крестьянина Прибалтики кроме «чёрного барона» — немецкого помещика сидел ещё «серый барон» — кулак. Основную массу крестьянства Эстонии и Латвии составляли безземельные батраки и мелкие арендаторы. Уже в конце XIX века 66% сельского населения Латвии было безземельным.

Если к этому двойному гнёту капиталистической и феодально-крепостнической эксплоатации добавить ещё национальный гнёт царского самодержавия и немецких баронов, то станет понятна основа исключительно острых классовых противоречий в прибалтийской деревне накануне 1917 года.

Более высокая ступень развития капитализма, большая ясность, определённость и острота классовых противоречий, жестокий национальный гнёт, большая концентрация населения в городах и более высокая ступень его культурного развития объясняли, как указывал Ленин, причины быстрого роста революционного движения на западных окраинах, а также причины успехов, в частности латышской социал-демократии, которая на протяжении почти всей своей истории была неразрывно связана с большевистским крылом РСДРП.

В 1905 году рабочие и крестьяне Прибалтики шли в авангарде борьбы с царизмом и помещиками. Почти поголовное восстание пролетариата и батраков в Латвии в 1905 году было подавлено с большой жестокостью. Молодёжь, пережившая все ужасы усмирения и реакции, прониклась жгучей ненавистью к угнетателям — царскому самодержавию и немецким помещикам. Эту ненависть она донесла до Октябрьских дней 1917 года.

Вторая особенность развития революции в Прибалтике заключалась в том, что эти страны являлись в годы первой империалистической войны ареной ожесточённых военных действий. Осенью 1915 года пала Вильна, и с ней в руки немцев перешла вся Литва и Курляндия. В августе 1917 года Корнилов — Керенский предательски сдали Ригу немцам. Таким образом, к Октябрьской революции Прибалтика, за исключением Эстонии и северной части Латвии, была оккупирована войсками кайзеровской Германии. Немецкие завоеватели грабили страну, увозя всё ценное в Германию. Они принесли тяжелейшие бедствия латышскому, литовскому и эстонскому народам. В Латвии свыше четверти волостей было сме-

тено с лица земли, разрушено свыше 200 тысяч зданий, 600 тысяч жителей осталось совсем без крова. Ряд крупнейших предприятий Латвии был эвакуирован в глубь страны. Из Риги переселилось 300 тысяч человек (в Риге до войны было 500 тысяч жителей). Ненависть к своим вековечным угнетателям-немцам во время войны ещё более усилилась. В лице наступавшей германской армии латышское и эстонское крестьянство видело тех же ненавистных угнетателей, с которыми оно вело борьбу в течение столетий.

Тяжелейшие бедствия войны, особенно остро сказавшиеся в такой прифронтовой полосе, как прибалтийские страны, не могли не ускорить в большей мере, чем в других районах, процесс революционизирования масс, особенно после Февральской буржуазно-демократической революции.

И, наконец, третьей особенностью развития революции в Прибалтике явился тот факт, что в связи с ходом военных действий на территории Латвии были сосредоточены в основном все три армии Северного фронта — XII, I и V. Наибольшее значение имела XII армия, расположенная в непосредственной близости к Петрограду. Подготовка октябрьских боёв в неоккупированной части Латвии и Эстонии была неразрывно связана с ходом и развитием Октябрьской революции на Северном фронте.

Позиция солдат Северного фронта в свою очередь в значительной мере определяла исход борьбы в столице — в Петрограде. Огромное значение имел также тот факт, что в состав XII армии входили латышские стрелковые полки. Они были созданы по инициативе латышской буржуазии с согласия царского правительства летом 1915 года. К Февральской революции латышские стрелки, состоявшие в основной своей массе из пролетарских и полупролетарских элементов, составляли 8 полков, объединённых в две бригады с общим количеством 30—35 тысяч солдат и 1 тысяча офицеров. Вопреки всем надеждам латышской буржуазии и царского правительства, латышские стрелковые полки благодаря огромной работе большевиков стали накануне Октябрьской социалистической революции важнейшей вооружённой силой, опираясь на которую Советы Латвии брали власть в свои руки.

Уже в марте 1917 года была оформлена большевистская организация латышских стрелковых полков. В это время в неё входило около 70 членов, в июне было уже свыше 1,5 тысячи, а в августе — 3 тысячи членов партии. Для работы среди солдат XII армии большое значение имела выпускаемая большевистской военной организацией газета «Окопная правда».

В мае 1917 года объединённый Совет латышских стрелковых полков принял большевистскую резолюцию, и с этого времени Исколастрел (Исполнительный комитет Совета латышских стрелковых полков) становится оплотом большевизма в Риге.

Очень быстро росла и ревельская большевистская организация,

в составе которой было много моряков Ревельской базы Балтфлота. В июне в её рядах было 2 123 члена партии, в августе — 3 182.

После корниловщины почти на всех собраниях частей XII армии принимались большевистские резолюции. Обострилась классовая борьба между беднотой и кулачеством в деревне. В августе во время уборки урожая в Латвии происходили забастовки батраков, которыми руководил Совет безземельных депутатов, созданный ещё в апреле 1917 года.

13—15 августа в Ревеле под руководством большевиков происходила конференция безземельных крестьян, на которой было представлено 40 тысяч батраков, безземельных и малоземельных крестьян.

О росте влияния революционной социал-демократии Латвии среди деревенской бедноты свидетельствовал тот факт, что во время сентябрьских выборов в уездные земельные Советы социал-демократия получила по Валкскому уезду 71%, по Вольмарскому — 76, по Венденскому — 74% всех голосов.

К сентябрю большевизируется также основная часть Советов Латвии и Эстонии. Нарвский Совет с первых же дней своей организации был прочно завоёван большевиками. Уже в августе Рижский Совет был в руках у большевиков. Большевистскими по своему составу были Советы Вендена и Вольмара.

Для роста влияния большевистской партии чрезвычайно показательны выборы в городские думы, происходившие в августе 1917 г.

Выборы в Рижскую городскую думу дали большевикам Латвии 49 мест из 120, в Вольмаре — 18 из 28. В Ревеле большевики получили треть всех голосов в центре города и до 50% голосов на окраинах. В Нарве за большевиков было подано 74% всех голосов. Здесь работал в 1917 году виднейший руководитель эстонского пролетариата, член партии большевиков с 1906 года — Виктор Кингисепп.

Во время выборной кампании в городские думы началось немецкое наступление на Ригу. 21 августа Временное правительство сдало Ригу немцам. Латышские стрелки с величайшим героизмом отстаивали Ригу.

Храбро и доблестно сражались русские части. Даже эсеро-меньшевистский Искосол (Исполнительный комитет солдатских депутатов XII армии) вынужден был признать бодрость и революционную сознательность солдатской массы в этот трудный момент. Заняв город, немцы объявили Ригу на осадном положении и начали применять организованный террор против мирного населения и против большевиков.

После потери Риги и дальнейшего продвижения германских войск район легальной деятельности революционной социал-демократии Латвии ограничивался тремя уездами Лифляндской губернии — Валкским, Венденским и Вольмарским.

16 октября 1917 года в Валке состоялась чрезвычайная партийная конференция социал-демократии Латышского края. Конференция обсуждала один вопрос — о текущем моменте и целиком присоединилась к исторической ленинской резолюции о вооружённом восстании, принятой на заседании Центрального Комитета партии 10 октября. В резолюции конференции говорилось:

«Конференция считает, что настал момент последней решительной борьбы, когда должна решиться судьба не только российской, но всемирной революции... Приготовляясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии ставит себе задачей поддерживать самое тесное единение с революционными рабочими Петрограда и Москвы и поддерживать всеми силами и всеми средствами борьбу российского пролетариата... за завоевание государственной власти»[1].

На съезде Советов Северной области в Петрограде представитель латышских стрелков достаточно красноречиво сформулировал готовность армии поддержать восстание. Он говорил о том, что латышские полки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать полную поддержку Петрограду, собирающемуся провести в жизнь лозунг «Вся власть Советам!».

После съезда Советов Северной области началась прямая подготовка к вооружённому восстанию. Согласно решению партийной конференции, в ночь с 18 на 19 октября в Вендене был организован подпольный военно-революционный комитет, который установил тесную связь между большевистскими организациями XII армии. Перед военно-революционным комитетом ставилась задача: в момент восстания в Петрограде занять все стратегические пункты по направлению к Петрограду и парализовать контрреволюционную деятельность штаба XII армии и меньшевистско-эсеровского Искосола.

20 октября состоялся съезд латышских стрелков. Единогласно, без прений была принята резолюция, предложенная представителем Центрального Комитета большевиков, которая требовала готовиться к вооружённой борьбе за власть Советов и к защите Всероссийского съезда Советов.

Съезд латышских стрелков утвердил избранный латышской партийной конференцией военно-революционный комитет.

22 октября на объединённом заседании Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Эстонии и Ревельского Совета был избран военно-революционный комитет в составе 40 человек, который взял под свой контроль стратегически важные пункты в городе и в районе крепости.

Так рабочие и крестьяне Латвии и Эстонии во главе с большевистской партией готовились к решающим октябрьским боям.

13.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

Застрельщиком борьбы за победу пролетарской революции в Закавказье был бакинский пролетариат. Баку являлся промышленным оазисом края. В Баку были сосредоточены крупнейшие нефтяные промыслы, заводы и основные кадры пролетариата с богатым боевым революционным прошлым.

До революции общее число рабочих, занятых в промышленности Закавказья, составляло около 100 тысяч, причём из них свыше 36 тысяч (38%) находилось на нефтяных промыслах в Баку. В Тифлисе, бывшем торговом и административном центре Кавказского наместничества, почти не было крупных промышленных предприятий, за исключением главных железнодорожных мастерских. В Эривани до революции насчитывалось едва 30 тысяч жителей и совсем не было промышленного пролетариата. В Кутаисе было всего несколько сот рабочих. Всё это делало пролетарский Баку центром революционного движения в Закавказье.

Бакинская большевистская организация создавалась, росла и крепла под непосредственным руководством Сталина.

> «Славные большевистские традиции, привитые самым близким сподвижником великого Ленина — товарищем Сталиным, выдвинули бакинский пролетариат в ряды передовых борцов за победу революции, за диктатуру пролетариата, за победу социализма»[1], — писал Л. П. Берия.

Во главе бакинской большевистской организации в 1917 году стояли такие крупнейшие деятели партии, как Степан Шаумян и Алёша Джапаридзе. Степан Георгиевич Шаумян — старый большевик, участник IV и V съездов партии. В 1907—1911 годах Степан Шаумян работал в Баку под непосредственным руководством Сталина. Шаумян пользовался огромным авторитетом и любовью среди бакинских рабочих. В течение ряда лет Шаумян вёл переписку с Лениным, главным образом по национальному вопросу. Февральская революция застала Шаумяна в Саратове, куда он после 10-месячного заключения в тюрьме был сослан царским правительством. Тотчас же по получении известия о Февральской революции Шаумян выехал в свой родной Баку. В дороге он узнал, что бакинские рабочие заочно избрали его первым председателем Бакинского Совета рабочих депутатов.

Алёша Джапаридзе вступил в социал-демократическую партию в 1898 году. Весь его жизненный путь, как и путь Шаумяна, был ярким примером жизни и борьбы профессионала-революционера. Живой и пламенный Алёша как бы дополнял своего спокойного и вдумчивого друга Степана Шаумяна.

Аресты и ссылки в жизни Джапаридзе следовали одна за другой. В 1915 году он был сослан царским правительством в Енисей-

С. Г. Шаумян.

скую губернию, откуда вскоре бежал и начал по поручению партии вести революционную работу среди солдат Кавказской армии.

После Февральской революции Джапаридзе был вызван из Трапезунда, где вёл революционную работу, в Баку.

После Всероссийской апрельской конференции большевики Закавказья по прямому указанию Ленина и Сталина порвали с меньшевиками и создали самостоятельные большевистские организации в Баку, Тифлисе, Батуме и других городах. 11 марта в Тифлисе стала выходить большевистская газета «Кавказский рабочий». 22 апреля, которое отмечается в Советской стране как день рабочей печати, большевики Баку выпустили первый номер своей газеты «Бакинский рабочий». Она выходила под тем же названием в 1906 — 1908 годах под руководством Сталина.

Наличие крепкого большевистского руководства, появление своего печатного органа давало большие преимущества большевикам Баку в их борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Однако на пути большевизации масс, на пути завоевания власти здесь стояли большие и серьёзные трудности.

Товарищ Сталин выделял две особенности Закавказья, наложившие свой отпечаток на ход пролетарской революции.

«Из всех окраин Российской федерации Закавказье, кажется, самый характерный уголок в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, ингуши и осетины, чеченцы и абхазцы, греки и кумыки — такова далеко не исчерпывающая картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья» [1].

Сложный переплёт национальных противоречий приводил к тому, как указывал товарищ Сталин, что создавалась весьма «удобная» обстановка «для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками» [2].

Другая характерная особенность Закавказья заключалась в экономической отсталости края.

«Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям у берегов морей, и с крепкими ещё остатками чисто крепостнического уклада в центре» [1], — писал Сталин.

А. Джапаридзе.

Пролетариат Баку, среди которого было много русских рабочих, слабо был связан с азербайджанской деревней, что не могло не сказаться на ходе пролетарской революции в Закавказье.

В марте 1917 года Временное правительство взамен наместника на Кавказе и командующего Кавказским фронтом Н. Н. Романова создало свой орган власти в лице Особого закавказского комитета (Озаком). Состав Озакома был явно контрреволюционным. Пришлось для успокоения масс ввести в Озаком меньшевика Чхенкели. Во всех органах закавказской краевой власти (Краевом центре Совета рабочих и солдатских депутатов, Совете Кавказской армии) руководящую роль играли грузинские меньшевики, заключившие блок с эсерами и буржуазно-националистическими организациями.

Даже в Баку, где первым председателем Совета рабочих депутатов был избран большевик Степан Шаумян, пленум Совета в своём преобладающем большинстве был меньшевистско-эсеровским.

Воспользовавшись слиянием Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов, которое произошло в Баку в мае 1917 года, соглашатели взамен Шаумяна провели председателем объединённого Совета своего ставленника эсера Саакяна.

Грузинские меньшевики в союзе с буржуазно-националистическими организациями «Дашнакцутюн» (армянская буржуазно-помещичья партия) и «Муссават» (азербайджанская буржуазно-помещичья партия) всячески пытались отвлечь народные массы от задач классовой борьбы, разжигая национальные противоречия и национальную вражду.

Дашнаки и муссаватисты приветствовали Временное правительство и всемерно его поддерживали. Этим буржуазно-националистическим организациям удалось демагогическими лозунгами, особенно в первые месяцы Февральской революции, увлечь за собой значительные массы трудящихся Грузии, Азербайджана, Армении, прежде всего в деревне.

Большевикам Закавказья предстояла длительная и упорная борьба за завоевание масс.

Большое значение в работе среди мусульманских трудящихся масс имела организация «Гуммет» («Энергия»), во главе которой стоял старый большевик Мешади Азизбеков. «Гуммет» входил в состав бакинской большевистской организации, издавал свою газету на азербайджанском языке. VI съезд партии приветствовал «Гуммет» как первую социал-демократическую организацию среди мусульман. В состав «Гуммет» проникли скрытые националисты, которые всячески препятствовали сплочению национальных масс вокруг большевистской партии. «Гуммет» пользовался слабым влиянием в деревне. Однако, несмотря на все ошибки и недостатки, эта организация провела в 1917 году большевистскую работу, давшую серьёзные результаты.

Делегатом от большевиков Баку на VI съезд партии поехал Алёша Джапаридзе. В Петрограде он встретился со Сталиным, с Серго Орджоникидзе и получил необходимые указания о дальнейших задачах работы в Закавказье. VI съезд партии избрал членом Центрального Комитета партии Степана Шаумяна и кандидатом в члены Центрального Комитета Алёшу Джапаридзе.

Опираясь на решения VI съезда партии, большевики Закавказья усилили борьбу за большевизацию Советов, за завоевание власти.

После июльских и особенно после корниловских дней обстановка в Закавказье, и прежде всего в Баку, коренным образом изменилась.

30 августа 1917 года Бакинский Совет, на котором кроме членов пленума Совета присутствовало около тысячи представителей рабочих и солдат, впервые принял большевистскую резолюцию.

Было выдвинуто требование перевыборов Совета, горячо поддержанное широкими массами. В сентябре началась оживлённая предвыборная кампания. Большевики постепенно завоёвывали также влияние в профсоюзах. Уже в мае 1917 года в самом крупном и ведущем профсоюзе Баку — в профсоюзе рабочих нефтяной промышленности — руководство находилось в руках большевиков. Из 5 членов президиума 3 были большевики. Председателем правления был большевик И. Фиолетов.

Осенью 1917 года в Закавказье усилилась волна крестьянского движения, которое подавлялось меньшевиками и эсерами воору-

Товарищ Джапаридзе на нефтепромыслах в Баку во время сентябрьской стачки 1917 года.

Рисунок Т. Б. Звонарёвой.

жённой силой. Влияние большевиков среди солдат становилось господствующим.

В этой обстановке повсеместного нарастания революционного кризиса началась всеобщая стачка рабочих Баку. Рабочие требовали заключения коллективного договора на основе выработанных ими условий. Когда нефтепромышленники отклонили ультиматум рабочих, 27 сентября по выработанному стачечным комитетом плану началась всеобщая стачка в Баку. Жизнь на предприятиях сразу замерла. В стачечной борьбе участвовал весь пролетарский Баку. Руководство стачкой находилось в руках большевиков. Председателем стачечного комитета был избран Джапаридзе. Стачка продолжалась 6 дней — с 27 сентября по 2 октября — и закончилась полной победой рабочих. Не помогли вмешательство Временного правительства и приезд в Баку министра труда. Нефтепромышленники вынуждены были признать себя побеждёнными. Центральный Комитет большевистской партии приветствовал

> «революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал» [1].